

Питаваль Э.

**КРАСНАЯ
КОРОЛЕВА**

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Женские лики – символы веков

Эрнест Питарваль
Красная королева

«Алгоритм»

1910

УДК 821.112.2
ББК 84(4Г)

Питаваль Э.

Красная королева / Э. Питаваль — «Алгоритм»,
1910 — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-03403-9

Немецкий писатель Эрнест Питаваль (1829–1887) – ярчайший представитель историко-приключенческого жанра; известен как автор одной из самых интересных литературных версий трагической судьбы шотландской королевы Марии Стюарт. Несколько романов о ней, созданные Питавалем без малого полтора века назад, до сих пор читаются с неослабевающим интересом. В данном томе представлен роман «Красная королева», который перенесет читателя в Европу XVI века, в романтическое и жестокое время, когда Англию, Шотландию и Францию связывали и одновременно разъединяли борьба за власть, честолюбивые устремления царствующих особ и их фаворитов. В центре повествования судьба великой правительницы Елизаветы Тюдор.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Г)

ISBN 978-5-486-03403-9

© Питаваль Э., 1910
© Алгоритм, 1910

Содержание

Глава первая. Граф Лейстер	6
Глава вторая. Голос совести	14
Глава третья. Возмездие	22
Глава четвертая. Мария Стюарт и реформатор	31
Глава пятая. Маркиз Кастиляр	38
Глава шестая. Сватовство	48
Глава седьмая. Сент-Эндрю	60
Глава восьмая. Старая ненависть	66
Глава девятая. Мария и Лейстер	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Эрнест Питаваль

Красная королева

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

* * *

Глава первая. Граф Лейстер

I

Самым блестящим расцветом Англии по справедливости считают эпоху царствования Елизаветы, когда слияние реформации и языческого ренессанса вызвали к жизни новые могучие, неведомые дотоле силы, когда Англия одержала победу над предрассудками католической религии и уничтожила великую армаду Филиппа II, когда страна, вступив на новый путь, подарила миру такого поэта, как Шекспир, и такого философа, как Бэкон.

Дочь трагически погибшей Анны Болейн записала свое имя на страницы истории кровавыми и золотыми буквами. Елизавете было двадцать пять лет, когда корона украсила ее золотисто-белокурые волосы; ее высокая фигура отличалась грацией и величием; на красивом, хотя и не отличавшемся правильными чертами, лице несколько южного типа сверкала пара больших темно-синих глаз, в которых выражались ласковость и пронизательная острота ума, когда она с королевской гордостью смотрела с высоты трона, но которые могли также пламенеть дикой страстью, если в ней задевалось тщеславие женщины.

Это тщеславие было большой слабостью Елизаветы; несмотря на все величие своей души, несмотря на всю свою гордость, она не прощала ни малейшей обиды, нанесенной ей как женщине. Елизавета хотела быть прекраснейшей женщиной своего времени: каждая лесть, касавшаяся ее внешнего вида, встречала благосклонный прием.

Елизавета была целомудренна до кончиков ногтей, как метко говорит историк. Ее высшей гордостью было слыть и быть девственной королевой. Она отказывала всем женихам, но никогда не оставалась без поклонников, с которыми ее чувственность вела кокетливую игру, возбуждающую всяческие вожеления и никогда не удовлетворяющую их. Было ли это следствием физического недостатка или болезни, но Елизавета в часы интимных бесед со своими фаворитами или льстецами являлась самой разнузданной и чувственной женщиной, хотя ее и нельзя было обвинить в фактическом падении, да и мужа брать она тоже не хотела.

Наряду с чувственностью она унаследовала от отца также высокомерие и вспыльчивость. Но именно эти черты характера, в связи с ее образованностью и возвышенностью ума, послужили к образованию фундамента мирового могущества Англии. Елизавета выбрала министрами самых умных и пронизательных людей того времени – Уильяма Сесилия и Николая Бэкона, прекратила судебные преследования против еретиков, освободила всех заключенных, посаженных в тюрьмы за религиозные убеждения, и снова восстановила англиканскую церковь, не возобновив, однако, преследований против католиков. Во всех мероприятиях она руководилась желанием сделать Англию великой и счастливой, и только одна всеобъемлющая ненависть переполняла ее душу – это ревнивая ненависть к женщине, более красивой, чем она сама, и долженствовавшей стать ее наследницей, к женщине, бывшей и королевой, и ее соперницей на том же острове – к Марии Стюарт.

II

Королева Елизавета сидела в своем кабинете. Уильям Сесиль, барон Бэрлей, только что кончил свой доклад, когда Елизавета случайно посмотрела в окно и засмотрелась на сцену, все более и более приковывавшую ее внимание. Молодой, в высшей степени элегантно одетый, кавалер пытался заставить смириться пылкого коня, напугавшегося драбантов, охранявших ворота у въезда в парк. Лошадь становилась на дыбы, делала скачки в стороны; кавалер заты-

гивал поводья, заставлял покрытую мыльной пеной лошадь подскакивать к воротам, у которых она снова вздымалась до того, что, казалось, вот-вот опрокинется на спину, снова делала скачок в сторону и снова отказывалась въезжать в парк. Но кавалер упорно все снова и снова подводил ее к воротам, с каждым разом все ближе подъезжая к намеченной им цели, и неизвестно было, чему более любоваться – силе и выдержке или смелости всадника. Собралась куча любопытных, которые приветствовали эту сцену возгласами одобрения, удивления или ужаса; временами казалось, что молодой человек неминуемо должен вылететь из седла и разбить себе голову о мозаичный пол, но всадник словно сросся с лошастью и как будто шутя управлял поводьями. Нельзя было представить себе ничего более грациозного, чем посадка и стан этого молодого человека; его лицо было скрыто от королевы, так как длинное перо берета свисало как раз на обращенную ко дворцу сторону.

– Этот молодой человек, – улыбнулась Елизавета, – кажется, хочет сделать карьеру. И ему посчастливилось, так как мы заметили его в удачный момент. Сесиль, знаете ли вы этого молодого человека?

– Ваше величество, – ответил Бэрлей, – от пронизательности вашего взора никогда ничто не скроется! Этот молодой человек добивается чести быть представленным вам и теперь дрессирует лошадь пред дворцом в очевидной надежде быть замеченным прекраснейшими в мире глазами. Это Роберт Дэдлей, сын несчастного Гильфорда Варвика, супруга...

– Знаю, – перебила его Елизавета, и тень набежала на ее лицо при воспоминании о кровавом дне, когда в Тауэре упал топор палача на голову Гильфорда Варвика и его жены Джен Грей, а она сама была узницей своей сестры. – Сэр Роберт Дэдлей... Я хорошо помню его; это смелый мальчик из винчестерского турнира. Как это могло случиться, что он так долго не появлялся при дворе?

– Он всего несколько дней назад вернулся из Франции, куда скрылся в те дни...

Елизавета погрузилась в мечты и почти не слыхала ответа; воспоминания о Дэдлее вызвали в ее душе тысячи картин из времен ее юности. Гремели винчестерские трубы, мальчик Дэдлей облачился в ее цвета, и его безумная храбрость отомстила за нее издевательствам сестры.

– Ваше величество, – шепнул Бэрлей, которому этот момент показался благоприятным, чтобы замолвить словечко за своего фаворита. – Родовые имения Варвиков попали в другие руки, но графство Лейстер свободно; следовало бы отдать его сэру Дэдлею в вознаграждение за тяжелую участь...

– Конечно, Сесиль, конечно! Я не могу сделать ничего более достойного, как вознаградить тех, кто пострадал за меня и кому я обязана немногими светлыми воспоминаниями милой юности. Посмотрите-ка, вот что мне принесли вчера. Эту записку написала моя няня коменданту замка, когда мне было четыре года. Отец в то время ненавидел меня, так как я напомнила ему о смерти матери. Этот листочек – для меня реликвия; он постоянно будет напоминать мне, чтобы я не забывала восхвалять Господа за неисповедимые пути, которыми Он вывел меня из самой жестокой нищеты к пышнейшему трону земли. Прочтите это, лорд Сесиль.

Бэрлей прочел и тоже почувствовал себя взволнованным.

– «Почтительнейше прошу Вас, – читал он в записке, которая до сих пор хранится в архивах Виндзора, – все милостивейше снизойти к нуждам моей крошки, так как у нее нет ни платья, ни кацавейки, ни шубы, ни белья, ни рубашек, ни платков, ни одеяла, ни матраса, ни муфты, ни шапочки».

– Вот как была я бедна тогда! И как я теперь богата! Сесиль, пошлите мне этого молодого человека! Елизавета Тюдор никогда не забывает тех, кто доставлял ей в юности часы радости.

Бэрлей глубоко поклонился и вышел из комнаты.

Елизавета подошла к окну и пробормотала, смотря на смелого всадника:

– Как он красив!.. Знает ли он, что я смотрю на него? В то время, когда он носил мои цвета, он был еще ребенком; но и тогда он умел ухаживать за дамой, как взрослый. Варвики горды, отважны и верны в любви. Один из Варвиков был супругом моей двоюродной сестры Джен Грей и рядом с нею обогрил кровью эшафот. Теперь мальчик возмужал в ссылке... Однако ведь это он, кажется, освободил Стюарт и был потом сослан? Он действовал с большой отвагой для своего возраста! Значит, он знает Стюарт? Он видел эту чудо-женщину? От него я узнаю, не потускнели ли черты ее лица от горя. Говорят, что она безутешна после смерти супруга.

Елизавета мельком взглянула в зеркало, и ее глаза заблестели в горделивом сознании, что ее гордого духа не сломили никакие лишения и горести и что ее глаза не плакали слезами слабости.

Бэрлей вернулся и доложил:

– Ваше величество, сэр Дэдлей ждет ваших приказаний.

– Пусть войдет!.. А, сэр Дэдлей! – воскликнула королева. – У вас не хватает терпения дожидаться испрашиваемой вами аудиенции и вы упражняетесь под моими окнами в верховой езде? Вы хотите напомнить мне, что я все еще в долгу перед своим рыцарем винчестерского турнира? С годами вы не стали застенчивее! Но мне нравится откровенное почитание, если за ним чувствуется смелое сердце. Хотите поступить ко мне на службу?

Дэдлей был словно опьянен столь милостивым приемом, превзошедшим самые смелые ожидания. Тщеславие сердца говорило ему, что в данном случае дело заключается не в благодарности королевы, а в благоволении женщины. Он посмотрел на Елизавету взглядом, которым уже неоднократно вызывал у нее краску стыда на прекрасных щеках, как бы желая убедиться, достаточно ли силен в ней инстинкт женщины, неизменно податливой на сладкую лесть. Никогда еще в жизни он не ставил так много на карту, не дерзал так сильно, как в этот момент, когда его взор словно старался раздеть королеву, чтобы отыскать у женщины наиболее уязвимое место. И он увидел, как под пушистыми, огненными локонами запылали щеки Елизаветы, как в блеске ее глаз засветилась страсть – этот первый привет любви, – и осознал, что в данном положении победителем является он.

– Ваше величество, – ответил Дэдлей, опуская веки, словно чувствуя себя ослепленным, – я не могу поступить к вам на службу!

Елизавета ожидала чего угодно, только не такого ответа, звучавшего почти оскорблением, так как она не могла представить себе никакого убедительного мотива для отказа. Ведь он сам искал возможности быть представленным ей и изо всех сил старался обратить на себя ее внимание; она милостиво пошла навстречу его домогательствам, и теперь этот молодой человек, который только-только успел получить разрешение вернуться в Англию, отказывается от милостей королевы? Может быть, она ошиблась, когда подумала, что идет навстречу его желаниям? Или он хочет поломаться и поставить известные условия? Она почувствовала легкое раздражение к Дэдлею, а вместе с тем в ее душе зародилось подозрение, которое могло возникнуть именно у женщины, а не у государыни.

«Ведь Дэдлей освободил Марию Стюарт, состоял на ее службе... быть может, он был одним из поклонников шотландской розы... Да, да, – кричал в ней внутренний голос, – очень возможно, что Мария просто прислала его затем, чтобы шпионить здесь и интриговать против Джеймса Стюарта. Бедный юноша! Он молод, неопытен, мечтателен и легко попал в сети кокетки. Этого не должно быть! Он английский лорд. Нет, я не потерплю при своем дворе партизанов шотландской королевы!..»

Все это пронеслось в сознании Елизаветы. Она встала, заходила взад и вперед по комнате; от внутреннего волнения ее щеки вспыхивали все больше. Мария Стюарт была не только законной наследницей ее трона, но даже больше: если бы зашел вопрос о правах, то Мария уже теперь могла бы справедливо предъявить притязания на английскую корону. Дэдлей принад-

лежал к роду Варвиков, которых испокон веку называли «делателями королей». Может ли она потерпеть, чтобы Стюарты уже теперь начали образовывать в Англии партию, которая призывает их на трон, как только ей надоест королева Елизавета?

– Милорд! – воскликнула она гордым, строгим тоном. – Я предложила вам вступить ко мне на службу потому, что думала пойти в этом отношении навстречу вашим желаниям. Я поступила так в силу того, что когда-то прежде видела в вас преданность к дочери Генриха Восьмого, но не потому, чтобы стала ожидать чего-нибудь особенного от человека, изучавшего честолюбивую политику Медичи при дворе королевы, бывшей игрушкой в руках всех партий. Поэтому я с удовольствием беру назад свое предложение, но замечу вам, что не допущу пребывания английского лорда в лагере моих противников и что с вашей стороны было бы очень глупо надеяться, будто имения, отобранные у вашего рода декретом об изгнании, я верну обратно тому, кто собирается искать в Англии себе иного господина, кроме Елизаветы Тюдор.

Дэдлей заметил ее возбуждение и понял, что он достиг своей цели, а потому может дерзнуть гораздо более, чем надеялся прежде.

– Ваше величество! – ответил он, преклоняя колени и опуская взор долу. – Даже гроза вашей немилости не может заставить меня изменить своему решению. Но прошу только сказать мне, какой клеветник осмелился внушить моей всемилостивейшей монархине сомнение в моей верности и преданности? Если на земле существует такая держава, которая покушается на права вашего величества, тогда прошу поставить меня во главе вашего войска и послать туда, где польется первая кровь.

– Как? Так вы хотите служить в войске и только отвергаете тот пост, который я считаю за благо предложить вам? Встаньте, сэр Дэдлей!.. Встаньте и будьте так любезны объяснить мне, уж не из скромности ли вы отказываетесь от предлагаемого мною вам места?.. Ого!.. Уж не надеялись ли вы, что я назначу вас лордом-канцлером? Ну нет, я еще в своем разуме. Встаньте, сэр! – нетерпеливо продолжала она. – У меня есть и другие дела. Объяснитесь покороче и пояснее.

Дэдлей не вставал.

– Ваше величество! – сказал он. – Если вы хотите знать причину моего отказа, то позвольте мне оставаться на коленях. Это та поза, которая приличествует виноватому. Я должен сознаться в государственном преступлении...

– Так вот оно! Я так и знала!.. – пробормотала королева, и в ее душе всплыло новое подозрение.

– Вы знали это? – вскрикнул Дэдлей, и было ли это хорошо разыгранной радостью, или он и в самом деле дал волю своему торжеству, но он посмотрел на Елизавету таким сияющим, таким полным смелой надежды взглядом, что она смущенно и удивленно взглянула на него. – Вы знали это? О, что я говорю!.. Вы не можете, вы не должны даже догадываться, что заносчивый юноша, бывший когда-то на службе у дочери своего короля и видевший в ней только идеал всего прекрасного, унес ее образ с собой в изгнание и ныне с дрожью увидал на троне женщину, которую когда-то обоготворял. Ваше величество, теперь вы знаете, что Дэдлей Варвик – государственный преступник: я не могу поступить к вам на службу, потому что безумие любви довело бы меня до сумасшествия от пытки видеть вас постоянно и в такой непосредственной, но вместе с тем крайне далекой близости... Ведь я был бы способен постоянно видеть в вас идеал своих грез, а не королеву; поэтому-то я и боюсь ваших милостей, но не боюсь гнева. Пошлите меня в Тауэр, прикажите обезглавить меня, дерзкого, – и я буду благословлять вас.

Елизавета покраснела; как ни мало была она приготовлена выслушать подобное признание, смутившее ее на первых порах, она наконец сумела настолько овладеть собою, чтобы понять, что в этом глубоком самоуничижении Дэдлея заключался тонкий расчет.

– Bravo, сэр Дэдлей! – улыбнулась она с насмешкой, хотя выражение ее лица говорило, что лесть не могла не коснуться ее сердца. – Вы прошли во Франции хорошую школу и даете

мне великолепный образец своего уменья. Вы хотите поймать королеву любовным признанием, быть может, даже разделить с нами трон... Вы остаетесь на коленях потому, что хотели бы не стоять предо мной, а сидеть рядом со мной на троне!.. Значит, вы боитесь, что солнце нашего образа светит слишком ярко для вашего взора? Ну что же, я приговариваю вас смотреть на него до тех пор, пока вы не привыкнете к его блеску и не научитесь видеть в нем только королевский блеск.

Дэдлей, поцеловав край ее платья, воскликнул:

– Елизавета Тюдор слишком справедлива, чтобы требовать невозможного! Вместе с тем, раз Елизавета не отослала меня сейчас же в Тауэр, значит, она чувствует ко мне сожаление...

– Дэдлей, вы заходите слишком далеко! – воскликнула королева, взволнованная этим ласкающим, вкрадчивым тоном, который проникал ей в самое сердце. – Елизавета Тюдор не забыла, что прежде вы носили ее цвета, причем это было в то время, когда на это решались очень немногие. Если и ваше сердце вспоминает о тех временах, когда я была несчастлива, то я не стану сердиться, если теперь, когда обстоятельства переменились, вы и переступаете границы. Но все-таки попридержите свой язык!.. Елизавета очень снисходительна, но королева не всегда бывает расположена погружаться в воспоминания прошлого. Служите мне преданно и верно, и тогда вы приобретете возможность стать к Елизавете Тюдор настолько близко, насколько это доступно высшим чинам королевства. Теперь ступайте! Я найду способ ввести в надлежащие границы вашу страсть.

Елизавета повелительно подняла руку, и прежняя сердечность и теплота звуков ее голоса вдруг превратились в властный тон, так что Дэдлей почувствовал, что теперь он серьезно рискует навлечь на себя гнев государыни, если немедленно не повинуется ее приказанию. Довольный достигнутым торжеством, он глубоко склонился перед королевой и вышел из комнаты, не решаясь проститься полным страсти взором с женщиной, которой он только что признался в любви.

Елизавета мечтательно посмотрела ему вслед; это послушание удовлетворило ее гордость, и ее сердце всецело отдалось сладким ощущениям, в которые женщина погружается так охотно, когда нападает на достойный ее любви объект.

Наконец она позвонила и приказала позвать лорда Бэрлея.

– Милорд, – начала она, – вы говорили о том, что лорд Джеймс Стюарт просит избрать для Марии Стюарт супруга, который мог бы быть защитником протестантской церкви и направлять эту молодую, экспансивную особу. Ее супруг должен быть предан нам и ни в коем случае не должен стать, благодаря поддержке иностранных держав, опасным соперником нашего могущества. Он должен быть католиком, так как иначе Мария Стюарт не примет его предложения. Что бы вы сказали, если бы мы избрали для этого того самого смелого наездника, за которого вы только что ходатайствовали?

– Сэра Дэдлея? Ваше величество, у него очень симпатичная наружность, но если бы он показался шотландской королеве хоть сколько-нибудь достойным внимания и если бы он сам рассчитывал быть замеченным ею, то он либо сам последовал бы за нею из Франции, либо ему было бы предложено поступить к ней на службу.

– Милорд, если я сделаю сэра Дэдлея графом Лейстером – вы ведь говорили, что это графство свободно, – тогда он станет достаточно богатым и могущественным, чтобы иметь преимущество над любым шотландским лордом. Что же касается самой шотландской королевы, то она должна будет подчиниться нашему желанию, если шотландские лорды действительно потребуют от нее этого; да она и сама будет нам благодарна, что мы выбрали ей такого изящного кавалера. Что же касается его самого, то я рассчитываю на его преданность мне. Он согласится исполнить мое желание и стать супругом королевы Марии.

Бэрлей поклонился; у него не было никаких особых поводов возражать против подобного решения.

– Прикажите изготовить указ, – продолжала королева, – я возведу сэра Дэдлея в звание графа Лейстера. Пока сохраните мой план в тайне, но поразузнайте о том, как настроен этот молодой человек, не завел ли он себе какой-нибудь интрижки и нравится ли ему шотландская королева. Но он ни в коем случае не должен узнать, что этот план придумала я. Сегодня вечером приготовьте мне доклад по этому поводу и позаботьтесь, чтобы сэр Дэдлей получил приглашение пожаловать вечером ко двору.

Бэрлей удалился, а Елизавета с нетерпеливым волнением, которое, впрочем, легко было понять, ожидала результатов этого доклада. Если, признаваясь ей в любви, Дэдлей руководился только честолюбием, тогда он ухватится за возможность разделить с шотландской королевой корону, а в отместку за его лицемерие Елизавета всегда найдет возможность наказать его, разрушив все его надежды. Если же он воспротивится этому, тогда он искренне любит ее, Елизавету, тогда он откажется от короны, чтобы оставаться в лучах сияния любимой женщины, а в таком случае он вполне достоин короны. Тогда он опасен ей, и шотландская корона должна будет утешить его за страдания отвергнутой любви. Но ведь, и став супругом Марии Стюарт, он не перестанет быть рабом ее воли, а жертвой, дважды приносимой сердцем, она обретет двойной триумф.

III

Обширные залы пышного королевского дворца были почти целиком переполнены гостями, а королева все еще не показывалась, заставляя ждать себя непривычно долго. Впрочем, двор, и в особенности женская его часть, имел достаточно материала, чтобы заполнить время этого ожидания.

Девственная королева была уже в том возрасте, когда первый цвет женской красоты достигает полной зрелости, а еще никто из придворных не мог бы назвать имя того, кто имел бы право похвастаться победой, заставив гордое, непреклонное сердце королевы поколебаться и задуматься, не пора ли избрать себе супруга и озаботиться законным наследником короны Тюдоров. Елизавета выбрала своими советниками самых знаменитых и популярных людей королевства, но это сделала королева, а не женщина. Сегодня же болтали что-то такое о смелом всаднике, который укрощал лошадь перед окнами королевы и потом получил долгую аудиенцию с глазу на глаз. Рассказывали, что он вышел от королевы с сверкающим радостью лицом и что она подарила ему богатое графство Лейстер. Рассказывали, что этот всадник был тем самым мальчиком, который на винчестерском турнире прицепил к своему шлему цвета Елизаветы, и когда теперь он ходил по зале, то при виде его никто – в особенности же прекрасная половина собравшихся – не сомневался, что вскоре можно ждать пышных свадебных торжеств.

Дэдлей был красив и статен, как никто; все дамы единодушно признали это, а все мужчины, от мала до велика, признали с завистью, раздражением или благоволением, что никогда еще им не приходилось видеть столь элегантного туалета на столь грациозной фигуре и что очарование этого почти девичьего лица имело совершенно своеобразный характер благодаря гордой и смелой осанке, пламенной страстности темных глаз и томной улыбке нежных уст, которая умела быть насмешливой, не становясь вызывающей.

Дэдлей граф Лейстер был одет во французском вкусе. Короткий, открытый спереди камзол, из которого выглядывали великолепные кружевные брыжжи, был из белого атласа, затканного серебром, точно так же, как и жилет и плотно обтянутые панталоны, а серебряные пряжки, белые шелковые чулки и башмаки с красными отворотами и бриллиантовыми пуговицами довершали вместе с богатой шпагой этот простой, но изящный туалет.

– Граф, – сказал Бэрлей, обращаясь к Дэдлею с новопожалованным титулом, – вашим туалетом вы доказываете, что отдаете предпочтение вкусу парижского двора. Надо полагать,

что это самый изысканный вкус, раз его избрала первая красавица мира, шотландская королева.

Дэдлей тут же вспомнил, что, передавая ему лично патент на звание графа Лейстера, Бэрлей поздравил его и прибавил, что теперь он, наверное, скоро представит ко двору графиню Лейстер. Когда же Дэдлей очень уклончиво ответил на эту фразу, то Бэрлей заметил, что несколько не удивился бы, если бы Дэдлей оставил свое сердце в плену во Франции. Дэдлей был достаточно умен, чтобы относиться к каждому своему слову с большой осторожностью, особенно после того смелого шага, которым он подошел к королеве.

– Милорд, – ответил он, – я ношу французские платья потому, что у меня не было времени найти английского портного.

– Вы уклоняетесь от прямого ответа, милорд. Я так много слышал о блеске французского двора и красоте Марии Стюарт, что с удовольствием выслушал бы мнение англичанина на этот счет. Но, быть может, я кажусь вам слишком навязчивым?

– О, вовсе нет, милорд. Я могу только подтвердить, что слухи не преувеличивают, если называют великолепие французского двора неописуемым.

– А шотландскую королеву там действительно так чествовали, как говорят? Она и на самом деле так хороша, что вдохновляет всех поэтов?

– Ее там очень чествовали, а поэтов везде достаточно много. Шотландская королева была образцом женской прелести, пока не потеряла супруга; с того времени я более не видел ее. Впрочем, у нее нет такой королевской осанки, как у нашей монархини, нет и гордого благородства, которым дышат черты королевы Елизаветы.

– Ваши похвалы кажутся очень холодными, когда вспоминаешь горячие, пылкие описания других. Но вы, наверное, нашли среди придворных красавиц такую, которая затмила перед вашими глазами весь блеск короны Марии Стюарт?

– Милорд, – улыбнулся Дэдлей, – ошибкой или, быть может, преимуществом юности является способность усматривать свой идеал везде, где хоть на момент вспыхивает мимолетная страсть. Но французские дамы слишком кокетливы, и хотя они и умеют очаровать, однако делают это только на короткий миг, так как жаждут массы триумфов и нетерпеливо порхают от одного к другому.

– А с шотландской королевой тоже дело происходило таким образом? Ходит много разных рассказов...

– Очень много лгут. Мария Стюарт любила только одного человека, и им был ее супруг.

– Тем хуже. Необходимо, чтобы она снова вышла замуж, так как ей понадобится мужская рука для защиты против мятежных лэрдов. И нашей королеве было бы во всяком случае желательно, чтобы шотландский цветок сорвал английский лорд.

– Тогда ей остается только послать на сватовство лордов. Однако я боюсь, что им всем откажут.

– Даже если это будут такие же мужчины, как и вы, которым достаточно только появиться, чтобы приковать к себе взоры всех женщин? Граф Лейстер, неужели вы упустили во Франции возможность проложить себе дорогу к трону и теперь вам придется удовольствоваться графством?

– Милорд, если вашими устами говорит что-нибудь другое, кроме насмешки, то я могу ответить вам, что мое честолюбие не покушалось даже и на графство, – ответил Дэдлей.

– Смелому принадлежит весь мир, – улыбнулся Бэрлей. – Однако вот и королева.

Елизавета появилась, окруженная истинно королевским великолепием, но никогда еще, как теперь, женщина в ней так старательно и явно не заботилась подчеркнуть все свои прелести. Красный бархат ее длинного платья был усеян белыми розами, в которых сверкали бриллиантовые росинки, белокурые волосы ниспадали на кружевной воротник и были переплетены усыпанными бриллиантами шнурами, а на высоком челе сверкала королевская диадема.

Когда государыня обвела взором присутствующих, то ее взгляд невольно остановился на Дэдлее; ей даже показалось, что ее воля была как бы связана, и она пошла в противоположную сторону и спросила вдруг, словно не заметив человека, стоявшего рядом с Лейстером:

– Где же лорд Бэрлей?

Все кинулись звать лорда.

Елизавета села на стул и приказала бальной музыке играть, а лорду Бэрлею – остаться подле нее.

– Исполнили ли вы данное мною вам поручение, лорд Сесиль? – начала она, понижая голос до шепота. – Дело не терпит отсрочки, но я не могу предложить его на обсуждение совета, пока мы не будем совершенно уверены, что Дэдлей не встретит отказа. Знаете вы что-нибудь по этому поводу?

– Ваше величество, граф Лейстер хитрее, чем можно ждать по его открытому лицу, или же ему нечего скрывать. Я навел справки и узнал, что в Париже он держался исключительно в обществе двух людей, от него же самого ровно ничего не узнаешь.

– Кто такие те, о ком вы говорите?

– Один – граф Сэррей, брат поэта, казненного в Тауэре; другой – шотландский дворянин, находящийся на службе графа Сэррея, некий Вальтер Брай.

– Значит, шотландец и, конечно, почитатель Марии Стюарт, помогавший Дэдлею при похищении королевы из Инч-Магома. Я хочу поговорить с этим господином; надеюсь, что мне легко будет вызвать его на откровенность.

– Ваше величество, не сделает ли единственный вопрос королевы излишним всякое расследование? Граф Лейстер еще не принес вам благодарности за оказанную ему вами милость.

– Сначала я хочу расспросить шотландца. Лорд Бэрлей, позаботьтесь, чтобы завтра, до заседания тайного совета, я могла поговорить с ним. Пусть придет также и граф Лейстер; но только он не должен знать, что я вызвала к себе шотландца.

Лорд Бэрлей поклонился, королева же снова окинула взглядом зал. Вдруг на ее лице вспыхнул румянец.

Дэдлей стоял, прислонившись к одной из колонн зала, и, казалось, весь ушел в созерцание танцующих; но от королевы не укрылось, что он тайком смотрел на нее и отворачивался каждый раз, когда видел, что его взгляд замечен. Вдруг он словно случайно приподнял берет. Своеобразная форма его бросилась Елизавете в глаза, она стала присматриваться и увидела, что он обвит голубым шелковым дамским рукавом. На винчестерском турнире он прикрепил оторвавшийся у нее рукав к своему шлему!..

Глава вторая. Голос совести

I

Поведем теперь читателя в элегантный дом, находящийся на западном конце Лондона. На белых подушках кушетки раскинулась пышная женщина и словно погрузилась в сладкие грезы. Внизу расхаживали лакеи, ливреи которых были разукрашены богатыми галунами; лестницы дома были уложены смиренскими коврами, великолепные комнаты тонули в роскоши. Что же касается будуара, в котором мы застали эту даму, то это был уютный, душистый футляр для жемчужины, которую он таил в себе. Изукрашенная богатой резьбой мебель была обита бархатом, тяжелые махровые занавеси закрывали окна, драгоценные ковры застилали пол, а в установленном изящными безделушками камине пылало яркое пламя, красноватый отблеск которого играл на щеках мечтающей красавицы. Ни малейший звук не проникал с улицы в этот будуар, и уютной тишины не нарушало ничто, кроме трещания дров в камине и бурчания кипящей воды в серебряном чайнике. Чай был известен в Англии уже лет сто, но еще принадлежал к числу предметов роскоши. Дивный сервиз происходил из Франции; стены будуара были увешаны дорогими гобеленами той самой фабрики, которая и до сих пор доставляет великолепнейшие тканые картины. Всевозможные безделушки и предметы роскоши (все – исключительно продукты далеких стран и редкости) придавали бы будуару вид кабинета редкостей, если бы вся остальная обстановка не была до крайности уютна и комфортабельна.

Обладательница всех этих сокровищ отдыхала на кушетке. Легкое, душистое платье окутывало ее пышные формы, но на лице были видны исключительно искусственные краски; китайские румяна и французская пудра изгладили следы, наложенные временем, а может быть, заботами и пороком.

На столе стояла маленькая коробочка с целой грудой записок. Лорд М. прислал великолепное кольцо с пожеланиями счастья, капитан Р. – фрукты из Африки, адмирал Р. – редкости из Индии. Далее находились льстивые восхваления бедного поэта, благодарящего за щедрую поддержку, а еще далее – раздушенная записочка старого полковника.

Графиня Гертфорд мечтала. Все мрачные воспоминания своей юности она прогнала жизнью, наполненной роскошью, и теперь наслаждалась богатством, доставшимся ей по капризу кровавой Марии.

Да, бывшая Кэт Блоуер утопала в роскоши... Но кто мог сказать, что она была действительно счастлива? Женщина, когда-то стоявшая у папистского столба в Эдинбурге и потом коротавшая дни в пещере у ведьмы, вытягивала свое тело на мягких подушках, вдыхала индийские благовония и украшала себя шелком и драгоценностями. Это обманывало чувство в сладострастии наслаждения и опьяняло душу, когда она хотела вернуться мыслями к прошлому...

Правда, Екатерина дрожала перед бледной тенью Тауэра. Призрак Бэклея долго отнимал у нее покой ночей; долгое время она боялась, что человек, которого прямо от алтаря потащили в застенки, когда-нибудь разорвет свои цепи, появится около ее изголовья и закричит: «Отдай назад украденное, ты, эдинбургская ведьма!» Но из страха перед этим призраком она продавала свою любовь за защиту могущественных лордов, и когда Мария Тюдор умерла, когда открыли двери темниц, то Бэклея не выпустили на свободу, а переправили через шотландскую границу с указом, что возвращение на английскую землю будет для него смертным приговором.

А Вальтер Брай? А ее ребенок?..

Правда, если в тихие часы одиночества Екатерина иногда думала о возлюбленном своей молодости, то ужас сковывал все ее члены при воспоминании о мрачных страницах пережитого

несчастья, и сердце сжималось холодным ужасом, когда она думала о человеке, кричавшем ей: «Опозоренная женщина должна умереть».

Она дрожала перед этой суровой добродетелью, перед этой словно из бронзы высеченной фигурой, которая требовала для нее смерти во имя того, что какой-то негодяй покрыл ее позором; она чувствовала, что недостойна любви Брая и что именно эта любовь послужила причиной всех ее несчастий, так как только из любви к Вальтеру она отвергла Бэклея. А что мог предложить ей он? Скучное существование среди мирных хозяйственных забот; никогда не пришлось бы ей испытать восторги сладострастия, праздновать сладкие триумфы кокетства, вызывать зависти толпы.

Воспоминания о Вальтере Брае заслонялись картинами пережитого горя; но ее ребенок?

Этот уродливый чертенок, призрак болот, танцевал перед ее глазами и смеялся ироническим хохотом, и дрожь охватывала Екатерину. Но вдруг раздавался нежный, мягкий голосок: «Меня томит голод и жажда... Да будут благословенны сострадательные!..» – и она снова с болью думала о нем.

Неужели это было ее дитя? Не было ли это адскими чарами, насмешкой сатаны? Ее ребенок выплывал из серого тумана болот с включенными волосами и острым взглядом, страшным, как чары ведьм, но вместе с тем у того существа, которое молило ее о хлебе, волосы были мягки, а тело нежно, хотя наряду с этим в ее ушах еще звучало насмешливое фырканье, раздававшееся тогда, когда голос природы проснулся во всей своей победной силе.

– Слишком поздно! – пробормотала Екатерина, как и тогда, но приятное довольство уже улетело от нее, мороз пробирал ее до мозга костей, дрожь сводила члены; ей казалось, что пол уплывал из-под ее ног, что вся окружавшая ее роскошь должна вот-вот рассеяться как сонная греза и ей снова придется ступать дрожащей ногой по болотам и взывать изо всех сил:

– Бабушка Гуг, где мой ребенок?

Ее ребенок!.. Материнская любовь никогда не отказывается от своего ребенка; пусть она и заглохнет на время, пусть сердце как будто и не чувствует ее лишения, но она никогда не пропадает совсем и в любой момент может вспыхнуть и разгореться ярким пожаром. Это та красная нить, которая связывает настоящее с прошлым и будущим, которая тянется от отца к внуку и образует племена и роды.

Чего бы только не дала теперь Кэт Гертфорд, чтобы иметь возможность посмотреть и обнять своего ребенка! Ей казалось, что она словно совершила преступление против самой себя в тот день, когда отказалась от своего ребенка – преступление против собственной плоти, которая умеет отомстить, как никто.

Где же мальчик? Быть может, он умер от голода, пока она утопала в роскоши, или, может быть, замерз, пока она нежилась на мягком шелку; быть может, его пытали и сожгли, как ведьмино отродье, в то время как она отдавалась тому самому лорду, который дал это кровавое приказание?

Через преданных ей лиц Кэт навела справки, населено ли еще развалившееся аббатство близ Эдинбурга, не слышно ли чего-нибудь о колдунье и ее ребенке. Ей принесли большое описание громадного процесса колдуний, с рассказом о том, как многих ведьм выставляли к папистскому столбу, а потом воздвигли большой костер, на котором и сожгли их всех во славу Божию. Среди многих незнакомых ей имен Екатерина нашла также и Гуг, черноволосую женщину, которая была в особенности одержима и мучима дьяволом. Ее пришлось три раза сечь розгами, пока она призналась.

Кэт стало страшно; она вспомнила о том времени, когда и ее тоже секли и привязывали к папистскому столбу, ей казалось, что она слышит вопли несчастных, видит, как пылают пламя костров, смыкаясь над обугленными телами, слышит иронические насмешки и восторги толпы, прерываемые жалобными стонами, *детскими* жалобными стонами, стонами ребенка, ее ребенка, которого лишила единственного существа, способного сжалиться над ним.

Кэт вскочила с кушетки. Изю всех углов на нее смотрели дьявольские рожи, словно из-под обоев вдруг выступили привидения, склонившиеся к ее ложу. В ужасе, затравленная укорами совести, она дико озиралась кругом, и под слоем румян и белил ее лицо просвечивало сероватой бледностью.

II

Прошло несколько мгновений, и Екатерина позвонила горничной. Когда та вошла, она сказала:

– Прикажите заложить экипаж, я должна выехать. Принесите свеч, пусть будет светло! Пошлите за лордом Джоржем!.. Я хочу смеха и шуток. К вечеру пригласите Шекспира с его труппой; пусть все утонут здесь в шампанском и пусть их восторги наполнят весь дом!

– Миледи, – испуганно прошептала камеристка, – там пришел какой-то человек, который хочет во что бы то ни стало переговорить с вами. Мы сказали ему, что вы сегодня не принимаете и ушли к себе в будуар, но он просил позволения подождать, пока миледи не соберется выехать из дома. Он только просил, чтобы вы увидались с ним, и тогда, по его словам, вы уже найдете время принять его.

Кэт удивленно взглянула на камеристку, словно желая прочесть на ее лице, друг ли или враг этот незнакомец. Был ли то любовник, который долгое время пренебрегал ею, а теперь хочет приготовить ей приятный сюрприз, человек, с которым она может смеяться и шутить и прогнать мрачных призраков с души, или это был враг, быть может, сам Бэклея или его посланный, человек, узнающий в гордой графине Гертфорд ту самую женщину, которую в Эдинбурге приковали к позорному столбу за колдовство и распутство? Каждый незнакомый человек пробуждал в душе Екатерины подобные муки совести, вечно дрожавшей и боявшейся, что прошлое еще отомстит за себя.

– Кто этот человек? Каков он собою? Сказал ли он, как его зовут? Я никого не принимаю, если мне не назовут сначала имени! – сказала Кэт, и ее голос дрожал от страха.

– Миледи, он не захотел назвать свое имя, но уверяет, что знает вас лучше, чем все английские лорды. Это кавалер; он одет во французское платье, но говорит по-английски с шотландским акцентом и с виду так мрачен и серьезен, словно Черные Дугласы шотландских болот и лугов.

При слове «шотландец» у Кэт задрожало все ее тело, а совесть ее мучительно волновалась; теперь же ее лицо побледнело как мел и колени подогнулись.

Как это камеристка могла увидеть в мрачном посетителе Дугласа? Ведь один из них был отцом ее ребенка. Неужели это он и явился, чтобы потребовать отчета в том, где этот ребенок? Неужели Бэклея додумался до такой жестокой мести, что обвинил похитительницу его имени и достоинства в детоубийстве? Что же сказать ей, если Дуглас спросит: «Кэт, где мой ребенок?»

Но что если он явился не за тем, чтобы грозить, если он принес ей весточку о ее ребенке? Что, если настал наконец тот час, когда измученная совесть насладится полным покоем?

Но с доброй ли или с плохой вестью пришел он, а ему была известна ее тайна; одно только слово, – и графиня Гертфорд лишится всего своего очарования, титула, ранга и богатства. Что, если он уже разболтал о цели своего посещения? Ведь, приняв его, она подтвердит справедливость его слов и тогда погибнет.

Неужели же ради того, чтобы разрешить свои сомнения, она должна пожертвовать всем, что еще способно сделать ее положение сносным, что хоть на краткие часы могло прогнать призраки совести? Неужели ей снова придется спасаться бегством, быть исключенной из кругов знати, подвергнуться презрению поклонников и насмешкам своей челяди? Неужели она должна решиться на вечный позор, ради неверного утешения? И ей даже не давали времени пораздумать!.. Почему бы этому человеку не написать ей, почему он отказывается назвать свое

имя? И к чему ему окружать себя такой тайной, если бы он пришел с доброй вестью? Он не уступает, не принимает отказа, он ждет. Разве это не грозный призрак для боязливой, измученной укорами совести души?

– Я не выеду сегодня! – воскликнула графиня Гертфорд. – Я не хочу никого видеть сегодня, особенно же шотландца. Пусть этот человек уйдет! Это или ошибка, или попрошайничество. Дайте ему денег, но пусть он уйдет.

– Миледи, он не похож на нищего. Он не принимает никаких отговорок.

– Что? Он не хочет уходить? Да что, в самом деле, разве я не госпожа в своем доме? Если он не слушается, то пусть дворецкий удалит его! Немедленно исполни мое приказание, а если кто-нибудь из моих слуг хоть на минуту поколеблется подчиниться моим распоряжениям, тот будет немедленно уволен.

Графиня повелительно махнула рукой, и камеристка ушла, покачивая головой. Она часто видела свою госпожу расстроенной, но никогда еще у графини не прорывался такой взрыв беспокойства со всеми явными формами глубокого ужаса.

Не успела камеристка уйти, как Кэт была близка к тому, чтобы вернуть ее обратно. Она чувствовала, что, таким образом действуя, вызывала подозрения и наталкивала прислугу на любопытствование, но никак не могла сообразить, к какому же решению прийти ей. Она, задерживая дыхание, прислушивалась и дрожала: а что, если вдруг незнакомец силой ворвется к ней. До ее слуха донеслись звуки спора.

Она подбежала к письменному столу. Лорд Т. часто признавался ей в любви, он мог бы помочь ей. Только одно его слово – и назойливый незнакомец исчезнет в тюрьме или его отправят на корабль, или прогонят за границу.

«Милорд, – написала она дрожащей рукой, – какой-то незнакомец силой добивается у меня приема. Защитите меня! Я предполагаю, что это месть изгнанного Бэклея, который преследует меня. Торопитесь, наградой вам будет моя любовь!»

Она сложила и запечатала записку, затем позвонила. Улыбка торжества озарила ее лицо.

В этот момент в комнату вбежала камеристка.

– Миледи, – закричала она, – это какой-то ужасный человек; мне даже кажется, что он покушается на вашу жизнь. Он обнажил меч, запер дверь и встал перед нею. Он говорит, что во что бы то ни стало должен увидеть вас!

Кэт улыбнулась, – и в этой улыбке можно было прочесть смертный приговор незнакомцу. С того момента, как она приняла твердое решение уничтожить назойливого посетителя только за то, что он был шотландцем и его прибытие сюда могло навлечь на нее позор; с того момента, как она твердо решила смотреть, как на врага, на всякого, кто явится пробуждать в ней старые воспоминания, она бесповоротно отдалась в руки дьявола, ведущего человека от преступления к преступлению, чтобы сменой событий заставить забыть его о прошлом.

– Скажи этому шотландскому болвану, – воскликнула Екатерина, – что мне очень интересно посмотреть на человека, который хочет пробить путь к даме мечом! Только ему придется немножко подождать, пока я покончу со своим туалетом. Прикажи подать в гостиную вина и стаканы; а с этим письмом пусть сейчас отправится кто-либо к лорду Т.!

– Миледи, не лучше было бы, если бы письмо отнесли через черный ход, а вы пообождали, пока прибудет помощь. У незнакомца имеются пистолеты, а лакеи – большие трусы.

– Делай что тебе приказывают и не бойся ничего! – улыбнулась Кэт, хотя ее глаза сверкнули мрачным огнем. – Там, в шкафу, у меня имеется порошок, которым я сдобрю ему вино. Этот порошок усыпит его, и тогда нам легко будет справиться с ним.

– А если он не захочет выпить? Миледи, этот человек словно безумный: он говорит, что стоит ему выговорить одно только слово, – и никто не осмелится и пальцем дотронуться до него.

– Ступай, он выпьет вино! – воскликнула Кэт, а когда камеристка вышла из комнаты, она мрачно продолжала: – Да, да, его язык должен онеметь, прежде чем моя месть обрушится на его голову. Это Дуглас, или Бэклей, или даже Вальтер Брай... А!.. Одно-единственное слово может погубить меня и отпугнуть трусливых лакеев, которые никогда не решатся рискнуть за меня своей подлой жизнью, но это слово ему не придется выговорить!

Она торопливо подошла к шкафу, достала коробку и вынула оттуда капсулу с порошком.

– Это скует его члены и погрузит душу в вечный сон, а это вгонит горячечный бред в твой мозг!.. Посмотрим тогда, что будет болтать безумие и кто придаст его словам хоть какое-либо значение.

Она вошла в гостиную и высыпала содержимое двух порошков в вино, затем засунула за корсаж маленький кинжал и вооруженная таким образом подошла к порогу.

– Пусть введут незнакомца, – приказала она таким тоном, который ясно показал слугам, что им придется жестоко поплатиться за непослушание, после чего подошла к окну и встала таким образом, чтобы иметь возможность в отражении зеркала разглядеть незнакомца, как только он подойдет к порогу.

III

Открылась дверь, и на пороге появилась фигура, при виде которой вся кровь застыла у Кэт в жилах. Это была тень Вальтера Брая, какой она видела его в ужасных кошмарах. Так же грозно смотрело его бледное лицо, как и в тот момент, когда его передали в Тауэр в руки палача. Это был тот самый человек, которого она любила в ранние годы своей юности, ради которого она отвергла Бэкля и навлекла на себя позор. Это был тот самый человек, который в час самого безграничного отчаяния предстал перед ней словно ангел Божий, который освободил ее от папистского столба, избавил от коршунов и воронов, уже с нетерпеливым взором поджидавших свою жертву, сильная рука которого внесла ее на обрыв, низвергнув кровавыми копьями дугласовских всадников со скал. Но это был также ангел смерти, бессердечный и полный ледяной холодности, тот самый, который стоял около ее смертного одра и кричал: «В могилу обесчещенную женщину! Я отомщу за тебя, но ты должна умереть!»

Что ему было нужно от нее? С какой целью вышел этот призрак из могилы? Не завидовал ли он ее жизни? Какие права могли быть у него на нее, кроме прав насильника, убийцы, разбойника?..

Улыбка, с которой она думала приветствовать Дугласа или свести с ума посланного от Бэкля, замерла на устах Екатерины, но острый взгляд смертельной ненависти скользнул из ее глаз, когда она нашла наконец в себе силы побороть ужас при виде этого мрачного образа.

– Вальтер Брай! – пробормотала она. – Неужели это вы? Я дрожала от страха, что увижу лэрда Бэкля, которому я все еще не отомстила. Откуда вы? Почему вы сразу не сказали своего имени?

– Миледи, – ответил Брай, – я явился для того, чтобы требовать ответа, а не служить удовлетворением праздному любопытству.

– Вы даете мне почувствовать, что презираете женщину, которая любила вас и пострадала только из-за этой любви.

– Миледи, вам, как видно, живется очень хорошо, так что вам должно быть в высокой степени безразлично, уважаю ли я вас или презираю.

– Вальтер, вы ужасны! Но все-таки знайте, что я люблю все это богатство только за то, что украла его у Бэкля, и что я ношу его имя только потому, что он проклинает меня за это. Вальтер, не будем упрекать друг друга! Ведь я также могла бы поставить вам многое в вину, но к чему все это? Прошлое слишком печально, чтобы мне или вам могло быть нужно вызывать старые воспоминания. Вы хотели говорить со мной. Неужели вы сомневаетесь, что

я немедленно приказала бы впустить вас, если бы вы сказали свое имя? Все, что у меня есть, принадлежит вам. Если мое имущество нужно вам для мести, – то – днем ли, ночью ли – я готова появиться там, где Бэклею должен быть конец. И тогда я сама готова умереть, тогда жизнь не имеет для меня больше никакой цены.

– Да благо вам будет, миледи, если вы действительно думаете так! В таком случае я готов мягче судить о женщине, честь которой была когда-то мне так же свята, как и моя собственная. Не хочу спорить, не хочу спрашивать. Быть может, это тоже было своего рода мстью с вашей стороны, когда вы отдались Дугласу... А, вы покраснели? Так вы еще не разучились краснеть? Миледи, вы графиня, а в аристократическом мире несколько иначе смотрят на вещи. Там распутных девок не привязывают к позорному столбу; им закрывают позор щитом титула и накрывают их сверху гербом негодяя, достаточно подлого, чтобы торговать своим именем. Я не имею ни малейшего права делать вам выговоры, я не завидую лордам, которые ползают на коленях перед высеченной девкой. Приберегите краску стыда для тех господ, которые заплатят вам тем же. Я пришел ради других вещей. Бабушка Гуг доверила мне ребенка. Это был ваш ребенок, тот самый, которого вы прогнали из дома, чтобы он не выдал вас и не навлек на вас позора, так как этот ребенок был слишком уродлив для вас. Этого ребенка я ищу. У него на пальце надето кольцо, которое он должен показать вам в тот момент, когда вас одолеет раскаяние. Этот ребенок здесь, но, по всей вероятности, вы, графиня Гертфорд, припрятали его в какой-нибудь приют. Я требую, чтобы вы отдали мне его назад, и тогда я обещаю вам, что никогда мои уста не произнесут слова, которое обвинит или выдаст вас; я забуду о вашем существовании и вы будете для меня не более, чем придорожный камень, которого я избегаю на пути, не взглянув на него.

Кэт закрыла лицо. Она и не подозревала, что Вальтеру известен также и этот позор ее жизни и что бабушка Гуг доверила ребенка ему, который хотел убить ее, так как она была опозорена.

Но где же этот ребенок?

– Вальтер, – воскликнула она, и слезы хлынули из ее глаз, – ты воспитал моего ребенка! О, какой ты благородный, великодушный человек! Вальтер, мое дитя у тебя? Где же оно? Не скрывай, ведь ты хочешь просто обмануть меня, хочешь заставить меня поверить, будто оно умерло или пропало...

– Филли нет здесь? Если это лицемерие, если ты можешь лгать в такой час, то... О, Боже! Филли нет здесь...

Он схватился за стол, чтобы не упасть.

– Вальтер, – продолжала умолять Екатерина, – расскажи мне, как ты потерял ребенка; я стану искать его; все мое золото...

– Да будьте вы прокляты – и ты сама, и твоё золото. Подлая! Я лучше убил бы Филли, чем обрек бы ее позору иметь такую мать, как ты. Но горе, горе тебе!.. За ребенка я буду мстить. Пусть все узнают про твой позор, пусть его ищет Дуглас. Мне не нужно твоё золото, но я сделаю тебя несчастной и буду терзать, пока ты не заплачешь над собой и своим позором.

Его голос и жесты говорили о дикой страсти, и ужас все более и более овладевал Екатериной. Ненависть, страх, ужас прогоняли всякое нежное чувство, пробужденное его словами; она слышала теперь только его угрозы, видела в нем только человека, перед которым дрожала даже во сне, и бешенство с удвоенной силой вспыхнуло в ее душе.

«Этот негодяй еще осмеливается грозить! – зазвучала в ней мысль. – Что, я его служанка, его рабыня, что ли? Этот нищий собирается погубить меня, хочет выставить напоказ всему свету мой позор?.. А, Вальтер Брай, если ты сам требуешь борьбы, так вини же самого себя!»

– Вальтер, – сказала она умоляющим голосом, и ее глаза со злорадством заметили, что он весь дрожит от возбуждения, – если ты хочешь всеми этими криками и шумом сделать всех лакеев свидетелями происходящей сцены, то ты никогда не узнаешь, где Филли, а если

я когда-нибудь и найду ребенка, то укажу ему на тебя пальцем и скажу: «Вот человек, который сделал несчастной твою мать. Ей пришлось оттолкнуть тебя, так как иначе он убил бы тебя, как постоянно грозился убить твою мать». – Заметив, что на лице его отражаются самые разнородные чувства, она продолжала: – Ты всегда думал только о самом себе, Вальтер, и не умел обходиться с женщиной. Своей дикой необузданностью ты вооружил против себя дугласовских всадников, так что уже не мог защитить меня против них. Когда меня обесчестили, ты хотел убить меня вместо того, чтобы преследовать их. Перед тобой мне приходилось вечно дрожать, ты был мне не защитником, а врагом. Конечно, гораздо легче издеваться над женщиной и убить обесчещенную, чем отыскать лэрда Бэклея. Но недостойно с твоей стороны делать мне новые упреки за то, что я нашла себе другого защитника.

– Перестань, женщина или черт! – заскрежетал он зубами. – Ты приводишь меня в бешенство. Что, ты издеваешься над несчастьем, что ли, или смеешься над отчаянием? Не дразни меня долее! Я и так способен все разгромить вокруг. Но ты права! Недостойно угрожать женщине, хотя бы эта женщина и была холодной змеей, готовой ужалить. Ты была недостойна, чтобы я любил тебя и из-за тебя низвергнул в бездну дугласовских всадников.

– Вальтер, мне хочется верить, что только страдание делает тебя таким суровым и бесчувственным. Ты устал, пот выступил на твоём лбу. Освежись и потом спокойно выслушай меня. Я не буду защищаться, чтобы побороть твое презрение; я просто хочу доказать тебе, что ты не прав, делая мне упреки, будто я не люблю своего ребенка.

– Ты? Ха-ха-ха!.. – Он горько рассмеялся, принимая из рук Кэт кубок вина, после чего пробормотал: – Если здесь яд, так пусть у тебя на совести будет еще и убийство.

Он не заметил, как Екатерина побледнела и задрожала, с каким смертельным ужасом ее взгляд следил за его рукой, подносящей кубок к устам.

Вдали послышался шум тяжелых шагов и звон оружия. Брай уже опорожнил кубок до дна, одним духом вылив его содержимое в пересохшее горло. Но вдруг он насторожился.

– Это что такое? – спросил он, и в его глазах мелькнула угроза, тогда как рука схватилась за пистолет, высовывавшийся из-за пояса. – Берегись, Кэт, первая пуля достанется тебе, если ты поймала меня в засаду!

– Ты глуп, Вальтер!

– Я глуп, потому что позволил девке одурачить меня. Э... что это такое... а... вино... яд... ты дала мне яд в вине?..

Вальтер попытался поднять руку, но внезапная усталость вдруг сковала его, а разлившаяся по лицу бледность показала, что наркотическое действие яда уже начинало сказываться.

– Твои мысли путаются от излишней страстности, – улыбнулась Кэт. – Но скажи мне, сколько обещался заплатить тебе лэрд Бэклея, если ты выставишь меня на позор своими баснями?

– Подлая!.. Проклинаю!..

Брай согнулся и рухнул, словно опьяневший.

Кэт торопливо бросилась к порогу. Вошли полицейские.

– Вот этот парень, – сказала Кэт, причем ее лицо покрылось смертельной бледностью. – Я дала ему сонное питье, пусть он теперь выспится в тюрьме; мои слуги подтвердят вам, что он силой ворвался ко мне.

Лорд Т. явился часом позднее.

– Вы героиня! – воскликнул он. – Я слышал, что вы смелой хитростью и редким присутствием духа справились с человеком, которого испугалась целая орава ваших лакеев. Но кто это такой? Что ему от вас нужно?

– Милый лорд, это несчастный сумасшедший, который вбил себе в голову, будто я шотландская деревенская девка, его бывшая невеста, покинувшая его. Должно быть, по несчаст-

ной случайности, я очень похожа на нее. Он еще прежде неоднократно докучал мне, но теперь это сумасшествие принимает более опасные формы, так как он начинает грозить оружием.

– Я позабочусь, чтобы его обезвредили. Но как вы неосторожны! Ведь он мог убить вас здесь!

– Милорд, вы забываете, что он видит во мне свою возлюбленную. Я чувствую к нему глубокое участие; история этого несчастного человека очень трогает меня. Ведь я его соотечественница. Я надеялась, что мне удастся словами утешения успокоить его, но он окончательно взбесился.

– Ну, больше он вам не будет досаждать. О, если бы вы знали, каким неземным очарованием облакает вас это сочетание красоты со способностью питать глубокое сочувствие к несчастью! Но обязанностью ваших друзей является беречь вас от последствий вашей собственной доброты, где дело идет о вашей жизни.

Кэт улыбнулась – она победила. Но чего стоила ей эта улыбка торжества! Яд, который она подмешала к сонному питью, наверняка убивал нормальную жизнь мозга. От Вальтера Брая она себя обезопасила, но от укоров совести?..

Она не подозревала, что у Вальтера имеются друзья, знавшие его и ее историю; она еще могла торжествовать победу, благодаря которой язык ее врага должен был онеметь навсегда. Но этим врагом был как раз тот человек, который воспитал ее ребенка, который, быть может, один только был способен снова найти его.

Она вступила на путь преступлений, возврат был невозможен.

Глава третья. Возмездие

I

Королева Елизавета сидела и задумчиво смотрела в окно. Там, у ворот своего дворца, она увидела Дэдлея в первый раз с тех пор, как он вернулся из Франции, и сердце, которое не забыло рыцарского пажа винчестерского турнира, горячо забилось навстречу мужчине, снова взглянувшему на нее смелыми глазами пажа, так же отважно, так же гордо, так же требовательно.

«Если бы я была простой леди, то не было бы счастья выше того, как упасть в его объятия! – думала она. – Но я английская королева!.. Любовь ожесточила моего отца и заставляла его переносить свое дикое неистовство с одного объекта на другой. Да и мое сердце уже вспыхнуло гневом при одной мысли, что он мог нарушить в прошлом свою верность мне; ведь я убила бы любимого человека, если бы он осмелился обмануть английскую королеву словно самую обыкновенную женщину... Ха! Разве не сказала леди Бэтси Кильдар, что когда-нибудь любовь скует цепями и мое сердце? Значит, женщина является рабыней, когда любит, и королевой, когда справляется с этой страстью, а ведь я – королева... Неужели же я когда-нибудь превращусь в жалкую рабыню своего возлюбленного, которую отряхают, словно прах, когда увядают ее прелести? Нет, мне надо быть твердой, и тогда я достигну такого величия, которого не достигал ни один земной государь. Я должна подавить в себе единственную слабость, которой наделила меня природа, чтобы моя воля окрепла в борьбе; мне нужно умертвить свое жаждущее любви сердце, отравить его ядом жестокого издевательства, дать возлюбленному в супруги мою соперницу; мое сердце не смеет приобрести надо мной ту власть, которая обезличивает государей, делает справедливого тираном, сильного – рабом, гордого – ревнивым и доводит до порока, за который моя мать поплатилась жизнью! Что, если Бэрлей уже догадался об истинной причине вызова Брая – ревности, охотно прислушивающейся к каждой сплетне? Ведь тогда мои советники станут презирать меня и будут только притворяться почтительными, а на самом деле используют мою слабость, чтобы направлять мою волю по своему желанию. Нет, он обманется в своих ожиданиях, если собирался поймать меня на обычной женской слабости. Пусть он увидит, что я навожу справки только в интересах английской короны и хочу лишь узнать, подходящий ли Дэдлей человек, чтобы сделать Шотландию вассалом Англии. Я уже была готова стать жалкой? О, как слепа страсть, как велика опасность подпасть ее влиянию!»

Доложили о приходе лорда Бэрлея.

– Он один? Как? – с удивлением пробормотала Елизавета, причем ее лицо слегка покраснело. – Разве оказалось очень трудно найти этого Брая? Или, быть может, он знает слишком многое?

Через минуту вошел Бэрлей.

– Милорд, – воскликнула она, – где же тот человек, которого вы хотели представить нам? Правда, мы придаем мало значения всяким сплетням и пересудам, да и молодой человек должен был бы быть уж очень холодным и бесстрастным, если бы не пережил нескольких приключений при парижском дворе. Но нам важно знать, достаточно ли ловким выказал себя при этом дворе Дэдлей и каков он вообще при обхождении с дамами: теряет ли он слегка голову и забывает все и вся в грезях влюбленного мечтателя, или же его голова остается совершенно свободной даже тогда, когда сердце разрывается от боли. В Шотландии нам нужен ловкий,

смелый и оборотистый человек. Но где же сэр? Через час уже начнет собираться совет, а я не люблю заставлять ждать.

– Ваше величество, соблаговолите выслушать меня. Данный случай, кажется мне достаточно важным, чтобы обратить на него ваше внимание, так как, по-моему, здесь затронуты интересы правосудия. Этот случай слишком необыкновенен, так что вы, ваше величество, может быть, разрешите мне вдаваться в некоторые подробности.

– Говорите, милорд! Но к чему такое таинственное предисловие?

– Быть может, вы, ваше величество, припомните статсдаму королевы Марии Тюдор, которая довольно необыкновенным образом составила свое счастье в ту самую ночь, когда Гильфорд Варвик поплатился жизнью.

– Вы начинаете очень издали, милорд! – промолвила Елизавета, нахмурившись при имени своей притеснительницы.

– Ваше величество, это необходимо. У архиепископа Гардинера была экономка-шотландка, которая вдруг превратилась в придворную даму. Лэрд Бэклея, которого король Эдуард возвел в сан графа Гертфорда, выдал Варвиков, своих благодетелей; он играл главную роль при том обмане, путем которого принцесса Мария Тюдор привлекла к себе голоса Лондона, так как показывал документ, где она будто бы обещалась перейти в протестантство...

– Милорд, я знаю все это. Господи Боже! Неужели вы собираетесь наставлять меня в истории прошлого царствования?

– Ваше величество, граф Гертфорд получил награду предателя от той, которой он доставил корону королевы. Королева Мария заставила его жениться на даме, о которой я упоминал выше, и перевести на ее имя все свое состояние, когда же он сделал это, то его заперли в Тауэр, где подвергли пыткам и заковали в цепи, пока милостью вашего величества он не был выпущен на свободу под условием никогда больше не появляться в Англии.

– Подлый негодяй не стоил веревки, чтобы его повесили. Но, милорд, я не знала тогда, что здесь оставалась его супруга. Разве она играет какую-нибудь роль по отношению к сэру Браю?

– Главную роль, ваше величество! Соблаговолите проследить нижеследующие положения.

– Говорите, говорите!

– Гардинер достал ее из Шотландии, сделал ее своей экономкой, а потом раздобыл ей придворную должность. Королева Мария сделала ее супругой и наследницей графа Гертфорда. Вчера сэр Вальтер Брай силой проник в дом графини Гертфорд, и она приказала арестовать его, после того как добрых полчаса переговорила с ним с глазу на глаз и потом подмешала ему в вино сонное питье. Человек, казавшийся по внешнему виду совершенно здоровым и только бывший сильно возбужденным и взволнованным при появлении в доме графини Гертфорд, теперь лежит в горячечном бреду. Графиня уверяет, что он всегда был сумасшедшим, помешанным на том, что она будто бы является его невестой, когда-то изменившей ему. Лорд Т. приказал заключить сэра Брая в тюрьму, где его и нашли мои люди. Среди его бумаг нашли письмо леди Бэтси Кильдар и многие другие письма, доказывающие, что он уже давно следит за лэрдом Бэклеем и за графиней Гертфорд. Показанию графини Гертфорд, будто Брай давно был сумасшедшим, противоречит то, что он был в дружбе с графом Лейстером; мне кажется, что он стал сумасшедшим только со вчерашнего дня, так как графиня Гертфорд могла дать ему так же свободно яд, как и сонное питье.

– Господи Боже! Милорд, вы правы, и я надеюсь, что сэр Дэдлей не замешан в эту историю. Пусть граф немедленно появится здесь!

Бэрлей вышел за дверь, кивнул стоявшему наготове лакею, и через несколько секунд перед королевой появился граф Лейстер.

II

Дэдлей был одет в очень скромный костюм, в высшей степени гармонизировавший с тем ласковым, покорным выражением лица, которое он принял перед королевой. Было ли это знанием людей или инстинктом, но он чувствовал, что в Елизавете вечно борются два человека. Тщеславие женщины и тщеславие королевы, любезная слабость и закаленная долгим страданием сила соединялись в ней. Кто хотел покорить эту женщину, тот должен был действовать на обе стороны ее натуры. Властолюбие было не только самой выпуклой чертой характера Елизаветы, но и ее слабостью. И когда королева увидела перед собою того самого человека, который вчера преследовал ее смелыми влюбленными взглядами, а ныне стоял таким приниженным, то она почувствовала себя удовлетворенной и сквозь искусственную суровость ее тона невольно прорывались более нежные нотки, когда она, впиваясь в него своими большими глазами, сказала:

– Милорд Лейстер, мы вызвали вас сюда для того, чтобы расспросить вас о разных важных вещах, и требуем от вас, как верноподданного и вассала, чтобы вы откровенно и непреложно сообщили нам чистую правду, не считаясь с личностями и с родственными или дружескими связями. Представьте себе, что вы стоите перед судом; клянусь Богом, что, если вы промолчите хоть что-нибудь, я отдам вас под суд.

– Ваше величество, – ответил Дэдлей, – я не знаю, с каких пор моя королева стала сомневаться, что Варвик не доверит ее мудрости даже такой тайны, которую от него не могла бы вырвать никакая другая земная сила.

– Милорд, я предпочитаю доказательства преданности уверениям в ней.

– Тогда спросите меня, ваше величество, и я отвечу вам! Но сошлюсь опять-таки на сказанные мною слова. Я не знаю, что угодно вам, ваше величество, спросить у меня, но знаю, что существуют вещи, о которых я не в состоянии говорить в присутствии третьего лица, хотя бы этим третьим лицом был даже мой высокий и уважаемый покровитель, лорд Сесиль Бэрлей.

– Лорд Сесиль, соблаговолите обождать моих распоряжений в приемной! – приказала Елизавета.

Бэрлей поклонился и вышел из комнаты.

– Милорд, – начала королева, – скажите мне, что вы знаете о графине Гертфорд?

– Ваше величество, я не имею чести знать эту даму.

– Вы не знаете ее? Но ваш друг, Вальтер Брай из Дэнфорда, хорошо знаком с нею, и если вы подумаете, то, наверное, вспомните, что он говорил об этой женщине и своих намерениях касательно ее.

– Вальтер Брай? Ваше величество, это очень замкнутый человек; мне известна одна тайна его жизни, но с его уст никогда не срывалось ни одного звука относительно ее; то же, что мне известно, я знаю благодаря своему другу Роберту Сэррею.

– Значит, этот сэр Брай избегает людей и любит уходить в мрачные грезы? Быть может, это полоумный, одержимый навязчивыми представлениями?

– Ваше величество, это один из самых достойных людей, вернейший друг, а если он и таит мрачные планы, то потому, что сам пережил много тяжелого горя.

– Расскажите мне, что именно пришлось ему пережить.

– Ваше величество, сэр Брай любил одну девушку, которая отвечала ему взаимностью. Один из его врагов старался обесчестить девушку, а когда ему это не удалось, то он обвинил ее в распутстве. Эдинбургская толпа, подлая чернь и негодяи-всадники потащили несчастную за город, окунули ее в воду и привязали к позорному столбу. Появился Вальтер Брай; он отвязал несчастную, чтобы узнать от нее правду и услышать имена тех, кому он мог бы отомстить за

нее; затем он хотел умертвить полуживую девушку, так как думал, что для лишенной чести смерть должна казаться избавлением. Но одной старухе удалось вырвать из его рук жертву.

– Он и в самом деле хотел умертвить ее? – спросила Елизавета с большим интересом. – Почему он хотел ее убить? Потому, что она была виновата, или же он считал, что женщина, которую он любил, после всего происшедшего не достойна жить на свете?

– Он уверился в ее невинности, но, не считая для нее возможным жить с позором, хотел убить ее.

– Это доказывает большую широту мыслей. Но как это ужасно! Этот субъект очень своевластен, но он мне нравится. Продолжайте!

– Он тщетно искал своего врага, но тому удалось скрыться в Англию. Когда Брай узнал, что его невеста еще жива, он, не обращая внимания, что находился в то время под преследованием, бросился к месту, где она, по слухам, жила. Я сопровождал его в этой поездке и могу подтвердить, что Брай глубоко возненавидел обесчещенную за то, что она предпочла смерти позорную жизнь. Она исчезла. Через некоторое время и мы тоже прибыли в Лондон. В ту самую ночь, когда моему отцу пришлось поплатиться сначала свободой, а потом и жизнью, Брай встретил своего врага в Виндзорском парке. Его враг успел вкратце в доверие к дедушке, чтобы потом предать деда королеве Марии. Брай бросился в парк, чтобы добраться до врага, голос которого он услышал, но его схватили и посадили в Тауэр. Как ему удалось спастись из Тауэра – об этом он не обмолвился ни словом ни мне, ни Сэррею. Но, наверное, это произошло с помощью старой шотландской колдуньи, потому что она привела его к себе в подземелье, где прятались и мы, Сэррей и я, и доверила ему мальчика, которого он полюбил, как сына. Очень возможно, что этот мальчик был сыном его невесты, которая позднее открыто ступила на путь позора; наверное не знаю, но мне кажется, что это так. Этот мальчик был нашим пажом во Франции. Он был очень предан и самоотвержен. Однажды он спас мне жизнь, когда нас преследовала Екатерина Медичи. Та приказала пытать его, но, благодаря заступничеству Марии Стюарт, удалось добиться его освобождения. Однако с тех пор наш паж исчез, и Вальтер Брай тщетно искал его по всей Франции и здесь. Я убежден, что в надежде, будто мальчик вернулся к своей матери, Брай явился к ней и потребовал от нее обратно ребенка.

– Как звали врага сэра Брая?

– Лэрд Бэклея, граф Гертфорд.

– А! – воскликнула Елизавета, слушавшая рассказ Дэдлея с напряженным вниманием, – тогда все ясно. Теперь мы знаем, что такое графиня Гертфорд, и понимаем, почему Брай вдруг выдан за сумасшедшего. Благодарю вас, граф Лейстер! Позовите лорда Сесилья!

Дэдлей поклонился и повинувался, хотя ему очень хотелось узнать, что означают все эти расспросы и странные слова Елизаветы.

– Лорд Бэрлей, – сказала Елизавета, когда Сесилья снова появился перед ней, – милорд Лейстер дал нам вполне удовлетворительные объяснения. Прикажите сейчас же арестовать графиню Гертфорд и поставить ей условием ее освобождения, чтобы она назвала яд, который она дала сэру Браю, потому что, если он умрет, ее голова скатится с плеч; пока же он не выздоровеет, она должна оставаться в цепях. Затем она должна выдать все, что ей известно о ее сыне, а мы прикажем навести розыски об этом со своей стороны. Что касается ее дальнейшей участи, то, быть может, мы предоставим решающее слово самому сэру Браю. Его немедленно освободите и приставьте к нему моего лейб-медика, который должен давать мне постоянные рапорты о ходе его болезни. Пусть ему отведут комнату в нашем замке или поместят где-нибудь на наш счет, пока он не будет в состоянии лично рассказать мне обо всем происшедшем. Лорда Т. привлечите к ответственности за превышение власти. В государственном совете мы с вами увидимся.

Бэрлей, поклонившись, вышел.

Тогда Елизавета милостиво обратилась к Лейстеру:

– Милорд, благодарю вас за первую службу, которую вы сослужили мне. Вы помогли мне проявить правосудие, и теперь я хочу подвергнуть еще более тяжкому испытанию вашу преданность. Ведь вы, кажется, говорили, что готовы пожертвовать для меня своей кровью и всем достоянием?

– Ваше величество, я, как милости, жду этого испытания!

– Хорошо же, милорд, вы должны устранить для меня опасного соперника и помочь увенчать победой первый важный шаг внешней политики. Дело идет о жертве, за которую вы будете щедро вознаграждены.

– Ваше величество, какая награда может быть для меня выше вашей милости и благоволения?

– Сначала выслушайте, чего я потребую от вас. Вы произвели впечатление на наших дам; вы умеете смело говорить с женщиной и прямо идти к цели, что обеспечивает вам победу. Наша родственница, Мария Шотландская, стала жертвой мятежных лордов и нуждается в опоре. Задачей английской политики должно быть, чтобы эта поддержка нашлась здесь, на острове. Человек, которого я рекомендую в качестве супруга Марии Стюарт, должен видеть будущность Шотландии в единении с Англией, а не в союзе с жалкой Францией. Он должен быть верным слугой Англии, и я выбрала для этого вас, граф Лейстер.

Елизавета произнесла последние слова дрожащим голосом, так как Дэдлей был поражен, или мастерски притворился пораженным, и Елизавета не была бы женщиной, если бы не подумала, что разбила ему сердце.

– Сэр Дэдлей, – мягче продолжала она, видя, что он стоит, точно раздавленный неожиданным несчастьем, – ведь я назвала жертвой ту службу, которую требую от вас.

– Ваше величество, – ответил он, не поднимая взора, – я предлагал вам свою голову, но вы требуете большего...

– Милорд, мне говорили, что ваше сердце еще свободно. Мария Шотландская красива, а вместе с ее рукой вам достанется корона. – Взор Елизаветы впился в него, словно желая вонзиться в грудь и с дрожью подслушать там, что говорит его сердце. – Или, быть может, ваше сердце не свободно? – тихо спросила она.

Он взглянул, и от этого взора вся кровь хлынула в лицо королевы. Чувство глубокого торжества, которого она так жаждала, пронизало ее всю.

– Ваше величество, – с горькой усмешкой сказал Дэдлей, – разве это важно? Любишь, потом над тобой надругаются, а потом уже и не можешь любить, так как ничто так не разбивает сердца, как подобное издевательство. Если оно заслужено, тогда дело обстоит еще веселее – дурака выставляют на всеобщее посмеяние, если же оно не заслужено, то это, конечно, неприятно высмеянному и ему спешат заплатить за страдание и за жестоко растоптанные чувства предлагают чужую корону. Ваше величество, на ком прикажете мне жениться, если шотландская королева откажет мне?

– Лорд Лейстер!

– Ваше величество, вы сердитесь, так как я говорю с горечью и забываю, что стою перед королевой. Но, впрочем, какое вам дело до Дэдлея Варвика? Вы можете потребовать моей головы, но не вправе разбить мое сердце. Это может сделать только прекрасная Елизавета Тюдор. Она одна может запятнать свой образ, глубоко сокрытый в моей груди.

– Граф Лейстер, вы сошли с ума. Ведь вы говорите с вашей королевой!

– Вы были ею. Вы могли послать в Тауэр меня, дерзкого, если вас, как королеву, оскорбляло, что я осмелился поднять на вас свой взор. Вы не сделали этого, потому что не хотели поступить по-королевски, а как кокетливая женщина, пожелали сначала поиграть с сердцем, чтобы потом растоптать его и надругаться над священнейшими чувствами.

Елизавета вскочила; ее грудь бурно колыхалась, глаза метали молнии. Ее рука совсем было коснулась сонетки, но она не решилась позвонить, так как Дэдлей не только не испугался ее угрозы, а, наоборот, только презрительно рассмеялся.

– Милорд, если бы я не думала, что вы вне себя, то это оскорбление стоило бы вам головы! – воскликнула она.

– Я ничего другого и не желаю! Ваше издевательство для меня ужаснее смерти. Если вы думали, что я дерзко забылся перед вами, когда ползал вчера на коленях, то вы могли отдать меня под суд. Но вы, как женщина, простили меня для того, чтобы иметь возможность поиздеваться надо мной, а это недостойно Елизаветы, нет, недостойно! Я смеюсь над вашим гневом, потому что знаю, что вы понимаете меня, хотя и притворяетесь, будто мои слова непонятны для вас.

– Дэдлей, вы только доказываете мне, насколько я забылась, насколько жестоко должна королева поплатиться своей гордостью, если она хоть немного поддастся женской слабости. С вашей стороны было бы благороднее пощадить меня и избавить от этого признания. Вы должны были почувствовать, что и мне самой стоило жестокой борьбой сказать вам: «Дэдлей, полюбите другую». Я-то вас хорошо понимаю, но вы не понимаете меня!..

Он бросился к ее ногам; как ни мягко звучали последние слова, но в них слышалась такая решимость, что он не мог сомневаться в крушении всех своих честолюбивых надежд.

– Елизавета, – шепнул он, прижимая к своим губам край ее платья, – вы правы, называя меня безумным; только безумец мог надеяться на то, на что надеялся я. Простите несчастному, который забылся на мгновение и в глубоком страдании произнес слова, за которые не может отвечать.

– Встаньте, Дэдлей! Довольно! И так было слишком много всяких объяснений. Я, как королева, не хочу краснеть перед вами. Я назвала свое требование жертвой и просила вас принести ее мне. Издевательство заключалось бы в том, если бы вам приказывали, а я просила вас! Я буду вдвойне уважать вас, если мне никогда не придется раскаиваться в том, что я позволила вам забыть в моем присутствии. Отправляйтесь в Шотландию, милорд, прошу вас об этом!

Дэдлей прижался губами к протянутой ею руке и произнес:

– Ваше величество, вы могли потребовать от меня даже чести, а не только разбитого сердца. Когда вы прикажете отправляться в путь?

– Государственный канцлер передаст вам мой указ. Прощайте, Дэдлей!

Он еще раз страстно прижался к ее руке и затем бросился вон из комнаты.

Елизавета с глубоким волнением смотрела ему вслед, но в ее взоре было больше торжества, чем страдания.

– Это была борьба, – пробормотала она, – но я все-таки победила. Леди Кильдар неудачно попорочествовала, заявив мне, что когда-нибудь любовь сломит и мою гордость. У меня гордость сломила любовь.

III

Когда Елизавета появилась в зале заседания совета министров, ее лицо сияло торжеством. Она заявила членам совета, что выбрала графа Лейстера в супруги шотландской королеве.

Один из членов совета осведомился, не позаботилась ли она о том, чтобы дать Англии короля, который мог бы обеспечить наследника престола.

– Милорды, – ответила Елизавета с гордой усмешкой, – посланник испанского короля испытывает мое терпение, продолжая дожидаться ответа, хотя я уже несколько лет тому назад дала ему таковой и не собираюсь менять его. Вообще, милорды, я бы любому иностранному принцу предпочла английского лорда, но в настоящий момент я еще не решилась, выйду ли

замуж или нет. Если я выберу такого, который будет иметь хоть малейшее влияние на дела, то, благодаря женитьбе на мне, он получит достаточно власти, чтобы употребить это влияние во зло. Поэтому я твердо решила, в случае, если выйду замуж, не уступать будущему супругу ничего из своих прав, власти, имений и средств, предоставив ему единственную заботу о доставлении Англии наследника престола. Хотя вы часто предостерегаете меня от избрания в мужа одного из подданных, но в этом случае я не послушаю ваших советов. Но, нужно сказать, стоит мне подумать о замужестве, как все сердце разрывается у меня от боли, так как брак совершенно противен моей природе, и только благо моих верноподданных может вынудить меня на подобный шаг.

Елизавета говорила все с величием правительницы, сознающей, что она поборолась в себе человеческие слабости. Теперь же она еще одерживала двойную победу над своей единственной соперницей: как королева и как женщина; она давала ей в мужа человека, бывшего всецело во власти ее, Елизаветы, чар. Ведь она не любила его пламенем разбушевавшихся страстей или скорбью тоскующего сердца; просто ее самолюбию льстило, что понравившийся ей человек упал к ее ногам, и только поэтому она стерпела дерзкое обращение Дэдлея. Она не потерпела бы, чтобы ее рыцарь винчестерского турнира, единственный человек, заставивший быстрее биться ее сердце, с обожанием отнесся к ее сопернице; теперь же она могла гордо и победоносно распоряжаться судьбой этого человека – он был ее рабом.

IV

В то время как в государственном совете обсуждался текст ответа Джеймсу Стюарту, который обратился к Англии с просьбой выбрать супруга для Марии Стюарт, так как он находил целесообразным для Шотландии, чтобы между нею и Англией существовали дружественные отношения, – Кэт Гертфорд была арестована.

Она покоилась на мягких подушках дивана, прилебывала сваренный с пряностями шоколад и поджидала лорда Т., который должен был принести ей известие, что Вальтер Брай стал навсегда неопасен для нее. Как жаждало ее сердце этого известия, как кипела в ее жилах пламенная ненависть, когда она думала об угрозах, которые кинул ей в лицо этот призрак ее прошлого! Надо уничтожить своих врагов, чтобы совесть могла успокоиться; из гроба никто не встает вновь.

В коридоре послышался шум. Кэт пошла на этот шум торжествующая, хотя ее глаза поглядывали все еще с опаской. А что, если встретились какие-либо препятствия, если Брай мог выдать ее?.. О, нет, яды, приготовляемые Гуг, действуют наверняка!..

Но что это за шум? Ведь это звон шпор и бряцанье оружия!.. Это далеко не осторожные шаги боязливой требовательной любовника... Послышались грубые слова команды...

Кэт вздрогнула, приложила бледную щеку к скважине двери, стала напряженно прислушиваться, и ее глаза сверкали мрачным огнем, сквозь который просвечивался ужас. В то же время ее дрожащая рука уже искала засова, которым можно было бы припереть дверь.

– Именем королевы!.. – раздался в коридоре грубый голос полицейского. – Назад!

«Что же это такое? Неужели они явились арестовать меня? – подумала Кэт. – Да нет, это невозможно, сумасшедший не мог дать какие-либо показания... Просто пришли, чтобы забрать слуг и снять с них допрос!»

Екатерина снова стала прислушиваться. Но вот шаги раздалась уже с другой стороны, дверь в спальню открылась и в нее дрожа вбежала горничная.

«Нет, это уж за мной, я пропала! Яд не подействовал! Брай донес на меня, и пришли за мною, чтобы спросить: „Где ребенок?“ Мне грозит тюрьма, эшафот!.. Тюрьма?!»

Холод ужаса пробежал по телу Кэт; ее всю затрясло. «Мое нежное тело хотят бросить на жесткую солому, заковать мои мягкие руки в железные оковы, и не видеть мне ничего, кроме

сырых, холодных стен, быть наедине со своей совестью, быть одной ночью, когда призраки выходят из могил?.. Но нет, я еще пока свободна!»

Мрачная улыбка насмешки исказила черты Екатерины.

«Там, в шкафу, стоят маленькие флаконы с ядами! Я умышленно припрятала их и неоднократно подумывала: пока еще поразит меня месть, я успею проглотить черноватую каплю... Живой им не получить меня; им не придется снова сечь меня и бросать в воду, чтобы долгое время держать в страданиях ужаса смерти!»

Она торопливо подбежала к шкафу. Звон шпор слышался все ближе и ближе... Но рука Екатерины уже схватила пузырек.

А вдруг еще есть спасение? Яд действует скоро, с ним играть не приходится, а смерть так ужасна, тем более что после нее будут Страшный суд и вечное проклятие. Умереть без исповеди и отпущения грехов?

Екатерина вздрогнула, и ее рука в нерешительности отдернулась назад... Но половица уже затрещала под ногами полицейского. Все завертелось перед глазами Кэт, чьи-то грубые руки схватили ее за плечи.

– Пощадите!.. – пробормотала она и упала в глубокий обморок.

Ей брызнули водой в лицо. Когда она пришла в себя, то увидела, как один полицейский старательно укладывал в ящичек все ее флаконы, а другой стоял перед ней, и в его глазах светилась злорадная насмешка.

– Мы успели вовремя!.. – засмеялся он. – Прекрасная леди, вероятно, это и есть те самые яды, которые вы подмешали сэру Брау в вино? Поскорее опишите нам, какой именно яд вы дали ему и какое противоядие может еще спасти его, потому что королева приказала держать вас до тех пор в цепях, пока Вальтер Брай не выздоровеет, если же не удастся спасти его, то и вам придется сложить свою голову на плахе.

– Сжальтесь, я ничего не знаю! Клянусь, что королева введена в заблуждение. Этот человек уже давно был сумасшедшим; он угрожал мне...

– Прекрасная леди, вот наручники для ваших ручек. Посмотрите на них и пораздумайте, не выгоднее ли вам будет признаться во всем. Королева знает все. Вы трактирная служанка из Эдинбурга.

– Все это ложь, – простионала Кэт, – это подлая ложь. Сумасшедший говорит это для того, чтобы погубить меня.

– Сумасшедший ровно ничего не говорит; имеются еще и другие, видевшие вас у папистского столба. Где ваш ребенок? Признайтесь, иначе мы не имеем права щадить вас, и нам придется связать вас и отправить в тюрьму.

Кэт задрожала; холодный ужас сковал все ее члены. Полицейский положил наручники и веревки на стол.

– Клянусь Богом, я ничего не знаю о ребенке! – воскликнула она. – У меня украли его. Один Вальтер Брай виноват.

– Так, вероятно, за это-то вы и дали ему яд? Прекрасная леди, дайте противоядие! Это может спасти вашу жизнь.

– А вы обещаете, что меня оставят в живых? Поклянитесь мне в этом, тогда я исполню ваше приказание; иначе Брай умрет, как и я, без покаяния и отпущения грехов.

Полицейский схватил ее за руки. Она вскрикнула:

– Сжальтесь! Сжальтесь! Вот возьмите те капли в голубом флаконе. От приема их лихорадка сразу пройдет. Брай не станет ложно присягать. Он знает, что у меня украли ребенка. Я не убивала его. Я невиновна и только несчастна, благодаря ему!

Полицейский убрал наручники и произнес:

– Если ваше средство поможет, вам отведут лучшую камеру и не станут пытаться. Королева справедлива; если вы невиновны, она вознаградит вас.

Во дворе стояла закрытая карета. Графиню свели вниз и заставили сесть в экипаж. Вооруженные всадники эскортировали его в Ньюгэтскую тюрьму.

Глава четвертая. Мария Стюарт и реформатор

I

Теперь вернемся к Шотландии.

Первый взрыв недовольства по поводу возобновления католического богослужения в Голируде был сдержан энергичным вмешательством лэрда Джеймса Стюарта, но слова реформатора Нокса: «Я скорее соглашусь видеть в Шотландии десять тысяч врагов, чем служение одной-единственной мессы», – звучали по-прежнему угрозой для государыни, которая была чужда своему народу, находила поддержку только в честолюбивых баронах и должна была дрожать перед тем, чтобы их честолюбие не сделало из нее игрушки партийных раздоров.

Она не обладала ни одним из качеств, которые хотели видеть в ней ее подданные. Даже наоборот, все ее очарование ставилось ей же в вину. Ее красота казалась подозрительной, так как в народе распространился слух, будто Мария приобрела во Франции привычку к ухаживаниям и легкомысленным любовным приключениям, что внушало ужас суровым, добродетельным шотландцам. И именно то обожание, которым окружали все во Франции королеву, отталкивало от нее шотландцев. Эта амазонка, эта любительница поиграть на лютне и продекламировать французские стихи, носившая корону в чудных локонах с большим кокетством, но без всякого королевского величия, любившая только поэзию да ухаживания, должна была править раздираемой партийными счетами страной, внушать уважение к закону мятежным лэрдам. Вдобавок еще она привезла с собой католических патеров и богослужение, весь этот столь ненавистный Шотландии религиозный аппарат, дружбу Гизов, коварство иезуитства.

«Прибытие королевы нарушило мирное течение нашей жизни, – так писал Кальвину Нокс. – Не успело пройти трех дней, как уже появились идола в церкви. Некоторые влиятельные и почтенные люди пытались протестовать и высказывались, что их очищенная совесть восстает против того, чтобы земля, очищенная словом Божьим от чужеземного идолопоклонства, снова осквернилась. Но так как большинство приверженцев нашей веры было на этот счет иного мнения, то беззаконие восторжествовало и принимает все большее распространение. Уступившие оправдываются тем, что мы не имеем права препятствовать королеве держаться своего вероисповедания, говоря при этом, что и ты такого же мнения. Хотя я и оспариваю этот слух, но он настолько проник в сердца, что я не имею возможности настаивать, пока не получу от тебя известия, был ли этот вопрос предложен на рассмотрение вашей церкви и как отнеслась к нему братия».

Неудовольствие Нокса проявилось с полной нетерпимостью при торжественном въезде королевы в Эдинбург. В назначенный день Мария Стюарт направилась в город в торжественном шествии, под балдахином из фиолетового бархата, в сопровождении дворянства и наиболее знатных граждан. Шестилетнее дитя как бы из облаков спустилось перед нею на землю и, приветствовав ее стихами, передало ключи города, Библию и Псалтырь. Чтобы напомнить ей о тех ужасных карах, которые Бог посылал на идолопоклонников, на ее пути были выставлены изображения того, как земля поглощала нечестивых, в то время когда они приносили свои жертвы. Лишь с трудом умеренной партии удалось воспрепятствовать кощунственному изображению алтаря и священника, загоревшегося во время поднятия Святых Тайн. После радостного приема народа, приветствовавшего ее как королеву, и проявления религиозного фанатизма, угрожавшего ей как католичке, Мария возвратилась в Голируд, где ей поднесли от имени города большой серебряный вызолоченный ларец. Она приняла подарок со слезами на глазах, и по ее волнению можно было судить, как глубоко она страдала.

– Мое сердце разрывается, – рыдая, обратилась она к Марии Сэйтон, – они издеваются над моей верой и играют с куклой, носящей их корону.

– Мужайтесь, – прошептала фрейлина, – не унывайте! Час возмездия настанет, когда возле вас будет супруг, который твердой рукой смирит мятежников. Вы терпите во имя церкви, поэтому ищите утешения в молитве!

– Бедная Мария! – сказала королева, горько улыбнувшись. – А разве ты нашла утешение? Мария Сэйтон вспыхнула, но твердым голосом возразила:

– Я имею то утешение, которое мне необходимо; а если моя душа страдает, то лишь потому, что я вижу, как вы несчастны.

– Чудная, родная Франция! – вздохнула Мария Стюарт. Но вдруг, как бы пробудившись от грез, она встрепенулась, ее глаза метнули искры, а губы искривились принужденной улыбкой. – Я сделаю, как они хотят, но это будет им же во вред. Они не увидят больше моего грустного лица, потому что не имеют сострадания к моим слезам. Я забуду то, что предано забвению, и постараюсь стереть грустные воспоминания; но муж, которого я себе изберу, должен сокрушить мятежников. Моей церкви объявляют войну, глумятся над моей верой; пусть так, но этой церковью я хочу одержать победу. Нас хотят видеть веселыми. Так будем же веселы, будем смеяться, вообразим себе, что мы на карнавале, в маскараде; ведь речь идет о том, чтобы потешить этих неуклюжих мужиков и строптивых лэрдов! Разве во Франции мы не научились покорять сердца? Неужели наши глаза не проникнут сквозь эти мрачные лица? Начну с Джона Нокса, этого сурового, непреклонного реформатора; неужели мягкий язычок женщины и улыбка королевы не приручат такого медведя? Быть может, эти суровые протестанты грозят слабой женщине церковным наказанием только из страха. Я буду льстить им, буду ласкова! Правда, я уже не та Мария, которую мой незабвенный Франциск заключил в свои объятия. Но, раз того требуют моя судьба и церковь, я снова стану улыбаться, забуду прекрасную Францию, как чудный сон. Ко мне, графы и рыцари! Спешите на турнир – и в награду вам рука королевы! Пусть гремит музыка, пусть все закружится в веселом хороводе.

II

На другой же день Мария Стюарт объявила в тайном совете, что готова издать прокламацию, объявляющую народу, что относительно существующей в стране религии никаких изменений не будет предпринято и каждый общественный или частный акт, нарушающий это постановление, будет преследоваться смертной казнью.

Лэрды приветствовали это одобрением.

День спустя Мария вызвала к себе Джона Нокса. Он считался вожаком недовольных, и она надеялась покорить его личным влиянием. Она говорила с ним об обязанностях подданного и христианина вообще, доказывала ему, что он в своем произведении «Бабье правительство» восстанавливает народ против венценосцев, и убеждала его относиться более человеколюбиво к тем, которые расходятся с ним во взглядах на религию.

– Ваше величество, – возразил Нокс, – если отрицание идолопоклонства и наставление народу чтить Бога по Его слову вы считаете восстановлением народа против его венценосцев, то для меня нет оправдания, в этом я виновен. Если же действительное познание Бога и истинное почитание Его ведет подданных к повиновению добрым правителям, кто станет тогда порицать меня? Ваше величество, я обещаю быть довольным и спокойно жить под вашим скипетром, если вы не будете проливать кровь святых людей и не будете требовать от своих подданных большего повиновения, чем требует того Бог.

– Есть некоторое различие между сохранением своей веры и объявлением народу, что «ваши властители служат не Богу и потому их власть не от Бога». Есть разница между упорством в своей религии и революционным направлением.

- Но ведь люди, не исполняющие желания начальства, считаются врагами последнего?
- Они враги только в том случае, если выступают с оружием в руках.
- Но они обязаны так поступать, если Бог посылает им силу и средства на то.
- Значит, вы того мнения, что подданным дозволено восставать против своих властей, если имеется на то возможность, и что только слабость заставляет их повиноваться?
- Несомненно! – смело ответил фанатик.

Мария смотрела на своего собеседника с изумлением. Такое учение, подрывающее всякий авторитет, приглашающее подданных быть судьями своих властителей и побуждающее народ к восстанию, привело ее в ужас.

При этой своеобразной сцене присутствовал один только лэрд Джеймс Стюарт. Он постарался успокоить свою сестру и вернуть ей прежнюю бодрость духа; Мария Стюарт сделала вид, что одобряет мятежные слова Нокса, и, как бы подтверждая их значение, сказала:

– Так, я поняла вас! Мои подданные должны повиноваться вам, а не мне; они могут делать все, что желают, но не то, что я повелеваю им. Вместо того, чтобы быть их королевой, я должна научиться быть их подчиненной?

Нокс громко запротестовал и хотел отступить.

– Клянусь Богом, – возразил он, – я далек от того, чтобы освобождать подданных от их долга повиновения. Я желаю только одного: чтобы властители, как и их подданные, повиновались Богу, который внушает венценосцам быть отцами и матерями святой церкви.

Мария не могла примириться с тем, чтобы быть покровительницей религии, которую она только допускала, но в глубине души презирала. Она не выдержала и дала волю своим чувствам, которые скрывала до сих пор. Она с гневом возразила:

– Не вашей церкви буду я покровительствовать, но церкви римской, которую считаю единой истинной церковью Божией.

При этих словах Нокс также вышел из себя. Он стал доказывать королеве, что ее воля не есть право и что римская церковь не может быть непорочной невестой Христовой. Затем он стал подвергать римскую церковь жестокому осмеянию, доказывал ее заблуждения, ее пороки и предлагал доказать, что ее вероучение более выродилось, чем иудейское. Королева отпустила Нокса, указав ему на дверь.

Надежды Марии Стюарт на примирение с протестантами разбились об упорство реформатора; но послышались голоса, которые порицали и Нокса за суровое обращение с королевой.

С другой стороны, королеве старались доказать, как мало у нее власти проявлять негодование против такого человека, как Нокс. Городской голова Эдинбурга, Арчибальд Дуглас, издал приказ, по которому все монахи, священники и паписты под угрозой смертной казни должны были покинуть город; вместе с тем был возбужден вопрос, следует ли в общественных и гражданских делах повиноваться королеве, считающейся идолопоклонницей.

III

Между тем как Нокс распространял в городе слух, будто Мария Стюарт находится в полной власти патеров, Боскозель Кастеляр ликовал, узнав, что план Стюартов разрушен, а вместе с тем случайное знакомство, приобретенное в Эдинбурге, дало ему повод построить смелые планы о новом триумфе над Стюартом.

Старый граф Арран не явился приветствовать королеву, но прибыл его сын, пылкий мечтатель и любитель приключений. Увидав красавицу-королеву, он воспылал желанием завладеть этой женщиной, а вместе с нею и короной. Он обращался ко всем друзьям, склоняя их низвергнуть всемогущего Стюарта, возведенного королевой в звание графа Марра, и принудить королеву избрать себе супруга.

Однажды, во время кутежа в корчме, Боскозель встретился с молодым графом Арраном, услышал, с каким воодушевлением тот произнес тост: «Да здравствует Мария Стюарт и долой каждого, кто хочет быть ее опекуном в этой стране!» – и сразу почувствовал симпатию к нему. Молодые люди быстро пришли к соглашению и предприняли решение собрать в древнем священном месте коронавания шотландцев всех представителей горной страны, лэрдов, сохранивших верность католической церкви, и предложить врагам Стюартов – Гентли, Гордонам и Черному Дугласу – направиться в Эдинбург, обезглавить вожаков восстания, водворить порядок в парламенте и вручить Марии бразды правления. Боскозель должен был склонить Марию к одобрению этого плана.

Он явился в благоприятный момент, то есть именно тогда, когда Мария чувствовала себя глубоко оскорбленной пережитым унижением.

В первый момент она со страстным пылом ухватилась за этот план и уже мечтала о том, как во главе верноподданных вассалов явится победительницей в завоеванный город. Но не успел Боскозель удалиться, сияя от счастья, как ею овладело раздумье. Боскозель был пылок; он любил и видел все в розовом цвете; а что, если он ошибся, если лэрды обманули его, чтобы отнять у нее последнюю поддержку в лице Джеймса Стюарта?

Она намеревалась посоветоваться со своим духовником, как вдруг к ней вошел Джеймс Стюарт с нахмуренным челом. Королева вздрогнула, по его лицу она поняла, что он явился к ней с дурными вестями; но каково было ее удивление, когда он сделал ей то же предложение, что и Боскозель, но, конечно, с другой конечной целью.

– Хорошо было бы, – начал он, – если бы вы показали всей стране и с этой целью предприняли объезд всех графских владений. Вы достигнете этим двоякой цели: познакомитесь со своими врагами и таким выступлением против мятежных лэрдов приобретете уважение и власть.

Королева смотрела на него с изумлением. Не догадывался ли он о предложении Боскозеля, что требовал от нее того же самого, с той лишь разницей, что называл иные имена врагов?

– Кто же эти мятежные лэрды, – спросила она, избегая пытливого взгляда брата, – и откуда у меня власть смирить их, если реформатский священник безнаказанно дерзает оскорблять меня в моем дворце?

– Мария, – возразил Стюарт, – неужели вы больше доверяете французу, который хвастливо сбивает репейные шишки, чем тому, кто единственно может возложить на вашу голову венец? Граф Босвель напал на лорда Ормистона и ограбил его, как разбойник, а теперь они помирились и кутят вместе с Гордонами и Гамильтонами. Я знаю их планы и знаю, что примиряет их всех. Это зависть за то благоволение, которым я пользуюсь у вас, и за власть, которую вы предоставили мне. Вы хотите принять помощь тех, которые в Инч-Магоме лишили свободы вашу мать и вас; вы хотите протянуть руку сыну графа Аррана, чтобы не иметь тогда никого, кто защитил бы вас от этих друзей?

Мария побледнела.

– Простите! – воскликнула она. – Я была в отчаянии и поддалась убеждению первого человека, который предложил мне помощь. Будьте уверены, брат, что я доверила бы вам свой план раньше, чем покинуть Эдинбург!

– Ах, вы знали? – усмехнулся Стюарт. – Кастеляр так наивен, что попался в эту ловушку; он поверил, что шотландские лэрды будут для него таскать каштаны из огня. Я боюсь за вас, Мария. Этот человек обезумел в любви. Страсть ведет его уже к государственной измене. Берегитесь, как бы он не забыл когда-нибудь, что вы – коронованная королева! Простите меня, Мария, но, по-моему, верный и преданный слуга жертвует своей жизнью или, рискуя навлечь на себя даже немилость своей властительницы, решается открыть ей правду, но никогда не позволит унижить себя ради каприза. Именно последнее допустил Кастеляр в недавнем столкновении со мною. На такое унижение, по-моему, способна только безумная жажда обладания.

Мария, вы не знаете этого человека, изнывающего в пожирающей его страсти. Он имеет основание ненавидеть меня, так как знает, что я употреблю все старание к тому, чтобы устранить от вас его и вообще французское влияние; он имеет основание быть недоверчивым ко мне, так как не знает моего плана и подозревает, что Джеймс Стюарт преследует свои собственные выгоды, а не интересы королевы. Он ненавидит меня и даже не доверяет мне, а между тем, по вашему желанию, протянул мне руку; это или недостойное лицемерие, на которое я считаю его способным, или рабская покорность в пылу безумной страсти, ищущей удовлетворения во что бы то ни стало, ценой чести и гордости. И вы, королева Шотландии, – та женщина, на которую он смотрит с вожделием. Берегитесь, Мария, смотрите беспристрастно, не прикрываясь дружбой! Если он примкнул к Босвелю, то, значит, надеется завладеть вашей особой. Берегитесь! Будь вы тысячу раз невинны, но подозрительный народ, требующий безупречной чистоты своих дочерей, осудит королеву, дающую хотя малейший повод к молве о ее легком поведении. Скажут, что Боскозель никогда не осмелился бы взглянуть на вас с вожделием, если бы вы не допустили этого.

– Довольно! – прервала его Мария, покрасневшись и потупившись перед правдой слов брата. – Благодарю вас за дружеский совет, хотя и не могу признать справедливость твоего упрека. Правда, Боскозель питает ко мне более теплые чувства, но никогда не забывает почтения, подобающего королеве. Вы правы только в том отношении, что я принуждена французский этикет поставить в строгие рамки шотландских нравов. Во Франции никто не осуждает, если королева забавляется веселой беседой; там царит рыцарская любовь и никто не усмотрит ничего дурного в учтивых забавах. Я покорюсь и заведу прялку или уединюсь со своими дамами и буду читать псалмы.

– Это излишне, хотя таким именно поведением вы в короткое время завоевали бы сердце своего народа; но это противоречит вашему темпераменту и всем вашим жизненным привычкам. Я доволен, если мои предостережения достигли того, что вы на некоторое время устраните из своего интимного кружка человека, которого молва людская уже считает вашим любовником.

Мария вспыхнула, ее лицо выражало пламенное негодование.

– Джеймс, – воскликнула она, схватив брата за руку, – вы могли бы начать прямо с этого, вся предыдущая речь была излишня! Если молва зашла так далеко, что гласит, будто королева развратничает с одним из своих слуг, так пора открыть правду! Боскозель похож на моего покойного супруга и, когда я смотрю на него, мое сердце предается дорогим, приятным воспоминаниям. Любить его? Любить эту куклу, изображающую дорогой образ возлюбленного? Право же, это противоречило бы природе и священному чувству. Это была бы насмешка над покойным и над счастливыми днями моей жизни. Если мне суждено когда-нибудь полюбить кого-либо, то он должен прежде всего заставить меня позабыть моего покойного мужа. Боскозель должен уехать обратно во Францию, и пусть порвется последняя связь, приковывающая меня к чудным воспоминаниям моих юных дней!

– Мария, это была бы чрезмерная поспешность. Этот внезапный отъезд послужил бы признанием вашей вины, страха перед обнаружением тайны или даже тяжелой, насильственной разлукой с тем, кого вы любите. Докажите Шотландии, что Боскозель для вас – не более как верный слуга, но отнюдь не близок вашему сердцу как женщине. Посоветуйтесь с английским послом относительно выбора супруга. Станьте во главе войска, которое я поведу против мятежных лэрдов, и оставьте здесь Боскозеля и весь свой придворный штат; этим сразу будут опровергнуты все ложные слухи.

– Мне стать во главе войска, покинуть этот старый замок, увидеть горы Шотландии, вдыхать горный воздух и ароматы лесов? Джеймс, вы это серьезно думаете?

– Разве столь невероятно, что королева в сопровождении своих верноподданных отправится по владениям своих графов?

– О, это было бы восхитительно! – засмеялась Мария сквозь слезы. – Прочь отсюда, из этих стен! На коней, на коней, Джеймс! Там, в горах, мое сердце вздохнет свободнее и я снова найду радости жизни. Мы будем мчаться по болотам и лугам; мое сердце возликует в зеленых лесах и будет петь песни вместе с жаворонком! О, Джеймс, какое счастье сулите вы мне!

«Действительно, я был несправедлив; она любит этого француза лишь от скуки, – усмехнулся Джеймс Стюарт, выйдя от королевы. – Но теперь у меня есть средство властвовать над королевой Шотландии, и она будет счастлива в этой стране; ведь для женского сердца требуется очень немного, чтобы считать себя счастливой».

IV

Стюарт прямо отправился к Боскозелю и застал его в тот момент, когда он собирался принести заговорщикам известие о том, что королева одобряет их план.

– Маркиз, у меня есть просьба к вам, – начал Стюарт, между тем как Боскозель смотрел на него с изумлением, не ожидая ничего доброго от такого внезапного появления своего врага. – Вы увидите сегодня графа Аррана, Босвеля и Гордона?

Боскозель побледнел. Не был ли лорд Джеймс в союзе с дьяволом, что узнал об их заговоре раньше, чем он принял форму окончательного решения?

– Моя просьба состоит в том, – продолжал Джеймс с иронической улыбкой, – чтобы вы посоветовали им покинуть Эдинбург раньше наступления ночи, так как королева собирается вскоре посетить их владения и во главе моего войска будет принимать поздравления лэрдов.

Боскозель стоял как пораженный громом. Он чувствовал, что Стюарт не только перехитрил его, но даже пристыдил, так как имел теперь полное основание обвинить его в государственной измене.

– Маркиз, – продолжал Джеймс, – весьма возможно, что несколько часов тому назад у королевы были другие намерения; но я убежден, что ваша преданность не позволит вам компрометировать Марию Стюарт, а это случилось бы, если бы люди узнали, что она по совету доброжелательного, но ослепленного человека на минуту склонилась в сторону людей, видящих в королеве Шотландии не более как красивую искательницу приключений, на которую может напасть на большой дороге любой искатель приключений и сделать ее дамой своего сердца.

– Милорд!

– Маркиз, всякое дальнейшее объяснение будет лишним. Королева отправляется со мною по графствам своей страны, и, где встретятся государственные изменники, их обезглавят. Так как вы состоите в дружбе с графом Арраном, то вам неудобно сопровождать королеву. Она знает, что вас обманули, что сами вы не могли иметь намерение предать Марию Стюарт в руки Гамильтонов, которые некогда держали в плену в Инч-Магоме ее мать и ее самое. Этим лэрдов нужно хорошо узнать, раньше чем протянуть им руку. Итак, с Богом! Маркиз, кто едет с арранцами, тот – враг королевы. Надеюсь, вы останетесь в Эдинбурге... Впрочем, как хотите...

При этих словах он поклонился и вышел из комнаты.

Боскозель готов был плакать от злобы и стыда. Он не подумал, что Гамильтоны могут обмануть его, что это давние враги королевы; он содрогнулся при мысли, что по его вине Мария могла попасть во власть Арранов; но вместе с тем его приводило в отчаяние, что именно Джеймс Стюарт явился ее спасителем, что этот человек снова торжествовал над ним. Боскозель увидел свое бессилие и свой позор. Он хотел бы ненавидеть этого человека и не мог, так как сознавал, что только тот один мог защитить Марию. Он видел, что враг щадит его, как будто он даже недостойн ненависти, и скрежетал от отчаяния и злобы.

Но королева должна была узнать, что его обманули; у ее ног он хотел вымолить ее прощение за безрассудное усердие. Пусть отныне ее единственным защитником будет Джеймс Стюарт, но, как женщине, ей никто не должен быть близок, кроме него.

Боскозель бросился бежать, гонимый дикой страстью, быстро вошел в королевские покои, прошел мимо стражи и проник в приемную, где его встретила Мария Сэйтон.

Пораженная его расстроенным видом и предчувствуя беду, она воскликнула:

– Что случилось?

– Я желаю видеть королеву! Где она?

– Вы с ума сошли, маркиз? Королева собирается в дорогу и никого не принимает.

– Я должен видеть ее.

Дверь отворилась, и на пороге показалась Мария Стюарт.

– Что здесь такое? – спросила она, краснея от негодования. – Как, маркиз, вы здесь? Кто позволил вам появляться без доклада?

– Мария! Я решился на это, как решился рядом с вами преклонить колени у ложа вашего умершего супруга. Неужели вы хотите быть в Шотландии строже, чем были во Франции?

– Да, Боскозель, – ответила Мария, тронутая потрясающими воспоминаниями, – если бы вы считались с моими обязанностями несколько более, чем со своими желаниями, то не злоупотребляли бы моей снисходительностью и не заставляли бы меня быть строгой с моими друзьями. В последний раз, маркиз, напоминаю вам: приучайтесь считаться с этикетом, исполнения которого я требую здесь, в противном случае мне придется отказаться от вашего общества.

– Мария!

– Маркиз, не забывайте, вы говорите с королевой! Я прощаю вам, что в своем усердии вы чуть не привели меня к гибели, но требую, чтобы вы держались в границах, как требую этого от всех, близких сердцу Марии Стюарт, но не имеющих права быть близкими королеве Шотландии. Удалитесь, маркиз!

Боскозель смотрел на нее, не веря своим глазам, ему казалось, что он бредит, но когда Мария повернулась к нему спиной, он не выдержал и воскликнул:

– Так не может говорить Мария Стюарт, это слова Джеймса Стюарта, вложенные в ваши уста. Вашему сердцу чужды эти слова, и вы напрасно стараетесь придать своему лицу выражение гордое и презрительное.

– Молчите! – сказала королева и повернулась к нему лицом, в котором выражалась борьба между гневом и прежней слабостью. – Я начну презирать того человека, который заставляет краснеть женщину за ее сердечную снисходительность. Вы недостойны названия мужчины, маркиз, так как не имеете даже власти над своей речью. Уходите!

Затем она возвратилась в свою комнату и заперла за собою дверь.

– Я не мужчина? – горько усмехнулся Боскозель, и его лицо приняло вдруг демоническое выражение. – Я не мужчина? Я докажу тебе это, ты будешь моею. Я не стану больше вздыхать, молить, пресмыкаться у твоих ног; я не хочу ни сострадания, ни снисхождения, я хочу тебя, тебя или смерти.

Глава пятая. Маркиз Кастеляр

I

Заговорщики вскоре получили известие, что королева намеревается посетить все графские владения в сопровождении графа Марра, лэрда Джеймса Стюарта. Босвель и граф Арран сговорились поднять своих вассалов, взять королеву в плен и препроводить ее в замок Дэмбертон. Молодой граф, узнав, что речь идет об открытой войне против королевы, поскакал в Эдинбург, чтобы предупредить Марию. В пылу своего увлечения он мечтал, что она оценит его любовь, ради которой он, не задумываясь, готов был обвинить в государственной измене родного отца.

Он явился перед королевой в тот момент, когда она готовилась стать во главе войска, и, увидев ее, сразу бросился перед ней на колени и, как безумный, стал признаваться ей в своей любви. Мария гордо отвернулась от него, считая его слова бредом сумасшедшего или пьяного, но он ухватился за край ее платья, прижал его к своим губам и крикнул:

– Мария, услышь меня, и я возведу на эшафот родного отца и своих родственников. Ты одна будешь господствовать, царица сердец, и пусть погибнут все, кто не желает покориться твоей власти!

– Граф, удалитесь и проспите свой хмель! – сказала Мария скорее презрительно, чем сердито, затем вырвала от него край своего платья и обратилась к Боскозелю: – Маркиз, успокойте этого безумца!

Граф прочел в ее лице выражение глубокого презрения, и это ранило его, как отравленная стрела; он вскочил на ноги и воскликнул:

– А, вы презираете меня, потому что любите Боскозеля! Мария Стюарт не подаст руки шотландскому лэрду, потому что желает изображать вторую Мессалину, потому что Кастеляр – ее любовник!

Мария остолбенела, бледная и дрожащая; но когда она увидела, что Боскозель обнажил меч и хотел броситься на графа, она приказала ему отступить.

– Милорд, – заговорила она дрожащим голосом, между тем как Джеймс Стюарт, скрестив руки на груди, молча присутствовал при этой сцене, – ваш отец – изменник, и если я до сих пор щажу его, то только потому, что в его жилах течет кровь Стюартов. Вы же идете далее его; вы не только завидуете моей короне, вы посягаете на мою честь и, как трусливый негодяй, позорите женщину! Молчите! Звук вашего голоса противен мне; вы недостойны даже наказания, вы просто вызываете жалость как человек, лишенный здравого ума.

Молодой человек заскрежетал зубами от злости и стыда.

– Ваше величество, – воскликнул он, – разве позорно, что я люблю вас и что эта любовь довела меня до безумия и я готов служить вам против собственного отца? Скажите, что я достоин сожаления за то, что люблю любовницу француза.

Боскозель больше не мог сдержаться: он бросился на графа Аррана и готов был задушить его собственными руками. Но в этот момент граф выхватил кинжал и ударил его. Королева громко вскрикнула и лишилась чувств.

Безумца связали и увели. Когда же королева очнулась от своего обморока и увидела окровавленного Боскозеля, она громко воскликнула:

– Маркиз, он ранил вас?

– Рана незначительна, – ответил француз, сияя от торжества.

То был крик опасения и любви; все так и поняли это.

– Прочь отсюда! Мария, подумайте о своей чести! – строго произнес лэрд Джеймс.

Королева вздрогнула; по выражению лиц присутствовавших и по пламенному, ликующему взгляду Боскозеля она поняла, до какой степени она забылась. И краснея, и бледнея, она растерянно протянула руку Джеймсу Стюарту и дрожащим голосом простонала:

– Пойдемте отсюда! Лэрд Джеймс, спасите меня от самой себя!

На другой день королева покинула Голируд во главе отряда; но слух о сумасшествии Аррана и о словах королевы: «Боскозель, вы ранены?» – распространился с быстротой молнии. Шотландцы пожимали плечами и говорили, что она оставила его, чтобы люди поверили в лживость слов графа Аррана, а отсюда укрепились уверенность, что француз наверное – ее любовник!

II

Между тем королева ехала во главе великолепной конницы в ярко блестящих панцирях; знамена весело развевались по ветру. В своем простодушии она уже забыла про случай в Голируде; радостно вдыхая свежий утренний воздух и весело шутя со своими дамами, красавица-королева мчалась по полям Шотландии, как будто все это принадлежало ей.

Кавалерия Стюарта настигла графов Босвелля и Аррана, и, прежде чем они успели оказать сопротивление, их препроводили в тюрьму Св. Андрея. Босвель успел скрыться и бежал в Англию.

Джеймс Стюарт направился тогда против Гордонов, которые также лелеяли мысль низвергнуть его.

По словам историка Минье, граф Гентли (Гордон) имел намерение женить на королеве своего сына. Когда же он во время какой-то ссоры с лэрдом Огильви ранил его на улице, в Эдинбурге, королева приказала ему отправиться в крепость Стирлинг. Он воспротивился и, собрав около тысячи всадников, решил дать отпор королеве. Граф Гентли укрепил свои замки и выжидал наступления Марии Стюарт. Она действительно направилась туда во главе небольшой армии, предводительствуемой графом Марром. Комендант замка Инвернес, принадлежавшего Гордонам, не впустил ее. Тогда она велела осадить замок, принудила его к сдаче и приказала арестовать коменданта.

Во время этого королевского объезда, бывшего вместе с тем военной экспедицией, Мария выказала редкое присутствие духа и переносила все трудности с большой бодростью. Она скакала верхом по диким местностям, переправлялась через реки, располагалась на отдых в степях и лесах, жалея, что она не мужчина и не может проводить ночи в поле, подложив под голову дорожную сумку, прикрывшись щитом и будучи вооружена длинным двусторонним боевым мечом.

Комендант крепости Инвернес, сопротивлявшийся королеве, был повешен на замковой башне, после чего Мария и ее брат быстрым маршем отправились далее в путь. Джона Гордона заключили в темницу, а затем пустились преследовать старика Гентли. В равнине Конвики отряды встретились; завязалась горячая борьба, из которой королева вышла победительницей. Гентли пал вместе с лошадей и был измят под лошадиными копытами; его старший сын был обезглавлен, а младший по приказанию королевы был заключен в темницу впрямь до достижения пятнадцатилетнего возраста, после чего был обезглавлен на том же эшафоте, где еще оставались следы крови его брата.

Могущество Гамильтонов и Гордонов было уничтожено; их имения были конфискованы и после переданы Джеймсу Стюарту, графу Марру, который получил звание графа Мюррея и пост канцлера Шотландии, став первым и самым могущественным лэрдом в стране.

III

В разлуке с Марией Кастеляр воспылал еще большей страстью к ней. Он считал себя любимым и думал, что Мария также страстно любит его, но борется и скрывает свое чувство, чтобы отвлечь подозрение шотландцев. Наконец она возвратилась, и достаточно было одного ее благосклонного взгляда, чтобы маркиз истолковал его как проявление любви и призыв к счастью. Вскоре разнесся слух, что ведутся переговоры, что лэрд Джеймс – граф Мюррей – подготавливает свидание двух королей и что Елизавета уже наметила человека, которого хочет предложить Марии в супруги.

Однажды на маленьком празднике, устроенном королевой, Кастеляр вручил ей стихотворение на французском языке, в котором в поэтической форме изложил весь пыл своей любви. Мария была счастлива, что ей удалось в Голируде устроить маскарад, напомнивший ей время-препровождение во Франции; она и не подумала об опасности встречи с Боскозелем. Оба они, замаскированные до неузнаваемости, двигались в пестрой толпе танцующих, сами принимали участие в танцах, а в антрактах слушали пение четырех трубадуров. Трех из этих трубадуров Мария вывезла из Парижа, а четвертый был итальянец с чудными глазами и красивым, звучным голосом. Его звали Давид Риччио. Бывший камердинер савойского посланника Моретта, он пользовался благосклонностью Кастеляра за свою скромность и поэтическое дарование. После пения снова начались танцы; королева танцевала много и была весела и шаловлива, как в счастливые дни своей юности.

После танцев она вышла в сад, чтобы освежиться; Кастеляр последовал за нею.

Они незаметно спустились во двор, а оттуда – в парк, заканчивающийся холмом, так называемой беседкой Артура, поднялись на холм и устремили свои взоры в мерцающую влажную даль. Королева опустила на одну из скамеек и, сняв маску, задумалась, временами вздрагивая от внутреннего волнения.

О чем она думала? Быть может, о прекрасной Франции, где прошла ее юность в счастье и любви? Быть может, она мечтала о прошлом и боялась за свое будущее?

Боскозель опустился к ее ногам, схватил ее руки и стал покрывать их горячими поцелуями.

Мария заплакала.

– Ах, как бедно мое сердце! – вздохнула она.

Боскозель воскликнул в восторге:

– Мария, разве ты не королева? Кто может помешать тебе быть счастливой так, как желает твое сердце и как может только смертный осчастливить женщину? Будь моею, и я готов каждую твою слезинку осушить поцелуями; мои объятия вселят в твое сердце пыл и невыразимое блаженство.

Мария встрепенулась, как бы пробудившись ото сна. Она доверилась другу, пришла сюда затем, чтобы помечтать, а оказалось, что перед нею безумец.

Она вздрогнула, вырвалась и убежала, как испуганная лань. Маркиз бросился вслед за нею, но она скрылась во тьме.

– Ты дрожишь, ты колеблешься? – воскликнул он. – Значит, твое покоренное сердце чувствует своего повелителя и пугливо отстраняет блаженство объятий. Беги, но ты не уйдешь от меня! Я настигну тебя, и тогда в объятиях я заставлю тебя произнести робкое признание. Ты любишь меня и не в состоянии сердиться на меня! Вперед! Смелым принадлежит мир!

IV

Два часа спустя огни погасли в парадных залах Голируда, гости разошлись и настала тишина.

Королева оперлась на руку Марии Сэйтон. Холодная дрожь пробегала по ее членам, она думала о безумном Арране, который преследовал ее своею страстью и назвал ее любовницей Боскозеля.

– Что с вами? – озабоченно прошептала Мария Сэйтон. – Вы дрожите, быть может, вы больны?

– Да, я болею сердцем так же, как и ты, Мария! – пробормотала королева и залилась слезами. – Там, где я ищу дружбы, я нахожу пылкую страсть, а где ищу доверия, встречаю грубый обман. Ты тоже любила, но твой избранник не понял твоего сердца; мой любимый супруг умер, и меня не понимают мои друзья!

– Королева, вы несправедливы к себе, мне и всем, кто искренне предан вам, – возразила Мария Сэйтон, но не успела она окончить свои слова, как в комнату вошла Филли.

Все уже знали, что Филли, паж из Инч-Магома – девушка, и Мария Сэйтон взяла несчастную к себе в услужение. Лицо Филли было расстроено, и она жестами объяснила, что королеве грозит опасность.

– Откуда опасность? – спросила изумленная Мария Сэйтон, поняв наконец жесты Филли. – Неужели протестанты грозят снова воспрепятствовать нашему богослужению?

Филли покачала головой и указала на сердце.

– Кастеляр? – воскликнула Мария Стюарт. – Чего хочет этот несчастный?

Филли поползла вдоль стены, показывая, как украдкой можно пробраться в дом.

– Он скрылся или он хочет похитить меня? – спросила королева.

Филли покачала головой; но в этот момент залаяла собачка, любимица королевы, и стала царапать в двери спальни.

Мария Сэйтон отворила дверь; собачка бросилась к постели королевы; когда ее полог подняли, оказалось, что там, спрятавшись, лежал Кастеляр.

– Боскозель! – воскликнула королева, бледнея от негодования. – Безумец, вы ищете моей гибели?

– Я не хочу твоей гибели, богиня моего сердца, но ты должна стать моею перед Богом и людьми. Скажи, что ты не любишь меня, – и твое сердце возмутится против этой лжи; прикажи убить меня – и ты будешь оплакивать меня!

– Назад! – крикнула Мария Стюарт, когда он протянул к ней свои руки. – О, боже, чем заслужила я такой позор, такой стыд?

– Ты плачешь, Мария? Неужели ты так слаба, что стыдишься своей любви?

– Молчите! Если я когда-нибудь дала вам повод лелеять такую безумную мысль, то я жестоко наказана за это. Любить вас? Ведь вам известно, что мое сердце всецело принадлежит моему возлюбленному, который покоится в могиле. Ваша любовь – позор, ваша дружба – предательство. Вон отсюда! Я презираю, я ненавижу вас!..

Боскозель побледнел, прочитав на лице королевы свой приговор. Вдруг его глаза блеснули и уста искривились.

– И меня ты гонишь так же, как Аррана! – мрачно пробормотал он. – Ты кокетка; ты торжествуешь и глумишься, погубив человека, доверившегося твоей лживой улыбке! Ты лжешь! Ты не любишь покойного, как не любишь никого. У тебя нет сердца, нет крови; ты змея, которая соблазняет, жалит, а затем скрывается! Но я не позволю издеваться над собою; ты будешь моею, чего бы то ни стоило мне, даже если бы мне пришлось продать душу дьяволу!

Мария Сэйтон оттолкнула его и погрозилась позвонить. Королева упала в обморок; ее сердце зануло от брошенного в ее лицо безобразного оскорбления.

Кастеляр стремительно выбежал.

– Злосчастный! – пробормотала она, очнувшись в объятиях Филли и видя, как Мария Сэйтон закрывала двери на задвижку. – И это мои друзья!.. Они отдают мою честь на поругание кальвинистам! О, Джон Нокс имеет право кричать: «Она – Иезавель; побейте ее камнями!» Но Боскозель заплатит мне за это своей жизнью; перед лордами и парламентом должен он доказать, что я хотя бы единым словом дала ему повод к такой дерзости, или же он должен умереть.

– Успокойтесь! – прошептала Мария Сэйтон, вся дрожа. – Он безумец и, наверное, теперь уже сожалеет о том, что сделал в пылу возбуждения. Говорите тише, чтобы придворные дамы не услышали вас.

– А, значит, моя честь должна зависеть от деликатного молчания моих слуг? – сказала королева, горько улыбаясь. – Я принуждена дрожать перед каждым звуком, который мог бы выдать мои несслыханный позор?!

– Ваше величество, в передней нет никого, кроме леди Мортон, она же будет молчать так же, как и я; ведь ваша честь нам дороже жизни. Филли нема и предана вам. Пошлите маркиза в изгнание, покарайте его своим презрением, но не требуйте скандального процесса и суда людей непризванных.

– И это советуешь мне ты, Мария Сэйтон?! Я должна примириться с тем, чего не снесет ни одна женщина; тайну моего позора я должна разделить с этим презренным человеком, как его соучастница? Мария, он молился вместе со мною у гроба моего супруга, он был свидетелем моего горя, и он же считает меня развратной женщиной!..

– Ваше величество, ради вашей прежней дружбы к нему вы не должны возбуждать процесс. Вы были слишком снисходительны к нему, чтобы теперь судить его, как совершенно постороннего вам человека. Будь это не Кастеляр, а кто-нибудь другой, я позвонила бы и позвала бы ваших телохранителей. Но я знаю, что вы не в состоянии предать его смертной казни. Поэтому лучше, чтобы он бежал, но все же накажите его своим презрением.

– Мария, ты говоришь, что я не могла бы казнить его? О, я почувствую в этом даже наслаждение! Его кровь смоем последние воспоминания моей юности. Впрочем, нет, нет, пусть он бежит, я отомщу ему другим способом. Пусть он увидит, как я изберу себе супруга, как я смеюсь над ним, как презираю его. Завтра я поговорю с английским послом. Мне дали понять, что необходимо иметь покровителя; а Боскозель – единственный человек, способствовавший тому, что я свято хранила память умершего, – доказал мне, как уважают неутешную вдову. Я дам Шотландии властелина. Он положит конец всем гнусным клеветам. Я изберу себе человека, который разделит со мною королевскую власть; но им не будет ни один из тех, кто был некогда дорог моему сердцу и кто пренебрег моими душевными страданиями.

Королева ходила взад и вперед по комнате, в крайне возбужденном состоянии.

Внизу, в одной из гостиных комнат, сидел граф Мюррей. В то время как Мария Сэйтон старалась успокоить королеву, к нему вошел стрелок.

– Опять ты здесь? Черт возьми, отчего ты не на своем посту? – спросил Мюррей недовольным тоном.

– Милорд, маркиз возвратился в свою комнату!

– А, этот презренный к тому же труслив!

– Милорд, я притворился спящим, как вы приказали. Маркиз явился, тихо отворил решетчатую дверцу и поспешил по лестнице к потайному ходу, ведущему в спальню покои королевы. Я последовал за ним и держал стрелков наготове, чтобы по первому зову на помощь броситься туда и вонзить французу кинжал в грудь. Но собачка королевы забила тревогу, и дамы заметили француза.

– Дальше, дальше! Что сделала королева? Она не звала на помощь?

– Нет, милорд. Ее величество прогнала маркиза; я слышал громкий, резкий разговор, после которого распахнулась боковая дверь на галерею и маркиз стремительно вышел; леди Сэйтон заперла за ним двери.

– Хорошо, можешь идти! – сказал Мюррей. – Что она предпримет? – пробормотал он, беспокойно шагая по комнате. – Неужели этот человек все еще опасен? Был благоприятный момент избавиться от него, и ты не воспользовалась им, Мария. Твой зов о помощи спас бы твою честь. Что же ты думаешь делать? Предать его суду или, быть может, с позором изгнать его? Но, быть может, завтра ты уже раскаешься в своем решении, как сегодня побоялась пролить его кровь. Или, быть может, ты хочешь наказать его презрением? Это была бы чисто женская месть, а только кто поручится тогда за твое сердце? Нужно покончить с этим. Если ты не можешь справиться с ним, то я помогу тебе. Арестовать его? Нет, бесполезно: властным словом Марии он был бы освобожден и тогда окончательно погибло бы ее доброе имя. Умертвить его? Но тогда она будет оплакивать его. Нет, он сам должен погубить себя. Он должен предоставить Марии выбор – предать ли его эшафоту или пожертвовать собою.

V

На другое утро, когда королева появилась среди своих придворных, Мюррей был более чем когда-либо вежлив и предупредителен с Кастеляром и внимательно следил за выражением лица королевы, когда она вошла в зал и взглянула на Боскозеля.

Мария была бледна; было видно, что она волновалась; в тот момент, когда она увидела рядом Боскозеля и Стюарта, на ее устах появилась злобная улыбка. Она подошла к графу Мюррею и на его глубокий поклон ответила горделивой усмешкой. А Боскозеля не удостоила ни единым взглядом.

– Любезный лэрд Джеймс, – сказала она, – я склонна выслушать предложения английского посла и стремлюсь примириться с моей сестрой Елизаветой. Я чувствую потребность жить в дружбе с королевой Англии, и если она не требует ничего более, кроме того, чтобы я только пожертвовала своей связью с Францией, то я охотно уступлю ей. Франция слишком часто обманывала Шотландию, чтобы я считалась с нею ради моих чувств к одному человеку, который покоится во французской земле. Пришлите ко мне в кабинет лорда Рандольфа!

Затем она милостиво отпустила Джеймса Стюарта, прошла мимо Боскозеля, как мимо безжизненного изваяния, на которое он действительно походил в своей смертельной бледности, а затем милостиво поклонилась каждому из присутствовавших. Всеми было замечено, что Кастеляра, которому королева всегда оказывала предпочтение, на этот раз она не удостоила ни единым взглядом и что по окончании аудиенции маркиз поплелся как человек, потерявший рассудок.

Кастеляр готов был выдержать гневный взгляд королевы и даже рассчитывал вызвать его своим появлением. «Пусть она убьет меня, если не хочет внять мольбам!» – эта мысль засела у него в мозгу, когда он ночью вернулся в свою комнату, уничтоженный стыдом и бешеным отчаянием. Но такое ледяное презрение королевы, которое он увидел теперь, готово было свести его с ума.

«Она гонит меня, как лакея? Неужели я даже недостоин ее ненависти? – с отчаянием подумал он. – В таком случае она только шутила со мною, а я, глупец, не понял этого и не воспользовался вовремя, вместо того чтобы вздохнуть у ее ног! Она не присуждает меня к изгнанию! Не желает ли она, чтобы я танцевал на ее свадьбе? Быть может, она рассчитывает показать своему супругу дурака, который годами изнывал, лоя ее улыбку, а она кокетничала и играла с ним, как с куклой, то прижимая к груди, то попирая ногами!»

Все кипело в нем, он готов был разmozжить свою голову о холодный мрамор.

Вошел слуга и подал ему завтрак.

– Господин маркиз! – шепнул хитрый француз, принимая таинственное выражение лица.

– Что тебе?

– Господин маркиз, пока я доставал вино из погреба, на табурет, под чан, было положено письмо.

– Кем?

– В комнате никого не было, когда я вернулся. Но письмо адресовано вам.

Боскозель быстро схватил записку. Это был тонкий сверток, запечатанный воском; оттиск печати был сделан слабо, с очевидной целью, чтобы герб не был узнан. Почерк, по-видимому, был подделан.

«Смелость, – так гласили строки на французском языке, – оскорбляет, когда она не соединяется с осторожностью. Нескромная любовь отвергается вдвойне, если тайная не умеет найти пути к достижению цели. Неудавшаяся попытка отнимает мужество надеяться на более счастливый результат и заставляет пострадавшего прийти к решениям, быть может, не соответствующим его сердечному влечению. Настоящий кавалер не должен бы предпринимать ничего без уверенности победить или пасть. Сожгите эту записку! Она написана лицом, которое видело, как плакали прекрасные глаза».

При чтении этой записки кровь кипела в жилах Боскозеля, лоб горел, а сердце бешено билось в груди.

«Она любит меня! Это пишет доверенное лицо, которое видело, как она плакала! – думал он. – О, как я глуп в своем отчаянии!.. Разве она не должна была притворяться перед Сэйтон, Филли и всеми? Она не осмеливается протянуть мне руку, но ее сердце принадлежит мне; она страдает, как и я, а я, несчастный, не решаюсь рискнуть своей жизнью, чтобы прижать ее к своей груди, и мой ум не находит средства встретиться с ней наедине?!»

Немного спустя Кастеляр, которого еще недавно на аудиенции видели замкнутым, мрачным и убитым, прошел мимо придворных с гордо поднятой головой, приказал оседлать себе лошадь и вскачь понесся из ворот дворца.

VI

На следующую неделю предполагалась соколиная охота, которая должна была состояться в графстве Файф. Весь двор занялся приготовлениями, желая показаться во всем своем блеске; лэрды выписали своих сокольничих, пажи щеголяли новыми костюмами; из соседних замков были приведены самые породистые кони, каждый хотел выказать свое великолепие, своей роскошью затмить другого. Кастеляр единственный, казалось, не думал готовиться к охоте; каждый день во время аудиенции, при каждой встрече с Марией Стюарт, его видели мрачным, молчаливым, словно страшное несчастье тяготело над ним, а Мария никогда не удостоивала его ни словом, ни взглядом. Каждый догадывался о какой-то вине с его стороны, которую он должен был искупить смиренным раскаянием.

День охоты наступил: это было 14 февраля 1563 года. В замке Голируд весело зазвучали охотничьи рога, площадь перед дворцом наполнилась придворными лакеями и пажами в великолепных костюмах; породистые, разукрашенные золотом и бархатом кони нетерпеливо били землю копытами. Наконец появилась королева, окруженная своими дамами и придворной знатью, среди которой находились: граф Мюррей, Черный Дуглас, епископ русский, английский посол лорд Рандольф и много других благородных и родовитых рыцарей; недоставало только Кастеляра. Он стоял у окна, за шелковой драпировкой, весь бледный, и его глаза страстными, пожирающими взорами следили только за королевой.

Блестящий поезд покинул дворец; охота должна была продолжаться три дня; вслед за двором последовала королевская кухня, весь обоз с винами, буфетчиками, поварами, егерями, пажами и сворами собак. Резкие звуки рогов затихли, в замке Голируд водворилась тишина.

Тогда Кастеляр выбрался на двор, оседлал свою лошадь и несколько минут спустя исчез.

Охотничий замок в Бурнтислэнде был расположен среди леса. Высокая башня завершала с восточной стороны старинное здание, зубчатые стены которого мрачно высились над темной листвой вековых деревьев. В большой столовой все было заготовлено к пиршеству: там стояли золотые блюда, охотничьи кубки и бокалы; проворные руки работали на кухне, громадные туши жаркого висели на вертелах над раскаленными очагами; ждали знака, возвещающего приближение охотничьего поезда, и никто не обращал внимания на вход в башню; однако последний охранялся стрелком из королевской гвардии, прибывшей заранее для несения службы в замке.

Стрелок был тот самый, который принес графу Мюррею известие о первом дерзком покушении Кастеляра.

Какой-то человек выступил из леса и стал робко озираться вокруг; он, по-видимому, был ошеломлен, увидев стрелка, но вдруг, решившись, быстро подошел к нему и тихо спросил:

– Вы узнаете меня?

– Конечно, господин маркиз, но я думал, что вы на охоте.

– Нет. Я готовлю сюрприз. Можете ли вы молчать?

– Если мне хорошо заплатят, почему же нет?

– Вот вам двадцать золотых, не говорите никому, что видели меня, а теперь пропустите меня на башню.

– Господин маркиз, это будет стоить мне моей службы. Вы, конечно, не сделаете ничего дурного?

– Без сомнения, и, если это будет стоить вам службы у графа Мюррея, вы с двойным содержанием поступите ко мне.

Стрелок соображал недолго.

– Ваше слово в этом, господин маркиз? – спросил он.

– Даю слово, вы не пожалеете об оказанной мне услуге.

Стрелок пропустил маркиза.

Когда охотничий поезд прибыл, граф Мюррей проехал совсем близко мимо стрелка. Последний кивнул головой; Джеймс Стюарт знал достаточно, – в Голируде он тщетно ожидал этого знака в течение целой недели.

Королева Мария Стюарт была утомлена. Она не казалась веселой во время охоты. Раскаянье Кастеляра трогало ее, и все же ее мучило необъяснимое беспокойство, словно ей грозила какая-то опасность. Она упрекала себя, что не отправила Кастеляра во Францию; мрачная замкнутость маркиза с каждым днем тяготила ее все больше; она чувствовала свою вину перед ним, так как давала пищу его чувству. Она приковала его к себе, несмотря на то что угадала его любовь. Она требовала от него унижений, которые может вынести только влюбленный, и все это из-за каприза, так как она была настолько тщеславна, что надеялась во всякое время обуздать его страсть. Теперь Мария понимала, как заставила Боскозеля страдать, и ее образ действий показался ей вдвойне недостойным ввиду терпения, с которым он сносил смертельно-язвительное, холодное презрение, еще обостряя возложенное на него искупление вины. Он мог бы отомстить королеве, но он молчал, и только его глаза словно спрашивали, справедлив ли его упрек, что у нее нет сердца. Эти мучения были невыносимы.

Мария чувствовала, что не успокоится, пока Кастеляр не уедет из Шотландии.

Королева рано покинула столовую и направилась в спальню, примыкавшую к башне.

Когда она поднялась с места, намереваясь удалиться со своими дамами, Мюррей сделал знак Черному Дугласу следовать за ним.

Граф Мюррей выбрал комнаты, примыкавшие к покоям королевы. Коридор, в который выходило помещение Марии, охранялся стрелками.

– Вы чрезвычайно предусмотрительны! – улыбнулся Арчибальд Дуглас, увидев часовых, но Мюррей ничего не ответил, а прямо повел графа в свою комнату и приказал подать вина.

– Лэрд Дуглас, – начал он, – королева Англии посылает нам своего фаворита Дэдлея Лейстера. Что вы скажете на это? Мы должны прийти к соглашению насчет его приема, прежде чем он прибудет сюда.

– Вы знакомы с ним и, конечно, знаете, пригоден ли он к тому, чтобы спихнуть с нашей шеи французов. Чтобы он не вырвал власти из ваших рук, об этом вы позаботитесь уж сами.

– Неужели вы все еще боитесь влияния французов? Быть может, Боскозеля? Его дело я считаю поконченным! – произнес Мюррей.

– Я не боюсь его, но боюсь за королеву. Французы заодно с папистами, а весь этот сброд ненавистен стране. Но что случилось с Кастеляром? Его нет на охоте. Вероятно, вы знаете, что произошло, иначе вы не были бы так покойны?

– Он был дерзок по отношению к королеве.

– Мне жаль этого человека. Сердце едва ли может устоять, когда такая женщина склонится к вам на плечо, как это сделала Мария с Кастеляром. Она была неосторожна, и дьявол, как всегда, впутался в эту игру.

– Неосторожна, вы совершенно правы! – согласился Мюррей. – Но тем осторожнее должен быть мужчина, знающий, что он не может иметь право на подобную благосклонность. Но слушайте! Не заметили ли вы какого-то шороха за стеной? Неужели здесь есть тайная галерея и нас подслушивают?

Дуглас хотел посмеяться над его тревогой, как вдруг раздался резкий крик. Звуки шли из покоев королевы.

– Слышите? – прогремел Мюррей. – Берите скорей свой меч, Дуглас, вперед за мной!

Прежде чем приступить к ночному туалету, Мария Стюарт некоторое время болтала со своими дамами. Под предлогом усталости она покинула пирующих, а теперь ей как-то страшно было переступить порог спальни. Она сделала знак дамам следовать за ней. Старая мамка Анна Кеннеди подала ей ночное одеяние, но королева медлила надеть его. Еще ей надо было пошептаться кое о чем со своими любимицами. Наконец она решилась отпустить дам, но вдруг вздрогнула.

– Разве вы не слышите? – прошептала она, бледнея от страха. – Там, за обоями, какой-то шорох.

Дамы засмеялись.

– Ну, идите, идите! – кротко упрекнула их Мария. – Вы не верите в привидения, и ваши усталые глаза жестоко порицают меня.

Она поцеловала Марию Сэйтон и других. Анна Кеннеди осталась одна при ней, чтобы раздеть ее.

Мария склонила колени перед аналоем, но вдруг по всему ее телу пробежал трепет ужаса, и она промолвила:

– Там кто-то есть... я слышу шорох за обоями... там...

Анна Кеннеди прислушалась; до нее тоже донесся шорох; тогда она открыла дверь, желая вернуть уходивших дам.

В этот момент в стене открылась потайная дверь и Мария резко крикнула – перед ней стоял Кастеляр.

– Помогите! – простонала королева, почти теряя сознание от ужаса.

– Мария! – воскликнул Боскозель, бросаясь к ней и обнимая ее колени. – Я не отступлю!.. Выслушай меня или позови палача! Я хочу быть счастливым или умереть!

– Помогите! – закричала Анна.

Дамы поспешно вернулись.

– Позовите лэрдов! Помогите! – вопила Мария, отталкивая от себя обезумевшего маркиза.

В это время послышался звон шпор, и на пороге появились Мюррей и Дуглас.

– Предательство! – бледнея, прошептал Боскозель. – Я предан тобой, Мария!..

– Свяжите этого преступника, – приказал Мюррей вооруженным людям, прибежавшим на крики о помощи. – Суд должен произнести свой приговор, этого требует честь королевы.

Кастеляр был связан. Он не пытался сопротивляться, только его глаза пристально смотрели на ту, которая, как он думал, предала его.

Три дня спустя голова Боскозеля де Кастеляра пала на помосте эшафота, воздвигнутого публично на площади Св. Андрея. Королева предпринимала слабые попытки помиловать несчастного, но лэрд Мюррей объявил ей, что исполнение приговора будет единственным средством избавиться от злейших нападок на ее честь.

Кастеляр умер со словами: «О ты, наипрекраснейшая и жестокая женщина!» Он отказался исповедаться своему духовнику, но личный секретарь королевы, Давид Риччио, посетил его в тюрьме утром в день казни и принес ему прощение королевы Марии Стюарт. Перед судьями Кастеляр не сказал ничего, что могло бы скомпрометировать королеву, но сознался Риччио в своей страстной любви к ней и попросил сказать Марии, как билось для нее его сердце до самой последней минуты.

– Я знаю, – воскликнул он, – Мария любила меня, так как ее сердце жаждет любви и дышит страстью; но она не смела идти против своего брата и боялась, что мое сильное чувство может выдать тайну и набросить тень на ее честное имя, как я это и сделал в своем безумии. В этом мое утешение на пути к эшафоту; я искупаю свою вину, но не мог замкнуть тайну в моей груди, и это было моим несчастьем!..

Давид Риччио пожал его руку и тихо вздохнул.

Жалел ли он о несчастном или о самом себе?.. Обаятельность Марии Стюарт еще многих должна была ослепить и сделать несчастными. Она походила на цветок неземной красоты, благоухание которого приводило к блаженству, но и могло убить.

Глава шестая. Сватовство

I

Роберт Сэррей при своем возвращении в Англию расстался с Дэдлеем и отправился в свои родовые поместья, возвращенные ему милостью Елизаветы после отмены закона об изгнанниках. Перед отъездом в Лондон он не приминул сделать визит леди Бэтси Кильдар, и хотя ему тяжело было вызывать в себе печальные воспоминания, однако вид этой почтенной особы, все еще сокрушавшейся о казни его брата Генри, укрепил его в намерении держаться подальше от двора дочери Генриха VIII. Но уже в первые недели пребывания на лоне природы он почувствовал, что одиночество делается ему невыносимым. Полная приключений жизнь в юности и пестрая смена картин, хотя иногда и весьма печальных, все-таки имели свою прелесть. Соседям по имению Сэррей стал чужд, а спокойная жизнь богатого землевладельца имела мало привлекательного для человека, жившего при парижском дворе. Но еще более, чем к блеску и разнообразию, Роберт стремился к встрече со своими друзьями, Дэдлеем и Вальтером Браем. Конечно, бывали минуты, что он думал о Марии Сэйтон, но эта первая и единственная любовь его юности бывала так часто омрачена, что воспоминания о ней были скорей тягостны, чем сладостно-мучительны. Характер Марии Сэйтон никогда не был ясен для Роберта, а подозрения слишком часто бросали тень на прекрасный образ, чтобы в его сердце могла сохраниться святость чувств; однако мысль о Марии все еще, помимо его воли, наполняла его душу страстным томлением, печалью и скорбью. Первая любовь никогда не умирает окончательно в сердце человека; она была поэзией юности, о ней постоянно вспоминают с грустью.

Однажды, когда Сэррей собирался ехать на охоту, сторож на башне протрубил в свой рог, возвещая о посетителе. Роберт подошел к окну и увидел блестящий поезд из пажей и оруженосцев, скакавших в гору, по направлению к замку. Впереди всех ехал Дэдлей Варвик. Сэррей стремительно бросился к лестнице, чтобы встретить друга.

– Вели седлать лошадь, – сказал Лейстер, поздоровавшись с Робертом, – ты должен ехать со мной и быть свидетелем замечательно интересной истории!

– Расскажи!

– Прежде всего позволь представиться в новом звании: я – граф Лейстер.

– Поздравляю. Ты, значит, скоро нашел свое счастье при дворе.

– Счастье ли то, что я нашел, это еще вопрос; я пошел по льду, и мне интересно знать, далеко ли я доберусь. Я принес в дар Елизавете свои верноподданнические чувства, но сам дьявол не разберет этой женщины.

– Что же она подарила тебе? Графство Лейстер?

– Это сделала она как королева, а как прекрасная женщина предложила нечто большее, а может быть, и меньшее – это зависит от того, как ты себе объяснишь это. Я дал понять Елизавете, что люблю ее.

Роберт засмеялся:

– Ты, видно, особенно интересуешься королевами и не так прост, как кажешься!

– Не шути! Елизавета достаточно прекрасна, чтобы увлечь мужчину, и не заслуживает быть взятой в замужество только ради политики.

– О, да, да! Конечно, титул графини Лейстер более подходит к ней, если бы случайно она уже не была королевой! – воскликнул Сэррей.

– Ты смеешься, потому что совсем не знаешь ее и не понимаешь, какую прелесть придает честолюбие любви. Легко победить обыкновенную женщину, но высший триумф – заставить королеву покраснеть и стыдливо потупить свой взор.

– И это тебе удалось сделать с Елизаветой?

– Она не рассердилась, а это при ее гордости равносильно победе. Теперь, прошу тебя, обсуди все положение. Королева Елизавета в доказательство моей привязанности потребовала принести ей жертву, предложив мою руку другой. Как ты думаешь? Хочет она только испытать меня или, боясь все-таки оказаться слабой, находит нужным поставить преграду своему чувству?

– Быть может, верны оба предположения. Пощади и не заставляй меня разгадывать загадки женского сердца, а лучше расскажи о себе, меня это более всего интересует. Если ты действительно любишь Елизавету, было бы предательством с твоей стороны не сказать об этом той, которая будет носить твое имя. Впрочем, заставить влюбленного в себя жениться на другой – весьма оригинальный прием.

– Менее, чем ты думаешь. Если Елизавета действительно верит в мой успех, то она рассчитывает с моей помощью победить соперницу. Но ты прав, я сам должен уяснить себе, люблю ли я Елизавету или нет, а на это можешь ответить мне именно ты.

– Я? Да ты с ума сошел!

– Ты знаешь меня лучше, чем я сам. Ты знаешь, что прекрасные глаза способны зажечь во мне пламя, но знаешь также, что я честолюбив. Как ты думаешь? Может честолюбие заменить мне счастье любви, сильнее ли, могущественнее и продолжительнее оно, чем страсть, которая довольствуется мелкими победами?

– Милый Дэдлей, уже этот вопрос доказывает мне, что в Елизавете ты любишь лишь королеву, а то, что я слышал о ней, не позволяет питать надежду, чтобы когда-либо какой-нибудь мужчина победил в ней женщину и стал для нее более чем мимолетной прихотью.

– Кто знает! – пробормотал Дэдлей. – Она еще не любила. Я стою на перепутье, которое должно решить участь всей моей жизни. Я потомок Варвиков, мои предки добыли корону английским королям, служили опорой их престола. Если бы я подозревал, что Елизавета хочет испытать меня и дала мне это поручение в надежде на неудачу, тогда я мог бы требовать удовлетворения от ее сердца.

– Ты еще не назвал мне имени твоей будущей невесты.

– Я должен просить руки Марии Стюарт.

Сэррей уставился на него с удивлением, но вдруг язвительно засмеялся и воскликнул:

– Ах, я понимаю! Елизавета хочет сделать последний шахматный ход, завершить интригу Генриха Восьмого. Супруг несчастной королевы Марии должен обратиться в вассала Англии, в человека, которым Елизавета могла бы всецело управлять.

– Роберт, эта мысль и мне приходила в голову, заставляя предполагать, что Елизавета задумала в отношении меня совсем не испытание.

– И ты хотел пойти на это дело, обмануть несчастную шотландскую королеву, быть тайным агентом Елизаветы, помогая ей захватить наследство Стюартов?

– Роберт Сэррей, этого подозрения я не заслуживаю. Я сказал тебе, что я стою на распутье. Я не кукла, с которой можно играть. Если я стану супругом Марии Стюарт, я перестану быть вассалом Елизаветы, и она сильно ошибается, думая найти во мне покорного слугу. Но мне представляется, словно я сам должен посмеяться над этим проектом. Неужели Елизавета могла серьезно думать, что ее давнишний враг возьмет себе в мужья английского лорда, ее фаворита, и что Шотландия потерпит это? Я думаю, скорей меня посылают, чтобы я был отвергнут и Елизавета имела повод рассердиться, что не приняли ее совета; или, быть может, данное мне поручение имеет целью унижение, оскорбление. Словом, я не знаю, как мне вести себя, исполняя эту миссию; я не хочу повредить себе в глазах Елизаветы, но и не хочу выста-

вить себя в смешном виде. Поэтому прошу тебя, поедем со мной! Ты легко разумеешь, что будут скрывать от меня; ты можешь дать понять Марии Стюарт, что я не способен предать ее, если она на мне остановит свой выбор; ты также вовремя можешь подать мне знак прекратить переговоры, если не будет никакой надежды на успех.

– Я поеду с тобой, – ответил Сэррей после короткой паузы, – уже потому, что должен оказать эту услугу Марии Стюарт. Ради тебя, – продолжал он со смехом, – я не сделал бы этого, так как опасно быть советником человека, еще колеблющегося: которую из королев он может осчастливить своей рукой и сердцем... Но где же Вальтер Брай? Неужели он знал о твоей поездке и все-таки не поехал с тобой? Неужели Филли все еще не разыскана?

Лейстер рассказал уже сообщенное нами выше и добавил, что Вальтер еще лежит больной, но обещал приехать в Эдинбург, чтобы там навести справки о Филли, если в Лондоне ничего нельзя будет узнать.

II

Пока Сэррей занят своими приготовлениями к отъезду, опередим лордов в их поездке в Эдинбург. Смертный приговор над Кастеляром стоил много слез Марии Стюарт, и прошло несколько недель, прежде чем она оправилась от потрясающей катастрофы, которую навлекла сама. Она никогда не задумывалась над тем, какие серьезные и печальные последствия могла иметь интрига, которой предавалась она легкомысленно, из склонности к кокетству и тщеславию, и теперь пробовала развлечь себя разнообразными празднествами, балами, маскарадами и охотой. Но понятно, что подобный образ жизни еще более восстанавливал против нее строгих пуританцев. Требования о том, чтобы она вышла замуж, делались все настоятельнее. Одни хотели, чтобы супруг королевы противодействовал возрастающему могуществу Мюррея, другие желали ей мужа для избежания подобных историй, как было с Кастеляром. Сам Мюррей убеждал остановиться на выборе Елизаветы, так как боялся, чтобы Мария Стюарт в конце концов не вышла за какого-нибудь иностранного принца или шотландского лэрда, который мог бы лишить его власти.

Датский и шведский короли, сватавшиеся за Марию Стюарт, были отвергнуты. Кардинал Гиз горячо принялся за проект обручения Марии с доном Карлосом, сыном испанского короля, но Екатерина Медичи и Елизавета Английская воспротивились этому плану, боясь, что наследник Испании, Милана, Сицилии и Нидерландов, став шотландским королем, заявит претензии на английский престол. Эрцгерцог австрийский, герцоги Намюр и Феррара тоже предъявили свои кандидатуры, но получили отказ, а Мария тайно возобновила переговоры с Испанией, в то время как Лейстер был уже в пути, причем разрешила Мюррею написать Елизавете, что примет жениха из ее рук.

Нерешительность королевы, то искавшей примирения с Елизаветой, то прибегавшей к иностранному вмешательству против своих подданных, увеличилась еще от проповедей Джона Нокса.

– Я слышу разговоры о замужестве королевы! – восклицал он, обращаясь к дворянам-реформатам. – Герцоги, братья государей, короли – все желают принять участие в этом деле. Запомните, милорды, день, в который я вам сказал это, и впоследствии засвидетельствуйте об этом. Если шотландское дворянство, служащее Господу нашему Иисусу Христу, даст когда-нибудь свое согласие, чтобы неверующий – а все паписты неверующие – стал супругом и повелителем нашей королевы, то Христос изгонит нас из этого королевства и призовет на всю страну Божью месть.

Мария упрекала Нокса, говоря, что ее замужество не касается его. Он отвечал ей, что, когда он стоит на кафедре, он более не принадлежит себе, а исполняет заветы Того, Кто повелел ему не льстить человеческим страстям, так как его обязанность – проповедовать Евангелие.

– Ну а зачем же вы вмешиваетесь в дело моего сватовства? Какую роль вы играете в государстве?

– Ваше величество, – смело ответил он, – я прирожденный подданный королевства, и если я не барон, не лэрд, то все же Бог, как бы я ни казался недостойным, создал меня полезным членом государства. И в качестве последнего я обязан, как и дворянин, предостеречь народ от опасности; с этой целью я сказал открыто и повторяю это теперь перед вами: если дворянство страны допустит себе дать согласие на ваш брак с неверующим, то этим отречется от Христа, откажется от веры и подвергнет опасности свободу государства.

В тот день, когда английский посол получил известие о поездке в Эдинбург графа Лейстера в качестве претендента на руку королевы, Мария Стюарт узнала, что король испанский отказывается от сватовства своего сына, не считая его подходящим человеком, который мог бы содействовать присоединению Шотландии к католической церкви.

Что касается переговоров, которые велись между Марией и Рандольфом, то смысл их был следующий:

«Королева, – написал Рандольф лорду Бэрлею, – дала мне аудиенцию, будучи в постели. Она провела в таком положении целый день, более из-за удобства, чем из-за нездоровья. Быть может, она нуждалась в отдыхе после одного из ночных празднеств, которые всегда отличаются большой пышностью и оживлением. На них присутствующим предоставляется все, что может служить услугой для тела и для души, но самое удивительное то, что королева появляется иногда в мужском платье. На днях, после охоты, я передал ей письмо королевы Елизаветы; она ничего не ответила, но, когда наконец я попросил ее поговорить о делах, она ответила: «Я вижу, что вам наскучило быть здесь. Я послала за вами, желая повеселить вас и показать, как я, подобно простой смертной, умею проводить время среди моего маленького общества. А вы хотите испортить мне все удовольствие, заставляя говорить о важных делах. Оставьте все это при себе. Если королева Елизавета хочет считать меня своей сестрой или дочерью, я охотно буду слушаться и почитать ее. Если же она хочет смотреть на меня только как на свою соседку и королеву Шотландскую, я согласна жить с ней в мире, но она не должна вмешиваться в мои дела и беспокоить меня». Вот какова Мария Стюарт. Ни один беспристрастный человек не может смотреть без участия на веселую жизнерадостность Марии, ее поэтическую смелость, ее благородную жажду деятельности, ее блестящие надежды. Тем глубже становится наша скорбь, тем трагичнее делается положение, когда мы замечаем, как легкомыслие и обольстительная внешность ведут к тому, что лучезарная фигура невинной женщины завлакивается все более густыми тучами до такой степени, что в течение едва двух лет она стала слыть между своими врагами за бесстыдную грешницу. Я доложил ей о желании королевы Елизаветы, чтобы она отдала свою руку графу Лейстеру. Она, по-видимому, обиделась и гордо ответила: «Неужели вы считаете достойным меня так унижить свое достоинство? Разве ваша повелительница поступает согласно своему обещанию считать меня за сестру или дочь, предлагая мне сочетаться с графом Лейстером. Связать себя узами с ее подданными?» Я возразил, что лорд достоин выбора, так как королева Елизавета отличила его большими почестями. Мария заметила, что именно в силу этого обстоятельства неправдоподобно, чтобы Елизавета без каких-либо задних мыслей отдавала ей своего фаворита, а если род последнего действительно достоин трона, то королева Англии сама могла бы предложить ему свою руку. В конце концов она обещала обсудить это предложение с графом Мюрреем».

Таково было положение дел, когда Дэдлей и Роберт Сэррей со своими свитами вступили в Эдинбург.

III

В гостинице, куда направлялись оба лорда, пировали оруженосцы и егеря могущественного дома Леннокс, когда поезд показался на улице.

– Посмотрите! – воскликнул старый сокольничий графа. – Вот едут новые гости, и накажи меня Бог, если на щитах не гербы Варвиков и Сэрреев. Бьюсь о заклад, что это женихи из Англии, но они получают такой же отказ, как испанцы и датчане. Вот будет потеха и, даст Бог, веселая игра! Мы должны быть вежливы и помочь английским парням выколотить их новые камзолы, прежде чем они поскачут назад, как облитые водой пуделя. Приготовьте мечи! По улице едет Сэйтон. Если эти англичане не дадут ему дороги, он в виде приветствия порадует их несколькими окровавленными головами.

Группа всадников, имевших в виде отличия зеленые дубовые листья на головных уборах, проезжала мимо гостиницы, а так как каждый шотландец искал, где только возможно, ссоры, то можно было с уверенностью предсказать столкновение между двумя отрядами ввиду того, что каждый из них предъявил бы свое право на середину дороги. Когда случай приводил к тому, что встречались два могущественных лэрда, редко обходилось без кровопролития при разрешении спора о первенстве, а здесь вдруг надменные Сэйтоны съехались на том же пути с англичанами.

Оруженосцы из гостиницы схватились за мечи и были наготове броситься по первому знаку на защиту Сэйтонов против враждебной партии, причем они, конечно, постарались бы сделать свалку по возможности всеобщей. Группа английских всадников занимала середину улицы. Дэдлей был в боевом вооружении, так же как и Сэррей; их свита не ждала ничего другого, как маленькой битвы, и разрешение этого вопроса должно было последовать тотчас же, так как предводитель Сэйтонов не делал никакой попытки съехать с пути.

– Место для Сэйтонов! – прогремел он еще издали, обращаясь к англичанам.

Но напрасно ждали шотландцы вызывающего ответа; оба английских лорда остановили своих всадников и коротким галопом поскакали навстречу Сэйтону.

– Приветствую вас, милорд Сэйтон! – воскликнул Дэд-лей. – Я рад видеть вас здоровым и надеюсь, что встреча с примирившимся со мной противником послужит мне хорошим предзнаменованием. Я прибыл в качестве гостя королевы и, надеюсь, также гостя Шотландии.

– Если вы – только гость и желаете остаться им, то и я приветствую вас с приездом, – ответил Сэйтон, весьма удивленный вежливостью своих парижских противников. – Конечно, я предпочел бы встретиться с англичанами, как врагами, на границе и там убить вас, но я обязан оказать вам гостеприимство, так как ни один Сэйтон никогда не потерпит, чтобы его упрекнули в неисполнении своего долга. Если вам это удобно, я провожу вас в свой дом, предоставив его в ваше распоряжение, пока вы не окончите здесь своих дел.

– Милорд Сэйтон, – засмеялся Лейстер, – я надеюсь не так скоро покончить дела, как вы это думаете. Впрочем, это должна решить королева Шотландская. Я принимаю ваше предложение.

– И я также, – сказал Сэррей, подавая руку Сэйтону. – Милорд, я чту в вас верного слугу государыни, которой я также когда-то посвящал свою службу, и если мы когда-либо встретимся с вами как политические враги, я желал бы, чтобы это произошло без малейшей личной вражды.

Георг Сэйтон пробормотал себе в бороду несколько непонятных слов и ответил на рукопожатие Сэррея с таким выражением в лице, которое ясно давало понять, что он охотно поднял бы брошенную ему перчатку, но все же настолько понимает приличия, чтобы ответить на вежливость вежливостью.

– Стройтесь! – скомандовал он своим всадникам. – Лорды Лейстер и Сэррей – мои гости, и кто только будет искать ссоры с их людьми, будет также иметь дело и с Сэйтонами. Покажите этим господам, что мы умеем жить и даже принять англичан, когда они являются к нам мирными гостями. Поворачивайте своих лошадей, поезжайте вперед и трубите в трубы, чтобы ленивые негодяи в доме Сэйтона приготовили все самое лучшее для приема гостей.

– На нас здесь смотрят не особенно дружелюбно, – сказал Сэррей Дэдлею, когда они, после очень официального приема, заняли свои комнаты в доме Сэйтона. – Повсюду в городе на нас смотрели мрачные лица, словно все эти люди охотнее приветствовали бы нас алебардами. Проект Елизаветы кажется мне немного смелым, и граф Мюррей мог бы встретить нас, если ветер не подул в другую сторону и он не посылает нас ко всем чертям. Но что заставило тебя просить Сэйтона о гостеприимстве? Этот надменный дурень вел себя так, точно мы обязаны ему жизнью за то, что он провел нас невредимыми через город.

– Ведь в Париже мы тяжко оскорбили его, а ты еще требуешь, чтобы он улыбался нам, – засмеялся Дэдлей. – Неужели было бы лучше, если бы мы вступили в драку с грубыми парнями и поставили королеву Марию Стюарт в затруднение относительно того, какое удовлетворение дать оскорбленным гостям? Мне доставляет громадное удовольствие принуждать к вежливости этого высокомерного молодца, да к тому же я сделал открытие, что у нас здесь не будет недостатка в развлечениях. Я видел у окна головку восхитительной леди, которая быстро исчезла при виде гневного взора Сэйтона.

– Ты думаешь о приключениях в то время, как хочешь сделать предложение королеве? – спросил Сэррей, у которого кровь залила все лицо при мысли о возможности встречи с Марией Сэйтон.

– Почему же нет? Когда человек уже приготовился к отказу, который он должен получить, может же он искать себе других развлечений!

– Ты неисправим. Но тише... сюда идет Сэйтон.

Георг Сэйтон вошел в комнату в сопровождении заведующего винным погребом и лакея, несших золотую чашу с вином и бокалы.

– Позвольте, милорды, поздравить вас с приездом, – сказал Сэйтон. – С вами ли еще паж, который ходил за мной, когда я лежал больной в вашей гостинице в Париже? Я наполню его карманы золотом.

– Милорд, – ответил Сэррей, – этот паж исчез, и желание отыскать его явилось одной из причин моей поездки сюда с графом Лейстером. Он – здешний уроженец...

– Значит, он – шотландец? Милорды, все мои служащие к вашим услугам. Если вам это удобно, я велю через час подать вам сюда ваш обед.

– Милорд Сэйтон, – ответил Дэдлей, у которого официальный тон хозяина вызывал насмешку, – если, как я надеюсь, мы для вас – приятные гости, докажите нам это и не стесняйтесь. Мы устроимся, сообразуясь с вашими удобствами и привычками, как вы это сделали в нашем скромном убежище в Париже. Мы будем являться к столу, когда ваша леди – в том случае, если вы уже связали себя приятными узами Гименея, – велит звонить в колокол.

– Я не женат, милорд, – ответил Георг, бросив на говорившего подозрительный взгляд, – и сожалею, что в моем доме вы должны отказаться от удовольствия блеснуть своей галантностью перед дамами.

– Как? – воскликнул Лейстер, не обращая внимания на предостерегающие знаки Сэррея и замкнуто-серьезное лицо Георга. – Неужели мои глаза обманули меня, когда я видел прелестную кудрявую головку в угловом окне вашего дворца? Значит, красавица была служанка и...

– Милорд, – резко прервал его Сэйтон, – у вас очень зоркие глаза. Дама, которую вы заметили, – моя сестра.

– В таком случае простите! Да и правда, было бы даже невозможно, чтобы такие благородные черты принадлежали служанке. Я был бы рад познакомиться с леди Сэйтон.

– Милорд, моя сестра, к сожалению, должна отказаться от этой чести; она не принимает незнакомых лиц, приехавших с юга.

– Лэрд Сэйтон, это звучит оскорблением.

– Граф Лейстер, не в шотландских обычаях оскорблять гостя-друга. Но я один приветствовал вас с приездом; простите, если моя сестра не нашла достаточных причин поступить так же, и будьте добры отнестись с уважением к ее желанию, не критикуя его.

– Я повинуюсь, милорд, но с сожалением. Приезжайте к нам, в Англию, и наши леди постараются своими прекрасными глазами так же глубоко ранить вас, как это сделала ваша сестра своей антипатией к англичанам. Впрочем, я считаю более достойным быть отвергнутым до знакомства, чем не понравиться.

Сэйтон ответил уклончиво и вскоре покинул своих гостей.

– Я надеюсь, – сказал Дэдлей, когда Георг оставил их, – что я еще когда-нибудь встречу этого молодца на ратном поле и сломаю ему шею. Этот высокомерный дурень боится, чтобы не заглянули слишком глубоко в светлые глаза его сестры и не поставили его в затруднение породниться с почтенным домом.

Молодые люди еще болтали, когда им доложили о приезде лорда Рандольфа. Привезенные им известия не предвещали Дэдлею особенно благоприятного приема у Марии Стюарт.

– Королева, – сказал посол, – противится браку, который ей будут навязывать; все зависит от того, чтобы вы при своем личном общении с нею рассеяли подозрение, будто вы фаворит Елизаветы; затем вы должны привлечь на свою сторону лэрда Мюррея; он здесь всемогущ.

– А как я могу расположить его в мою пользу?

– Вы должны показаться ему как можно незначительнее. Он честолюбив и не хочет быть третьим в государстве.

– Странно! В таком случае он должен был отсоветовать Марии избрать себе супруга.

– Он боится, что она предпочтет вам вашего соперника; вы еще самый подходящий для него претендент на руку королевы, так как не имеете никакого влияния в стране, и он надеется этим браком склонить Елизавету признать Марию Стюарт своей наследницей.

– А-а, надежды становятся все более блестящими! Но вы говорили о сопернике: кто это?

– Генри Дарнлей. Он прибыл вчера, вероятно, с целью опередить вас. Он сын графа Леннокса, из дома Стюартов; его отец сражался за Генриха Восьмого и вследствие этого получил в супруги племянницу короля, леди Маргариту Дуглас, дочь Марии Тюдор, вдовы Иакова Четвертого. Следовательно, Дарнлей – двоюродный брат королевы и имеет права на ее престол. Назло Гамильтонам – его смертельным врагам – Мария вернула ему его конфискованные поместья, и теперь он является соперником, с которым надо считаться. Говорят, Джеймс Мельвиль, его поверенный, через личного секретаря королевы, Давида Риччио, уже вел переговоры о сватовстве как с Марией, так и с королевой Елизаветой.

– Вот что! – вскрикнул Дэдлей, краснея. – Значит, королева Елизавета знала, что я найду здесь соперника?

– Она знала это, только она придает очень мало значения Дарнлею; она называет его хмелевой тычинкой и высказала мнение, что умная женщина никогда не возьмет в мужья человека хотя и красивого, но слабого и безбородого, скорей похожего на девушку, чем на мужчину.

– А Мария Стюарт? Она такого же невысокого мнения о нем? – спросил Дэдлей.

– Она никогда не видела его, – ответил Рандольф. – Мария Стюарт примет его только для того, чтобы иметь возможность сказать, что до окончательного решения делала выбор между вами обоими. Таким образом она вынудит королеву Елизавету на новые уступки.

Вскоре после этого Рандольф удалился, а Дэдлей воскликнул:

– Ах, что я слышу!.. Прелестная Мария, игравшая во Франции роль очаровательной невинности, пускается в интриги. Я еще, пожалуй, влюблюсь в нее. Необходимо все хорошенько выведать от этого Рандольфа. Если он заодно с Елизаветой и оба думают поймать меня

в ловушку, то они очень ошибутся. А когда Мария Стюарт отдаст мне свою руку, тогда они убедятся, что я сумею быть королем.

Дэдлей изменился. Неопределенность положения заставляла его смотреть на окружающее недоверчиво. Теперь это настроение совершенно исчезло. Достаточно было сказать Дэдлею, что он должен завоевать сердце женщины и победить соперника, чтобы у него явилось желание борьбы; препятствие в деле любви скорее всего могло возбудить его страсть; а так как от этой победы зависело и удовлетворение его чувства тщеславия, то Дэдлей сразу почувствовал себя почти влюбленным в королеву.

За блестящим ужином, поданным в большой столовой, Мария Сэйтон отсутствовала, но Дэдлей даже не заметил этого. Все его мысли были заняты прекрасной королевой, и, едва успев вернуться в свою комнату, он сейчас же написал ей страстное послание. Он просил у Марии аудиенции и уверял ее, что с того самого дня, как он увидел ее в первый раз в Инч-Магоме, ее образ не покидал его. Его сердце готово было разорваться от ревности, когда она выходила замуж за французского дофина, но он утешался тем, что женщина, которую он боготворил, счастлива. Теперь же он надеялся, что она увидит в нем человека, который более всех других претендентов на ее руку понимает, насколько выше его стоит Мария Шотландская, и сильнее всех чувствует потребность посвятить ей всю свою жизнь, быть ее преданнейшим слугой, жить исключительно ее интересами.

Дэдлей отослал письмо и со своим же посланным получил ответ. Королева написала, что будет очень рада видеть человека, уже доказавшего ей на деле свою преданность и пользующегося доверием ее сестры Елизаветы. Но теперь она чувствует себя не совсем хорошо, а потому нуждается в тишине и покое. Ввиду этого она отправляется завтра же на несколько дней в Сент-Эндрью, где в полном одиночестве обсудит вопрос о своем будущем. По возвращении она сейчас же примет его, лорда Дэдлея, а пока просит его пользоваться ее королевским дворцом.

Дэдлей долго раздумывал над ответом королевы и в конце концов пришел к заключению, что этот внезапный отъезд Марии Стюарт для него более благоприятен, чем если бы она приняла его сейчас же.

IV

Сэррей вышел из столовой вместе с Дэдлеем и прошел в свои комнаты, находившиеся в нижнем этаже правого флигеля. Он попросил Сэйтона не провожать его и отослал слуг, которым было приказано посветить ему; да это было и лишним, так как на лестнице и по всей галерее горели многочисленные лампы.

Георг Сэйтон и его друзья остались в столовой и продолжали бражничать.

Стоя у окна лестницы, которая вела к его комнатам, Сэррей мог прекрасно следить за тем, что делалось за столом. Оживленные жесты пировавших доказывали, что веселье началось лишь по уходе неприятных гостей. У Роберта явилось тяжелое чувство, которое еще более усилилось, когда он увидел, что в столовую вошли и дамы, приглашенные, по-видимому, только после ухода Дэдлея и его друга. Одна из дам заняла место хозяйки за столом.

По ее сходству с Георгом и тому почтению, которое ей оказывали гости, не могло быть сомнения, что дама принадлежит к семье Сэйтон. Она была копией своей сестры Марии, такой же юной и свежей, какой была та в Инч-Магоме. Молодая девушка отличалась кротким, нежным выражением лица, у нее не было той своенравной, вызывающей улыбки, которая несколько портила Марию Сэйтон. Вся ее гибкая фигура поражала своей целомудренной прелестью.

Бесконечная тоска охватила сердце Сэррея. Вот та, которую он всегда любил и не мог забыть; это была даже не Мария Сэйтон в юности, а идеализированная Мария, приукрашенная пылкой фантазией влюбленного пажа. Легкий шорох у окна заставил Роберта отскочить и

спрятаться в комнату. Краска стыда и негодования залила его щеки при мысли, что Георг Сэйтон скрыл от него это сокровище, как бы считая его недостойным знакомства со своей сестрой. Тысячу раз Роберт говорил себе, что заслуживает полного презрения за то, что пользуется гостеприимством человека, который ненавидит его, и в то же время чувствовал, что никогда не решится уехать из этого дома и готов перенести какие угодно унижения, если бы прекрасная сестра Марии удостоила его хотя бы мимолетной улыбкой. Он сидел неподвижно и смотрел в одну точку. Невеселые думы носились в его голове, сердце скорбно сжималось. Зачем ему суждено было полюбить именно шотландку, сестру Марии и гордого шотландского дворянина, ненавидевшего его всей душой? О, как хотелось Роберту услышать только одно слово с ее уст, упиться одним ее взглядом!

В комнатах становилось все темнее, но Сэррей не зажигал огня. Он чувствовал себя разбитым, его голова горела. Роберт давно похоронил свою первую любовь; от нее осталась лишь одна печальная тень, наполнявшая его душу легкой грустью. Теперь вдруг старая любовь воскресла, воплотилась в чарующий образ, и его сердце усиленно горячо забилося.

Внезапно послышались нежные звуки лютни. Роберт бросился к окну и тихонько открыл его. Мелодия, напеваемая женским голосом, слабо долетала до него, и ему казалось, что он слышит ласковый разговор благородной девственной души с ночными эльфами. Сэррей вслушивался в эти звуки, и они все сильнее очаровывали его. Это была не только мелодия песни; Роберту чудилась в этих звуках жалоба невысказанного чувства, тоска высших желаний; он как бы видел душу певицы! Нет, Мария Сэйтон никогда не могла бы петь так, никогда не могла бы вложить столько задушевной искренности в свой голос! Если бы Мария обладала такой глубиной чувства, как ее сестра, она не могла бы играть любовью Роберта, не могла бы так зло издеваться над ним!

Сэррей сознавал, что было бы безумием с его стороны поддаваться этой страсти, невольно закравшейся в его душу. Молодая девушка могла остаться для него лишь недостижимой мечтой! Она была сестрой Георга и Марии, Георг же ненавидел его, а Мария посмеялась над его чувством и отвергла его, хотя, может быть, тоже любила!

«Нет, нет, поскорее уехать отсюда! – подумал Роберт. – Мне нечего надеяться на благосклонность этой очаровательной девушки, в особенности если она узнает, что я добивался любви Марии и был отвергнут ею. Еще если бы Мария была замужем, тогда можно было бы мечтать о лучшем исходе!»

В первый раз Сэррей подумал о том, что в отношении Марии к нему могло быть не только одно кокетство; может быть, в глубине ее души теплилось более нежное чувство к нему. Иначе чем объяснить, что она до сих пор не замужем? Почему она отвергла предложения всех поклонников при французском дворе? Как был бы счастлив Роберт раньше, если бы эта мысль пришла ему в голову! Теперь же она только испугала его.

Сэррей чувствовал, что задыхается в комнате, его тянуло на воздух. Приказав оседлать лошадь, он выехал из дома.

Близился рассвет. Легкий туман расстилался по долинам и лугам. Влажный холодноватый ветерок обвевал лицо. Вдали блестело море, и на темных зеленых волнах качался корабль. Точно призраки у Сэррея выползали из-за тумана далекие воспоминания. Вот там, у столба, стояла Кэт, и Вальтер Брай спустился с обрыва, чтобы ее освободить. На сером фоне зарождавшегося дня виднелись развалины старого аббатства. В той стороне стояла избушка старушки Гилль, которая своим предсказанием смутила Роберта, когда он пришел к ней с разбитым сердцем, простившись с Марией Сэйтон, уехавшей на испанском галионе во Францию. Сэррей вспомнил об Инч-Магоме, о своей первой любви, о своем верном друге, о вооруженном шествии по улицам Лондона. Какие богатые, пестрые картины в прошлом и как серо, бесцветно настоящее! В прошлом – стремления и надежды молодости, гордые мечты, горячая вера в Бога, людей и любовь! Теперь же Роберт был богат и занимал почетное место в обще-

стве; все, что было прекрасного в прошлом, он променял, сам того не желая, на это внешнее благополучие и на внутреннюю пустоту.

Роберт быстро мчался через поля и луга все дальше и дальше, как бы стараясь сбросить с себя настоящее и вернуть потерянную молодость. Перед ним сверкало далекое, безграничное море с вечно сменяющимися волнами. Так же, как волны, надвигались на его душу воспоминания. Волны не знали, о чем они хлопочут, куда стремятся; не знал и Роберт, куда он мчится, где бесконечная цель, манящая его.

Проскакав несколько часов на своей лошади, Сэррей опомнился, лишь когда солнце взошло высоко и он почувствовал голод. Повернув лошадь обратно, он убедился, что отъехал далеко от Эдинбурга. Горячие лучи солнца начали припекать. Лошадь устала не менее своего всадника. Роберт остановился на опушке леса и, предоставив лошади свободу пастись, лег в тень под дерево. Прежние мечты охватили его. В тихом шепоте листьев леса ему слышались звуки нежной лютни и грустные мелодии чарующего голоса.

Вдруг вдали раздались звуки копыт, звонкий смех и веселый разговор. Преобладали женские, давно ему знакомые голоса. Роберт вскочил, хотел скрыться, но было уже поздно: его заметили. Из-за деревьев показалась целая кавалькада. Впереди всех ехала шотландская королева в синем бархатном платье, окруженная придворными дамами и кавалерами.

– Здесь есть кто-то посторонний! – воскликнула Мария Стюарт. – Ах, это вы? – прибавила она, узнав Роберта и слегка краснея. – Наш паж из Инч-Магома? Каким образом вы попали сюда, милорд? С вами случилось несчастье или вы просто заблудились?

Дамы и мужчины с любопытством смотрели на незнакомца; только одна из фрейлин оставалась в стороне, как бы не желая, чтобы Сэррей видел, как вспыхнуло ее лицо.

– Я хотел покататься верхом, ваше величество, – смущенно ответил Роберт, – но прекрасная погода и красивые окрестности увлекли меня, и я отъехал дальше, чем предполагал.

– Вы знали, что мы должны проехать в этом направлении, и хотели сделать нам сюрприз? – спросила королева.

– Я никогда не решился бы на это, ваше величество, – возразил Сэррей. – Притом откуда бы я мог знать, что вы поедете так далеко от Эдинбурга?

Королева тонко улыбнулась.

– Я знаю вас, милорд, еще из Инч-Магома и прекрасно помню, что вы умели перехитрить всякого, – проговорила она. – Сознаться же, что вы нарочно встретились на моем пути, чтобы замолвить словечко в пользу своего друга.

– Ваше величество, мое почтение к вам никогда не позволило бы мне вмешиваться в дела моего друга, – ответил Роберт, – даже в том случае, если бы графу Лейстеру пришла в голову нелепая мысль обратиться к вашему величеству чрез посредство третьего лица, которое вы, во всяком случае, помните меньше, чем его самого. Уверяю вас честью, что я совершенно случайно встретился с вами, что у меня не было ни малейшего представления о том, что вы поедете по этому пути. Скажу даже больше: если бы я подозревал, что могу встретить вас, ваше величество, я постарался бы вовремя скрыться.

– Вы не хотели бы встретиться со мной, милорд? – удивилась королева. – Почему?

– Чтобы не показаться вам навязчивым, ваше величество. Вам было известно о прибытии английских послов, и только от вашего желания зависело, когда и где нас принять.

– Ваши слова звучат несколько холодно для старого знакомого, – проговорила Мария Стюарт. – Вы знаете, что короли забывчивы, и хотите обвинить меня в этом пороке. В наказание за это извольте отправляться с нами в Сент-Эндрью, где я заставлю вас разделить с нами нашу уединенную жизнь.

– Ваше величество, меня будут ждать в Эдинбурге, – пробормотал Роберт.

– Вас, кажется, очень обидело мое подозрение, – засмеялась королева. – Или вы считаете наказание настолько строгим, что смущенно краснеете? Ну что ж, меня называют тиран-

кой, и надо доказать, что я такова на самом деле. Милорды, возьмите в плен этого господина; прекрасные дамы, окружите его и обезоружьте своей красотой!.. В таком виде мы доставим его в Сент-Эндрю. Там я на свободе сообщу милорду Сэррею свои планы насчет его друга. Пошлите кого-нибудь в Эдинбург сообщить, что граф Сэррей с нами; я не хочу, чтобы лэрд Лейстер побледнел от тревоги и потерял часть своей красоты. Моя сестра Елизавета никогда не простила бы мне подобного преступления. Садитесь на свою лошадь, граф Сэррей, не заставляйте нас ждать.

Роберту не оставалось ничего другого, как подчиниться этому приказанию.

– Милорд, – проговорила королева, когда Роберт, сев в седло, подъехал к ней согласно выраженному ею желанию, – я угадываю теперь, что привлекло вас сюда. Я хорошо помню, – шепотом прибавила она, – что мой паж в Инч-Магоме проявлял заметную склонность к романтическим мечтам. Ваша краска убеждает меня, что вы хотели скрыть то, что привело вас в эту местность. Не оглядывайтесь, мои дамы будут иметь достаточно времени, чтобы оценить вашу любезность. Прежде всего займитесь мною, – прибавила она, и ее голос вдруг стал необычайно мягок и ласков. – Я верила вам, будучи еще ребенком, и доказала вам свое доверие. Я уважаю вас. Вы были строгим тюремщиком, но поступали благородно по отношению к каждому. Я знаю, что вы сохранили свою привязанность, даже находясь при французском дворе. Вы не похожи на своего друга Дэдлея, который теряет голову при всяком пламенном взоре, обращенном на него. Я знаю, что вы не легко меняете свои взгляды и обещания, и потому напоминаю вам, что вы когда-то поклялись быть верным другом Марии Стюарт.

– Я сдержу эту клятву до самой смерти, ваше величество, – горячо воскликнул Роберт, – и буду счастлив доказать вам свою верность!

– Тогда докажите мне ее сейчас, – сказала королева, – хотя для этого вам придется несколько поступиться своей дружбой. Дайте мне совет! Я убеждена, что вы скорее промолчите, чем будете говорить против своего убеждения. Как вам известно, Шотландия разбилась на партии; дворяне заставляют меня выбрать себе мужа; пуритане требуют того же. Одни назначают мне в мужья одного, другие – другого. Мое же сердце не лежит ни к кому. Тяжелый долг королевы принуждает меня принести величайшую жертву для блага моей страны – заморозить свое сердце и отдать руку тому, кто более подойдет к роли мужа шотландской королевы. Мне хотелось бы узнать от вас кое-что о характере вашего друга, которого я знаю лучше, чем вы думаете. Скажите мне правду, любит ли сэр Дэдлей королеву Елизавету так, как она любит его? Я не спрашиваю вас ни о чем другом, так как вам, может быть, пришлось бы совершить предательство, чтобы ответить мне искренне. Что касается чувств вашего друга, то я думаю, что вы можете говорить откровенно, не нарушая долга чести.

– Вы назвали меня, ваше величество, своим другом, – ответил Сэррей, – и я хочу оправдать это название и отвечу вам не как королеве, а просто как Марии Стюарт. Я не знаю, любит ли королева Елизавета Дэдлея; я никогда не был при ее дворе и никаких сведений о нем не имею; относительно чувств Дэдлея к королеве Елизавете я тоже ничего не могу сказать. Я убежден лишь в том, что Дэдлей может любить только тогда, когда эта любовь удовлетворяет его честолюбие. Если для его тщеславия нет пищи, то его ничем другим нельзя удержать. Я думаю, что ни в чем не изменю долгу дружбы, если признаюсь вам, что Дэдлей боготворил бы королеву Елизавету, если бы у него была надежда получить и ее руку вместе с сердцем. Такую же пламенную любовь он может почувствовать и к вам, если вы возведете его на шотландский трон. А став вашим мужем, он никогда не изменит королеве шотландской ради другой женщины.

– Этого совершенно достаточно; благодарю вас, Сэррей! Теперь я более спокойна, – прибавила Мария Стюарт, – вы избавили меня от неприятного чувства подозревать графа Лейстера в двойной измене. Я очень рада, что это не так. Я могу принять его благосклонно, если даже

и отклоню его предложение. Еще раз благодарю вас. Мне хотелось бы оказать и вам подобную услугу, успокоить вас в чем-нибудь том, что тревожит вас.

Королева испытующе посмотрела в лицо Роберта, и он вспыхнул от этого взгляда, так как догадался, на что намекает Мария Стюарт.

– Вы назвали меня, ваше величество, мечтателем, – произнес он, – и вы правы. Поддаваясь своей склонности к мечтам, я выехал из Эдинбурга, чтобы взглянуть на места, где я был в юности. Я увидел перед собой море, по которому скользили галионы, увозившие вас во Францию. В своих воспоминаниях я нашел лишь погибшие мечты и потерянные надежды. Я не нуждаюсь в утешениях. Я нахожу успокоение в сознании, что поступал правильно и что теперь тоже не мог бы поступать иначе. Я желаю лишь дожить до того дня, когда я в состоянии буду оправдать доверие благороднейшей королевы и своей кровью доказать ей мою преданность.

Мария печально покачала хорошенькой головкой и разочарованно посмотрела на Роберта, как бы ожидая, что он выскажет еще одно заветное желание.

– «Погибшие мечты, потерянные надежды», – сказала она, видя, что Сэррей молчит, – какие это грустные слова! Они доказывают, что ваше сердце разбито. В Инч-Магоме вы были веселее. Я завидовала вашему настроению, вы так смело и светло смотрели в лицо будущему. Доверьте мне печаль своего сердца! Скажите, что заставило вас разочароваться? Я слышала, что вы остановились в доме лэрда Сэйтона?

– Да, ваше величество, случай и каприз Дэдлея привели к этому! – ответил Роберт.

– Случай? Странно! – заметила королева. – Скажите, вы познакомились с Георгом Сэйтоном в Париже?

– Кажется, – небрежно произнес Сэррей.

– Кажется! – смеясь, повторила королева. – Разве у вас такая плохая память? Мне рассказывали, что он недостойным образом вызвал вас на поединок. Вы ранили его, а потом ухаживали за ним.

– Мне очень приятно слышать, ваше величество, что лэрд Сэйтон, болтая о дуэли, отдает себе должное, – проговорил Роберт. – Я не ждал от него такой откровенности.

– Я знаю это не от него и не от его сестры! – возразила королева. – Однако вы еще не поздоровались с Марией Сэйтон, а я злоупотребляю терпением лэрда Дарнлея, который, кажется, уже начинает выходить из себя от досады.

Мария Стюарт приветливо улыбнулась и движением руки отпустила Сэррея. Роберт придержал лошадь и уступил свое место Генри Дарнлею, графу Ленноксу.

Глава седьмая. Сент-Эндрью

I

Во время длинного разговора между Сэрреем и королевой у Марии Сэйтон было достаточно времени для того, чтобы оправиться от неожиданного появления Роберта.

Какие чувства пылали в ее груди, когда она увидела в полном расцвете красоты того человека, которого она так горячо любила, когда он был еще юношей! Это был тот самый паж, который на башне Инч-Магома боролся между долгом чести и любовью. Это был тот самый человек, который во всех своих поступках выказывал непоколебимую честность и верность, перед которым сконфуженно склоняли головы клеветники и недоброжелатели.

По-видимому, Роберт Сэррей не был счастлив. Мария Сэйтон видела это по его серьезному лицу и грустным глазам. Она догадывалась, что именно заставило Роберта покинуть Эдинбург и в одиночестве скакать по полям и лесам.

«Неужели в его сердце еще сохранился мой образ? Неужели память о прошлом заставила его вернуться в эти места?» – думала Мария Сэйтон, и сладкая надежда зашевелилась в ее сердце.

Она видела, что королева о чем-то шепталась с Сэрреем, заметила его смущение и легкий румянец на лице. Мария Стюарт знала тайну сердца своей фрейлины; не говорила ли она теперь о ней? Мария Сэйтон задрожала. Неужели увядшему цветку ее любви суждено раскрыться вновь? Если бы в часы одиночества она сама предложила себе вопрос о том, продолжает ли она любить Сэррея, она с полной искренностью ответила бы «нет». Но довольно было увидеть его, услышать его голос – и старое воскресло бы вновь.

Сердце Марии Сэйтон сильно билось, глаза сияли, а лицо горело ярким румянцем, когда Роберт отъехал от королевы и медленно подъезжал к ее свите. Его взор скользил по всей кавалькаде, как будто он не решил еще, на ком остановить его. Быстро, как стрела, пущенная из лука, скользнул его взгляд по лицу Марии Сэйтон и перешел на графа Мюррея, который, не отрываясь, смотрел на человека, удостоившегося длинной беседы с королевой. Лэрд Мюррей старался по выражению лица Роберта угадать результат разговора. Видя, что граф Сэррей чем-то озабочен, он решил, что план Роберта не удался, что королева отклонила его просьбу, и насмешливая улыбка заиграла на губах высокомерного лэрда.

– Добро пожаловать, милорд Сэррей! – обратился лэрд Джеймс к Роберту, когда тот подъехал к нему поближе. – Поздравляю вас с прекрасной мыслью захватить королеву врасплох и не дать ей таким образом возможности отвергнуть вашу просьбу. Надеюсь, что вы довольны результатом своего разговора и пошлете графу Лейстеру приятную весть, что его ожидают в Сент-Эндрью?

Сэррей почувствовал насмешку в словах Мюррея.

– Я по многим причинам не могу принять ваше поздравление, милорд, – ответил он. – Во-первых, я не искал встречи с королевой, во-вторых, я никогда не вмешиваюсь в политические дела, и, в-третьих, граф Лейстер слишком горд для того, чтобы прибегать к помощи третьего лица, – тем более что его надежды связаны с желанием английской королевы.

– Вы говорите, что не вмешиваетесь в политику, – иронически заметил лэрд Мюррей, – а между тем сопровождаете английских послов?

– Милорд, вы, кажется, сомневаетесь в том, что сказано совершенно ясно! – резко ответил Роберт.

– Прошу извинения! – с такой улыбкой проговорил Мюррей, точно снисходил к капризу своенравного мальчика.

– Я принимаю ваше извинение, – гордо сказал Сэррей, – и очень рад, что мне не приходится сомневаться в вежливости первого лэрда Шотландии.

Затем Роберт обернулся к Марии Сэйтон.

Он словно не заметил, что Мюррей в порыве злости пробормотал какое-то проклятие по его адресу.

– Леди Сэйтон, – обратился Сэррей к вспыхнувшей девушке, – королева разрешила мне выразить вам свое почтение. Она знает, что старые воспоминания, связывающие меня с королевой Шотландии, так дороги для меня, что я имею право приблизиться к ее двору без всякого политического предлога. Может быть, с моей стороны не будет слишком большой смелостью надеяться, что и вы признаете во мне преданного слугу королевы, верно служившего ей с первого дня, когда я должен был предупредить побег, до того момента, когда имел несчастье настолько прогневать вас, что вы не пожелали узнать меня.

– Я очень рада, милорд, что вы дадите мне возможность в первую же минуту нашего свидания заглазить свою ошибку, – в глубоком смущении и с потупленным взглядом ответила Мария Сэйтон. – Во всех случаях, когда я выражала сомнение в вашей привязанности к королеве, мне приходилось краснеть за свое сомнение. Вы своей преданностью неоднократно доказали, как я была не права по отношению к вам. Я недавно тоже узнала, что мой брат своим поведением довел вас до дуэли, и извиняюсь, что осмеливалась делать вам упреки по его же милости. Поэтому мне доставило особенное удовольствие, что вы согласились воспользоваться его гостеприимством.

В прежнее время несколько приветливых слов Марии Сэйтон наполнили бы душу Роберта блаженством, теперь же извинение гордой девушки и в особенности напоминание о гостеприимстве произвели на него неприятное впечатление.

– Вы ошибаетесь, леди Сэйтон, – холодно возразил Сэррей, – это не я, а граф Лейстер, случайно встретившись с лэрдом Сэйтоном, принял его приглашение для себя лично и своих спутников. Я никогда не ожидал и не рассчитывал быть дружески принятым кем-нибудь из членов вашей семьи, тем более когда я узнал, до какой степени мне не доверяют в ней. Ваш брат, приняв нас, исполнил долг вежливости, и это делает ему честь; но он поставил очень определенные границы своему гостеприимству, настолько определенные, что ваша сестра совершенно игнорировала его гостей.

– Ах, теперь я понимаю, в чем дело! – воскликнула Мария, слегка краснея. – Так вот почему у вас был такой холодно-сдержанный вид, делавший вас вовсе не похожим на прежнего пажа из Инч-Магома! Вас обидело, что Георг протянул вам руку в перчатке и не открыл дверей домашнего очага. Но вы не правы, если обвиняете в этом меня. Георг совершенно не знает иностранцев и особенно не любит англичан, вот и вся разгадка его поведения. Ну а теперь постараемся понять друг друга, милорд; ведь мы не желаем серьезно ссориться и уже довольно много времени потратили на взаимные обвинения. Я первая протягиваю вам руку примирения. Королева нуждается в преданных друзьях более чем когда бы то ни было, а я охотнее всего прибегаю к тем, кто уже успел доказать Марии Стюарт свою преданность. Вместо постоянных пикировок сделаемся честными союзниками для защиты несчастной королевы от козней недругов, будь они в лице лэрда Мюррея или королевы английской.

Мария Сэйтон проговорила последние слова шепотом, но так горячо, что напомнила Роберту те дни, когда она была его идеалом. Он несколько помолчал, а затем произнес:

– Чем же я могу теперь быть полезным королеве? Раньше ей грозила серьезная опасность, и тогда я мог каким-нибудь смелым поступком доказать ей свою преданность. Теперь единственная неприятность, ожидающая королеву, – это заключение брака без любви. Такого рода жертвы неизбежны для высочайших особ, и против этого мы бессильны.

– Шотландская королева не принесет в жертву политическим целям личной свободы. Она никогда не заключит брака, имея в виду лишь интересы политики. Она колеблется в выборе только для того, чтобы выиграть время. Мария Стюарт так же отвергнет претендента английской королевы, как это сделала с другими. Само собой разумеется, что королева Елизавета никогда не простит ей этого. Лэрд Мюррей тоже станет заклятым врагом Марии Стюарт, если она выйдет замуж за какого-нибудь шотландского лэрда.

– Этого не может быть, ведь лэрд Мюррей – родной брат Марии Стюарт! – заметил Роберт.

– Это не помешает ему сделаться еще более опасным врагом для шотландской королевы, чем граф Арран был для Марии Лотарингской, – возразила Мария Сэйтон.

– Народ сумеет защитить свою королеву от мятежников!

– Народ? – переспросила Мария Сэйтон с горькой улыбкой. – Народ ненавидит королеву за то, что она не разделяет его веры и не подчиняется обычаям страны. Поверьте мне, бедная королева беззаботно танцует на вулкане, забывая, что он каждую минуту может поглотить ее. Если у нее имеются друзья, то только те, которых она приобрела раньше.

– Или которых покорила теперь своей красотой, – смеясь, прибавил Роберт, глядя на оживленное лицо Дарнлея, говорившего с королевой.

Кавалькада подъехала к воротам замка Сент-Эндрю, и разговор графа Сэррея с леди Сэйтон прекратился.

II

Маленький старый дворец был окружен стрелками конвоя ее величества. Здесь было так мало места, что трудно было себе представить, как разместится весь двор на таком ограниченном пространстве. Однако никто не роптал, так как Мария Стюарт хотела именно здесь прожить несколько недель в тишине и покое.

Роберту отвели комнату во дворце, и он очень скоро почувствовал, что каприз королевы видеть его в Сент-Эндрю был для него в достаточной мере тягостным. Очевидно, она хотела сблизить его с Марией Сэйтон, пригласив его разделить их уединение. Однако ни Сэррей, ни фрейлина королевы не искали дальнейших встреч. Любовь Роберта погасла, и Мария Сэйтон ясно почувствовала это. Шотландские лэрды вежливо относились к гостю королевы, но не выказывали ни малейшего поползновения сойтись с ним поближе. Таким образом, Роберт жил во дворце, как пленник.

Однажды Сэррей стоял у окна и наблюдал, как распаковывали вещи, привезенные для королевы из Эдинбурга. Вдруг он услышал чей-то радостный возглас, поспешил выйти во двор и заметил молодую девушку, очень похожую на Филли, но она тотчас же скрылась в комнатах дворца.

– Вы кого-нибудь ищете? – спросил Сэррея чей-то мелодичный голос с иностранным акцентом.

– Да, одну молодую девушку, которая только что была здесь! – ответил Роберт. – Я даже думаю, не приснилось ли мне это, так...

– Нет, не приснилось, милорд Сэррей, – прервал его иностранец. – Я подозреваю, что эта молодая девушка напомнила вам вашего пажа.

Роберт с удивлением взглянул на итальянца, Давида Риччио, который был трубадуром и секретарем королевы.

– Откуда вы знаете это? – смущенно спросил он.

– Я знаю достаточно, милорд, для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство. Филли сделалась самым доверенным лицом леди Сэйтон с того самого времени, как паж превратился в девушку и королева приняла под свое покровительство любимицу Кастеляра.

– Да благословит ее Бог!.. Филли – самое честное, благородное существо! – воскликнул Роберт. – Много тяжелого пришлось пережить ей в своей жизни, и, к сожалению, ни мне, ни моим друзьям не удалось улучшить ее судьбу. Я знаю одного человека, которого страшно беспокоит участь Филли; когда я сообщу ему, что королева взяла ее под свое покровительство, Мария Стюарт приобретет нового верного друга.

– Вы, вероятно, говорите о Вальтере Брае? – заметил Риччио. – Как видите, я достаточно посвящен в ваши дела. Значит, вы знали, что Филли – девушка?

– Да, синьор, я догадался об этом, – ответил Сэррей, – но уверяю вас честью, что для меня не было существа чище и священнее, чем эта девушка.

– Я верю вам, милорд!.. Королева поражалась вашим благородством и осуждала леди Сэйтон, когда та выражала сомнение по этому поводу.

– Леди Сэйтон слишком часто выражает сомнения!

Риччио смотрел на Сэррея, как бы ожидая от него дальнейших признаний, но сам не решался предлагать вопросы. Показался лакей и пригласил Роберта к королеве.

– Синьор, – обратился Сэррей к итальянцу, прежде чем последовал за лакеем, – у меня к вам просьба. Вы доверенное лицо королевы, намекайте ей, пожалуйста, при случае, что у меня есть в Англии дела, требующие моего возвращения.

– Мы еще поговорим об этом, – быстро произнес Риччио, – услуга за услугу.

– Тогда я вечером приду к вам! – пообещал Роберт и поднялся по лестнице в апартаменты королевы.

Мария Стюарт была одна.

– Мне кажется, вы скучаете здесь, милорд, – обратилась она к Сэррею. – Чтобы развлечь вас, я приготовила вам сюрприз. Мой придворный колдун превратил вашего пажу, которого вы оставили в Париже, в прелестную, но немую девушку. Желаете вы видеть Филли?

– Я жажду обнять ее, ваше величество. Мои друзья и я обязаны ей жизнью! – сказал Роберт.

– Ах, какое это было грустное время, милорд! – воскликнула королева. – Самый ужасный день в моей жизни был тот, когда я вырвала Филли из рук ее страшного врага. Но, прежде чем вы увидите со своим бывшим пажом, я хотела бы знать, что вы думаете о будущем Филли.

– В этом деле решающий голос может иметь лишь тот, кому Филли была отдана еще ребенком! – ответил Роберт. – Во всяком случае, ваше величество, Вальтер Брай будет счастлив, когда узнает, что Филли находится под вашим покровительством.

– А вы любите Филли? – спросила королева. – Глаза вашего пажу сияют, как звезды, когда он слышит ваше имя.

– Филли дорога мне, как дочь, ваше величество, как дитя моего лучшего друга! – воскликнул Роберт.

– Вы, верно, никогда не любили, милорд?

– Нет, ваше величество, я любил, когда был молод, но вместе с юностью увяла и любовь.

В эту минуту в комнату вошла Мария Сэйтон. Услышав последние слова Сэррея, она зарделась ярким румянцем, но Роберт не заметил этого, так как его внимание было обращено на Филли. Он широко открыл свои объятия, и девушка, рыдая, бросилась ему на шею.

В тот же день вечером Сэррей вошел в комнату Риччио. Итальянец, весело улыбаясь, встретил его у дверей и обратился к нему:

– Вот вам и не понадобилось мое ходатайство; королева предупреждает ваше желание и просит вас передать это приглашение графу Лейстеру.

– Его приглашают сюда? – удивился Сэррей.

– Да! – спокойно ответил итальянец.

– Королева отдает ему свою руку?

– Боже сохрани! – воскликнул итальянец, и его прекрасные глаза засверкали. – Мария Шотландская никогда не подчинится Елизавете Английской.

– Этого и не было бы, если бы она сделалась женой Лейстера, – возразил Сэррей. – Но если королева отвергает его предложение, зачем же она приглашает его сюда?

– Милорд, королева питает к вам неограниченное доверие, а все то, что я слышал о вас, так глубоко трогает меня, что я решаюсь просить вашей дружбы, несмотря на то, что я простой человек, а вы высокородный лорд.

– Синьор, я ценю в человеке не его происхождение, а благородство характера!

– Я знаю это и ввиду этого позволяю себе высказать вам свои самые затаенные мысли. Вы друг графа Лейстера и потому можете оказать нашей несчастной королеве – самой прекраснейшей женщине во всем мире – большую услугу. Королева любит своего двоюродного брата, милорд; сообщаю это вам как величайшую тайну, – предупредил Риччио.

– Графа Дарнлея? – спросил Сэррей.

– Да, и он из всех претендентов самый подходящий для королевы. Он один в состоянии защитить ее от грозящей ей опасности.

– Это кажется мне странным, – выразил сомнение Роберт. – Мой кузен не похож на воинственного героя.

– Этого и не потребуется! Важно то, что королева выйдет замуж за человека, не возбуждающего ничьей ненависти. Королева-католичка. Если она отдаст свою руку Дарнлею, все католики – все эти графы Этоли, Сэйтоны и сотни других – будут на ее стороне. Римский папа и все католические государства протянут ей руку помощи и будут оберегать ее трон. Мюррей и Лэтингтон хотели бы, чтобы она вышла за англичанина. Мюррей прекрасно знает, что возведение шотландского лэрда в титул мужа королевы грозит ему полным падением, и поэтому он поддерживает графа Лейстера. Между тем если граф Лейстер явится в роли представителя шотландского народа, он не вызовет никакого доверия ни у кого и королева погибнет вместе с ним, лишившись поддержки католиков.

– Я понимаю вас, – заметил Роберт, – но совершенно не знаю, чего вы желаете от меня!

– Королева боится Мюррея, – продолжал итальянец, – она знает, что ее брат убьет Дарнлея раньше, чем она выйдет за него замуж, если только Мюррей пронюхает правду. Для того чтобы обмануть его, она прибегает к вашей помощи и приглашает сюда графа Лейстера под видом жениха. Не судите ее строго за этот обман! Подумайте, какими сетями опутывают эту несчастную, но дивную женщину! От нее отнимают счастье жизни; для удовлетворения личных честолюбивых замыслов приносят в жертву ее свободу! Разберите поступок своего друга – лорда Дэдлея. Что им руководит – любовь или честолюбие, истинное чувство к королеве или желание угодить Елизавете? Разве он, сильный мужчина, недостоин того, чтобы его перехитрила слабая, беспомощная женщина? Ведь отказ Марии Стюарт заденет только его тщеславие, а вовсе не сердце. Если королева обманет Лейстера, то этот обман будет больше относиться к Елизавете, так как граф является лишь игрушкой в ее руках. Разве можно назвать преступлением желание обмануть коварство Елизаветы для того, чтобы спасти Марию Стюарт? О, вы не знаете этого ангела! – воскликнул Риччио, сверкая глазами. – Вы не знаете, сколько перестрадала эта чудная женщина, как страшно унижали и мучили ее! Я видел, как Кастеляр истекает кровью! Я знаю, что значит честь, и тем не менее ни минуты не остановился бы перед преступлением, если бы знал, что могу этим облегчить жизнь Марии Стюарт. Вы смотрите на меня с удивлением? Вы, вероятно, думаете, что я настолько безумен, что позволил себе влюбиться в королеву? Ну что же, может быть, это и так! Но тогда это безумие – мое счастье, моя гордость, мое блаженство! Да, я молюсь на Марию Стюарт, люблю ее, как несчастный смертный любит недосыгаемое солнце. Я люблю ее со всей страстью, какую только может вместить в себя человеческое сердце, и в то же время интригую против графа Лейстера; я хочу, чтобы она была

женой человека, которого любит. Понимаете ли вы такое чувство? Нет, вы этого не понимаете; вы холодны как лед, вас не трогают ни слезы леди Сэйтон, ни нежная улыбка Филли...

– С чего вы это взяли? – прервал итальянца Роберт, и яркая краска залила его щеки. – Впрочем, я понимаю: вам хочется, чтобы меня любили, чтобы я проникся скорее этим чувством и помог вам пожертвовать дружбой, обмануть Дэдлея.

– Да, я хотел бы, чтобы вы прониклись моим чувством, милорд. Я хотел бы, чтобы вы поняли, что значит настоящая любовь, настоящая страсть; тогда вы протянули бы мне руку и сказали бы: «Да, я понимаю, я люблю так же, как и ты!»

– Я понимаю! – тихо прошептал Сэррей. – Вот вам моя рука, синьор. Я передам Лейстеру письмо королевы и скажу ему, что от его поведения зависит покорение ее сердца. Иначе я не могу поступить, не нарушив долга дружбы.

– Этого достаточно! Не следует только совершенно отнимать у него надежду! – воскликнул Риччио. – Вы говорите, что тоже любите? А между тем даже королева заметила, что холод вашего сердца заморозил стены замка. Кто же она такая? Доверьте мне свою тайну! Я люблю вас с этой минуты, как родного брата. Впрочем, что же я спрашиваю! Если вы не любите Марии Сэйтон, не замечаете Филли, то ваше сердце может принадлежать лишь одной женщине, – той, которую все обожают! Вы любите Марию Шотландскую!

Девственно-прекрасное лицо итальянца омрачилось; тревожное ожидание промелькнуло в его печальных глазах; но в них не было ни ревности, ни зависти, а было только глубокое скорбное участие к страданию другого.

– Я преклоняюсь перед Марией Стюарт, боготворю и люблю ее, как своего милостивого друга, – ответил Сэррей, – я не отталкиваю Марии Сэйтон, потому что любил ее всеми силами первой любви, но она сама убила мое чувство; я люблю Филли как дорогое несчастное дитя; но мое сердце томится страстной любовью к одной девушке, которую я видел лишь мельком, с которой я никогда не говорил и, вероятно, больше не встречу во всю мою жизнь. Ее образ разбудил в моем сердце юношеские мечты; я люблю этот образ всеми фибрами души, но никогда не могу даже мечтать о взаимности. Не спрашивайте меня, Риччио, могу ли я понять любовь!..

– Да, я больше не стану ни о чем спрашивать, но чувствую, что мы стали братьями. Вы тоже носите святыню в своем сердце. Желаю вам, милорд, быть более счастливым, чем я. Впрочем, я и не желаю другого счастья, так как мое страдание – вместе с тем и моя отрада. Мы, певцы, всегда стремимся к недостижимому; тоска страсти – наша поэзия; а громкие звуки, которые слышат все, – жалоба нашей души.

Никогда еще Сэррей не пожимал настолько сердечно руки мужчины, как сделал это при прощании с Давидом Риччио, и, когда он скакал по болотам, в его сердце продолжали звучать слова:

«В моей душе вечно стонет жалоба».

Глава восьмая. Старая ненависть

I

Дэдлей Лейстер был немало поражен, когда узнал от гонца королевы, что его друг Сэррей приглашен в Сент-Эндрью, тогда как его, посланника королевы Елизаветы и претендента на руку Марии Стюарт, оставили в Эдинбурге, словно он являлся лишним, имеющим второстепенное значение человеком. Оскорбленное самолюбие невольно переносило дурные чувства на человека, которому было оказано предпочтение, и в душе поднималось подозрение, уж не стремится ли Сэррей сам к той цели, которую Елизавета наметила ему, Дэдлею?

Ему припомнилось предсказание, сделанное ему когда-то старухой Гуг в ее подземелье, и под влиянием вдруг родившегося подозрения первой мыслью Дэдлея было то, что Сэррей только потому и отговаривал его, что являлся его соперником, а значит, подло изменил обязанностям дружбы. И так поступал человек, которого он всегда считал образцом рыцарства, благородству мыслей которого он постоянно дивился! Тайком, предательски крадучись, он старался за спиной друга украсть его добычу, а теперь, быть может, сидел в Сент-Эндрью и рассказывал Марии, как граф Лейстер похвалялся милостями Елизаветы!.. Первым, кому Дэдлею удалось случайно излить свое недовольство, оказался Сэйтон. Он сообщил последнему, что его гость вытребован в Сент-Эндрью к королеве, причем даже не счел нужным известить об этом людей, на которых он, вероятно, уже смотрит, как на своих подданных.

– Посмотрим, – горько рассмеялся Сэйтон, – придется ли шотландская корона на английский череп; но до тех пор, пока на свете существуют Сэйтоны, голове, рискнувшей на подобную примерку, недолго удастся покрасоваться на плечах.

– У вас, конечно, имеется двойная причина ненавидеть Сэррея, – с горькой усмешкой сказал Лейстер, – он хвастался расположением вашей сестры, а теперь собирается прыгнуть выше герба Сэйтонов.

При этих словах лицо Георга исказилось бешенством.

– Клянусь святым андреевским крестом, – мрачно пробормотал он, – если вы лжете, я вырву у вас язык и прибую его к воротам, хотя мы и пили с вами из одного кубка. Если же вы говорите правду, то пусть я издохну, как собака, если не изобью Сэррея нагайкой до смерти!

Лейстер закусил губы; он понял, что зашел слишком далеко, и пристыженный, но вместе с тем и рассерженный этими словами схватился за шпагу.

– Милорд Сэйтон, – сказал он, – если бы я не видел, что ваши слова вызваны просто слепой яростью, то доказал бы вам, что англичанин отвечает оружием на угрозы. Но вы совершенно неправильно поняли меня. Роберт Сэррей никогда не произнес чего-либо оскорбительного для чести вашей сестры; ведь расположением благородной дамы всегда позволительно хвастаться, особенно когда являешься не кем-либо, а Сэрреем. И оскорбление имело бы место только с того момента, когда Сэррей изменил бы предмету своего обожания.

Сэйтон был вдвойне недоволен этим ответом. Граф затронул такую тему, которая, как надеялся Сэйтон, могла быть разрешена лишь с оружием в руках; он явно хотел раздражить его, а теперь, когда вызвал на взрыв ярости, говорил опять-таки успокоительным тоном.

– Милорд, – ответил он, – не годится играть с порохом; у меня в жилах течет слишком горячая кровь, чтобы я мог вступить в переговоры о том, задевает ли или не задевает что-либо чести Сэйтонов. Будьте добры уважать мое гостеприимство и не говорить о таких вещах, рассуждать о которых я могу, только имея в руке меч или секиру. Для моей сестры, может быть, совершенно безразлично, состоит ли или нет в числе ее поклонников какой-нибудь лорд

Сэррей, но я считаю оскорблением, если мне говорят, будто кто-нибудь из англичан может похвастаться, что леди Сэйтон забыла видеть в нем врага своей родины. Если бы сказавший это говорил правду, то мне пришлось бы вызвать его на смертельный поединок, если же он солгал, то я проучил бы его, как мальчишку.

С этими словами Сэйтон поклонился и вышел, оставив графа одного.

Дэдлей с насмешливой улыбкой посмотрел ему вслед, но сквозь искусственное презрение явно проглядывали стыд и ненависть бессильной злобы. Он готов был побить себя самого за то, что вызвал эту сцену и окончил ее, не вызвав Сэйтона на поединок, но чувствовал, что для этого у него не хватило бы мужества.

В таком настроении, которое с каждым днем становилось все невыносимее, его застал Сэррей. Неожиданно увидев друга, Дэдлей еще более смутился и забеспокоился; он смущенно пошел к нему навстречу, и ласковые слова приветствия, с которыми к нему обратился Сэррей, заставили всю кровь хлынуть в его лицо.

– А! – засмеялся Сэррей. – Ты уже чувствуешь, что я пришел с добрыми вестями! Ты, конечно, рассчитываешь на то, что я, как твой друг, подготовлю почву для исполнения твоих честолюбивых замыслов!

Дэдлей все более и более приходил в замешательство. Он даже и не догадывался, что испытующий взгляд друга с беспокойством старался прочесть на его лице, заденет ли тот маленький обман, который он приготовил для него, только его честолюбие или также и сердце?

– Помнишь ли, Дэдлей, – продолжал Сэррей, – как еще в моем доме я спрашивал себя, одобряет ли твое сердце те планы, которые замыслило твое честолюбие? Настал час решения. Загляни еще раз в свое сердце. Женщина, подобная Марии Стюарт, хочет быть завоеванной, а ее любовь должна быть заслуженной. Если в твоей душе горят одни только честолюбивые замыслы, то ты спокойнее можешь отнестись к решению, но если в дело замешано твое сердце, то когда-нибудь потом ты, может быть, станешь с большей горечью оплакивать победу, чем теперь – отказ!

– К чему такое торжественное предисловие? – ответил Лейстер. – Ты знаешь, что у меня любовь и честолюбие горят общим пламенем. Может быть, ты собираешься сделать мне какое-нибудь особенное признание? Быть может, прекрасные очи Марии растопили ледяную кору вокруг твоего сердца и ты собираешься принести великую жертву дружбе, отказавшись от своей страсти, если я признаюсь тебе в своей любви к ней?

– Что ты говоришь! Ты воображаешь, что я стал твоим соперником? Нет, будь уверен, что если бы даже Мария Шотландская была той женщиной, которую я мог бы любить, то корона на ее голове заставила бы для меня потускнеть блеск ее очей. Я спрашиваю тебя совсем по другим основаниям. Мария относится к тебе подозрительно потому, что тебя рекомендует Елизавета. От того, кого Мария выберет себе в супруги, она требует прежде всего любви, о тебе же ей известно, что ты – фаворит Елизаветы, что в Париже ты одерживал немало побед; она знает даже то, что я до сих пор скрывал от тебя, хотя теперь мне и придется открыть тебе это... Помнишь нашего пажу?

– Конечно! Разве ты опять нашел Филли?

– Да, я нашел ее. Она теперь в женском платье и находится на службе у королевы. Филли из-за тебя стала несчастной: она навлекла на себя ненависть Екатерины и подверглась пытке. Она спасла тебя, когда ты лежал в объятиях Фаншон.

– Это я знаю, и если я могу сделать что-нибудь, чтобы отплатить ей за услугу, то сделаю это с радостью.

– Дэдлей! Эта бедная девушка уже тогда любила тебя! Ты презрительно улыбаешься, быть может, втихомолку ты издеваешься над тем, что уродливое ведьмино отродье осмелилось поднять на тебя свои взоры. Но это ведьмино отродье рисковало жизнью за тебя. Филли чиста и добродетельна; это – благородная, верная душа. Но вот чего ты не знаешь: ее внешность была

искусственно искажена, и теперь на ее нежное чело ниспадают шелковистые белокурые волосы, а глаз чарует волшебная стройность ее стана, и она по-прежнему любит тебя. Говорю это тебе в предупреждение. Прибавлю еще, что все в замке думают, что из нас троих для Филли всего милее был я, так как ее преданные уста ни разу не обмолвились ни единым словечком о тебе. Так смотри же, признаваясь королеве в любви, берегись показать ей, что понимаешь истинное значение взглядов Филли! У женщин острое зрение, и если Мария найдет, что ты среди ее служанок нашел ей соперницу, то тебе придется с большим позором покинуть Сент-Эндрью.

– Значит, королева приглашает меня туда?

– Я принес тебе письмо от нее, но сначала скажу тебе еще следующее. Филли священна для меня, как дочь лучшего друга.

– Ты просто невыносим с своими опасениями, ты словно завидуешь мне в чести завоевать симпатии сердца этого маленького чертенка.

– Мои опасения заключаются только в том, что ты не послушаешься моих предупреждений и повредишь этим только самому себе. Не пытайся опять, как и прежде, пользоваться услугами Филли и при ее посредстве узнавать намерения Марии.

– Ах, боже, как ты надоел мне с этой Филли! – нетерпеливо пробормотал Лейстер. – Где письмо королевы?

Сэррей передал приятелю письмо, и тот с громадным нетерпением вскрыл его; но едва успел он пробежать его, как лицо его засветилось торжеством.

– Она хочет видеть меня, хочет лично переговорить со мной, а потом уже решить. Теперь жребий брошен, и моя участь решена! – возликовал Дэдлей. – Да, стоит мне протянуть женщине хотя бы кончики своих пальцев – и она погибнет. Но я не хочу обмануть доверие Марии; она будет королевой моего сердца, и во главе ее войск я укажу Англии шотландскую границу. Сэррей, я буду королем и назову своим лучший цветок всего мира.

– Не торжествуй так преждевременно! – остановил его Сэррей с печальной улыбкой, потому что он знал, как горько придется Лейстеру разочароваться в своих розовых надеждах. – Одновременно с тобою руки Марии добивается также лэрд Дарнлей. До сих пор она только сообщила тебе, что хочет повидаться с тобою, а этого от нее мог потребовать посланник Елизаветы.

– Приз, который получаешь после трудной борьбы, особенно ценен! Роберт, неужели ты не веришь, что мне удастся взять верх над каким-то шотландским пьяницей? Клянусь Богом, я был бы способен приписать все это твоей зависти, если бы не видел примеров твоей непоколебимой добродетели. Нечто подобное уже приходило мне в голову, когда ты так неожиданно исчез и я узнал, что ты отправился в Сент-Эндрью. Я говорил относительно этого с Сэйтоном. Прости, это было неосторожно, но лучше, если ты узнаешь об этом от меня, а не от него! Мне стало не по себе, когда ты ускакал не простившись, но теперь я уже раскаиваюсь в своей неосторожности. Лэрд ответил мне, словно мужик, и мы чуть не обнажили мечи друг против друга...

– Из-за того, что он не хочет, чтобы рука Марии Стюарт досталась англичанину?

– Ну да! Кроме того, и он знает, что ты был поклонником его сестры.

Взор Сэррея так и впился в него, и он воскликнул таким тоном, который ясно показывал, какая буря бушевала в его груди:

– Неужели Сэйтон сказал тебе, что я любил его сестру? Неужели он решился хоть чем-нибудь опорочить имя Роберта Сэррея, и ты в ответ на это промолчал?

– Роберт, – в полном замешательстве ответил Лейстер, – лишь я один виноват, если он взбеленился. Мне очень захотелось намекнуть этому неотесанному парню, что тебе есть что порассказать о его сестре, а он вел себя так, как будто Сэйтон слишком высока для Сэррея.

– Дэдлей, всю жизнь я считал самой большой подлостью, если мужчина хвастается победами, которые должны быть для него священными. Ты знал, как я боролся со своей склонностью, как, наконец, я справился с нею, хотя и на всю жизнь сохранил воспоминание о ней, как

о святине... А ты подверг эту тайну грубому издевательству высокомерного болвана. Это разлучает нас; отныне наши дороги лежат врозь, потому что я уже никогда более не буду в силах доверять тебе; ведь тебе не дорога моя честь.

– Роберт...

– Не будем напрасно оскорблять друг друга. Тайна, которой я тебе не доверял, которую ты мог только отгадать, оказалась для тебя желанной причиной вызвать на ссору человека, надменность которого тебе отлично известна. И ты предал этим не только друга, но и Марию Сэйтон, да и меня самого выставил перед ней в некрасивом виде. Я не упрекаю тебя, так как могу обвинять лишь себя; ведь я уже давно должен был заметить, что натуры, настолько различные, как мы, должны сторониться интимного сближения друг с другом. Скажу тебе откровенно, что мне пришлось это в голову еще тогда, когда ты легкомысленно говорил о том, кому бы – Елизавете или Марии – подарить тебе свое сердце. С того дня я в душе перешел на сторону тех, кто предостерегал от тебя Марию.

– Это не очень-то лестно! – засмеялся Лейстер, раздраженный тем, что Сэррей не оценил его откровенного признания, и оскорбленный тем, что тот порывал с ним дружбу. – Но твоя деятельность не увенчалась успехом!

У такого сердечного человека, как Сэррей, насмешка в подобную минуту, скорее всего, могла охладить теплоту чувства. Объясняя Лейстеру, что в дальнейшем их дружеские отношения невозможны, Сэррей почувствовал себя так, словно лишился части своей жизни; это была жертва, которую он приносил своему чувству чести; у него не было другого выбора, как или примириться со словами Лейстера и таким образом обречь себя презрению Марии Сэйтон, или же показать открытым разрывом, что эти слова являются простой болтовней, за которую он не ответствен. Но в то время как его сердце сжимала скорбная необходимость порвать со старым другом, тот позволял себе насмехаться, говоря, что он, Сэррей, напрасно старался помешать ему совершить недостойный поступок.

– Милорд Лейстер, – холодно ответил он, – имел ли я успех или нет, но я действовал как искренний друг, и если мне и хотелось ради собственного спокойствия иметь доказательство правоты своих действий, то теперь я имею таковые. Тот, кто так легко может расставаться с другом, как меняет любовниц, никогда не возвысится до понимания истинной дружбы... Ну, да что говорить!.. Шотландская или английская корона скоро заставит милорда Лейстера забыть о тех страницах прошлого, которые связывали его с Робертом Сэрреем.

С этими словами он вышел из комнаты, чтобы отправиться к Сэйтону.

Лейстер задумчиво смотрел ему вслед; он чувствовал себя так, словно от него отлетал его добрый гений, но оскорбленное самолюбие не позволяло броситься вслед за другом и просить его о прощении.

– Ступай! – пробормотал он. – Ты презираешь меня только потому, что еще не веришь в меня. Ты не подозреваешь, что мне не хватает только счастья, чтобы стать таким же человеком, как ты. Но, когда мою голову украсит шотландская корона, когда смеющийся взор Марии скажет тебе, что она счастлива, когда в злобном бессилии разразится гнев Елизаветы, тогда я протяну тебе руку и крикну, что не забыл того времени, когда мы с тобой были друзьями. Тогда я покажу своим вассалам человека, которого уважаю больше всех на свете!

II

Роберт Сэррей приказал слуге приготовить все к отъезду, а затем спустился вниз в большой зал и, найдя лакея, сказал ему, что желает переговорить с лэрдом Сэйтоном. Лакей ответил, что лэрд куда-то уехал верхом, но может вернуться каждую минуту, так что Сэррей решил обождать его в большом зале и не возвращаться к себе в комнату. Он был далеко не прочь воспользоваться случаем и вызвать Сэйтона на открытое объяснение, и как ни деликатна была

тема, которую он собирался затронуть, но он считал гораздо достойнее самому объяснить Сэйтону все, что было между ним и Марией, не дожидаясь, пока тот начнет делать ему упрёки.

Большой зал сэйтоновского замка был построен в готическом стиле. Мощные колонны вздымались кверху, а изящные арки и арабески придавали сводам красивый, величественный вид. Между колоннами висели нарисованные в натуральную величину портреты предков лэрда, и эта галерея вела к какому-то ходу, который, вероятно, соединялся с жилыми помещениями замка. Портреты предков были декорированы доспехами, щитами и оружием, а над темным, закоптелым портретом Арчибальда Сэйтона висело грубое оружие древних шотландцев – лук из дубового дерева, праща и сплетенный из волчьей травы щит.

Сэррей с напряженным вниманием всматривался в эти портреты. Он нашел портрет Марии Сэйтон, какой он знал ее в Инч-Магоме. Рядом с этим портретом висел другой, и кровь быстрее забила в его жилах, когда нежным, мечтательным и задумчивым взглядом он уставился на изящную фигуру, опиравшуюся на лютню, словно она собиралась запеть своим дивным голосом ту самую нежную песню, которая наполнила его сердце тоской в ту ночь. «Джен Сэйтон» – гласила подпись, сделанная под портретом большими золотыми буквами. Сэррей читал это имя взором, а сердце тихим шепотом повторяло его за ним. Он забыл, где находился, зачем пришел в этот зал; он стоял погруженный в созерцание, и его душа тихо шепталась с этими прекрасными глазами о страданиях тоски. Этот образ, черты которого глубоко внедрили в его сердце, он должен был унести в одиночество своей жизни, и в его груди снова должно было проснуться старое страдание любви, с которым он так долго боролся.

Вдруг тихое шуршание шелкового платья заставило Роберта очнуться от грез; он испуганно поднял голову и увидел ту, о которой мечтал, словно портрет по волшебству ожил.

И Джен Сэйтон была поражена, встретив в галерее чужого человека; ее нежные, прозрачные щеки вдруг окрасились под огнем взоров Роберта ярким румянцем, и казалось, что на ее лице, обрамленном белокурыми локонами, занялась утренняя заря.

– Леди Сэйтон, – дрожа, произнес Сэррей, словно пронизанный неземным блаженством, дрожа, что эта греза вдруг растает перед ним, и пугливо и смущенно подошел к ней. – Леди Сэйтон, простите! Я ждал здесь вашего брата.

Джен улыбнулась, смущение незнакомца придало ей храбрости: ведь он был поражен, увидев ее, значит, он не подстерегал ее здесь и не хотел застать врасплох; очевидно, это был гость, которому надо было сказать «добро пожаловать».

– Милорд, – ответила девушка, – я видела, как брат только что проскакал вдоль улицы. Значит, он сейчас же будет здесь и примет вас.

Она кивнула Роберту головой и хотела удалиться, но мысль, что, быть может, он уже никогда более не увидит ее, придала Роберту храбрости использовать удобный случай.

– Миледи! – воскликнул он, и его взор призывал ее обратно, молил не покидать. – Ваш брат не обратится ко мне с приветствием, так как думает, что должен меня ненавидеть за то, что меня зовут Робертом Сэрреем и я англичанин!

Джен изумленно посмотрела на него, и ему показалось, что при его имени она испуганно вздрогнула, хотя и с любопытством окинула его взглядом.

– Вы граф Сэррей? – переспросила она.

– Да, леди, я гость вашего брата, хотя, к сожалению, не друг его. Миледи, возможно даже, что через несколько минут он будет смотреть на меня, как на смертельного врага, но, что бы вы ни услышали, что бы вам ни сказали, верьте моему слову – слову человека, высшим блаженством которого было бы, чтобы вы правильно судили о нем; будьте уверены, что я неизменно хранил самое полное уважение к вашему семейству и никогда не поступал недостойно.

– Милорд, – забормотала девушка, смущенная и пораженная этим бурным, страстным взрывом чувств, – я боюсь даже отгадывать, на что вы намекаете. Я верю, что вас оклеветали,

что мой брат ошибается, но прошу вас: лучше уйдите с его дороги, не вызывайте его на объяснения, которые при его вспыльчивости могут повести к самым печальным последствиям!

– Миледи, не просите меня! Достаточно мельком высказанного вами желания, чтобы я счел священным долгом исполнить его. Но разрешите мне исполнить его так, как этого требует от меня моя честь. Вы боитесь, что мне еще раз придется скрестить с вашим братом оружие; но разве он не ваш брат и разве мог бы я когда-нибудь забыть, что ваши глаза станут оплакивать его, что ваше сердце возненавидит меня, если я подниму против него оружие? Нет, миледи, как когда-то я пролил свою кровь только ради того, чтобы услышать слово благодарности из уст вашей сестры, так и теперь я хотел бы заслужить ласковую улыбку, привет ваших прекрасных глаз, и соглашусь лучше сломать свой меч, чем поднять его против того, кого вы любите.

Раздался громкий звон шпор, и несколько вооруженных людей с громким топотом ввалились в комнату.

– Бегите, – дрожа, прошептала Джен, – брат возвратился с Дугласом; они вместе кутили, он не должен застать вас здесь.

Она еще говорила это, когда раздался голос Сэйтона.

– Где он? Клянусь святым Голирудским крестом, неужели он осмелился... А?! – перебил он сам себя, входя в этот момент в галерею. – Леди Джен Сэйтон принимает против моего желания графа Сэррея?

Лицо Сэйтона было очень красно, жилы на висках налились, мрачный взгляд предсказывал мало хорошего. Но Роберт со спокойной решимостью пошел к нему навстречу и произнес:

– Милорд, в этом виноват только я; я вошел в галерею, даже не подозревая встретить здесь леди Сэйтон. Но, раз это случилось, я надеюсь, что вы поверите, насколько я приписываю одному только счастью эту случайность и не льщу себя надеждой, что вы сочтете меня достойным быть принятым леди Сэйтон.

– Милорд, – возразил Сэйтон, приказав сестре удалиться, чему она, дрожа, повиновалась, – я слышал, будто вы приказали уложить свои вещи и хотите поговорить со мной. Если вы собираетесь поблагодарить меня за гостеприимство, которым вы мне обязаны, то избавьте себя от лишнего труда. Как только вы оставите мой дом, я последую за вами в надежде настичь вас где-нибудь за воротами; мне тоже надо поговорить с вами.

– Милорд, для этого и я искал вас здесь.

– Разговор, который я желаю иметь с вами, не может иметь место в зале, где священны законы гостеприимства.

– Но мой разговор может и должен иметь место тут! – решительно ответил Сэррей.

– А я не имею ни малейшего желания слушать вас. Милорд, не испытывайте моего терпения! Я выполнил свой долг, как ни трудно мне было это. На вашем месте я не стал бы искать меня дома, а предпочел бы ждать меня с двумя секундантами на лугу, вооруженным и верхом. Я с большим бы удовольствием приветствовал вас секирой, чем кубком, но я покорился вашему желанию и теперь немало радуюсь, что комедии пришел конец. Законы гостеприимства защищают вас от моего меча, пока вы не будете находиться в расстоянии часа езды от Эдинбурга. До того времени мы – друзья, но потом – враги. Правильно ли это? – спросил он, обращаясь к гостям, вошедшим в галерею.

– Таков обычай! А на дороге вы можете встретиться с Сэрреем, если у него хватит храбрости подождать вас! – ответил Дуглас при одобрении всех остальных.

– Милорд Сэйтон, – произнес Сэррей, – я не выйду из вашего дома, пока не дам вам оправдывающих меня объяснений, и раз вы сослались на свидетелей, чтобы они одобрили ваш образ действия, то я требую, чтобы они поддержали и меня в моей правоте.

– Выслушайте его, – улыбаясь, сказал Дуглас, – ведь это вас ни к чему не обязывает.

– Милорд, – ответил Сэйтон после короткого колебания, – никто не смеет сказать, будто Сэйтон нарушил законы гостеприимства. Говорите, сколько хотите; я и мои друзья, мы выслушаем вас.

– Больше мне ничего не нужно, – заявил Роберт. – Граф Лейстер сообщил мне, что он необдуманно высказался о моих отношениях к вашей сестре, леди Марии.

– Клянусь святым крестом, милорд, – закрипел зубами Сэйтон, – вы осмеливаетесь...

– Я осмеливаюсь думать, что дворянин не имеет права считать другого дворянина подлецом, не выслушав его, а я был бы таковым, если бы когда-нибудь позволил себе говорить о вашей сестре иначе как с глубоким уважением. Я говорю это не для того чтобы стараться побороть ваше недоброжелательство ко мне, а лишь для того, чтобы сложить с себя всякую ответственность, которой вы могли бы потребовать от меня на основании слов графа Лейстера. Я никогда не стану драться с тем, кто защищает честь леди Сэйтон, и сам сделал бы то же самое, если бы кто-нибудь решился задеть ее. В силу этого я заявил графу Лейстеру, что порываю свою дружбу с ним, так как не могу быть другом человека, говорящего про леди Сэйтон без достаточного уважения. Вы видите, таким образом, что только я один являюсь оскорбленным; меня выставили хвастунишкой, и в этом отношении я могу считаться только с графом Лейстером и менее всего с вами. Я не стану драться на поединке с братом той, которую когда-то я объявил дамой своего сердца. Если же, – с этими словами он обратился к гостям Сэйтона, – здесь имеется кто-либо, кто имеет охоту обменяться со мною ударами меча, то я готов ждать его где бы то ни было.

– Я готов! – почти одновременно воскликнули граф Дуглас и Линдсей.

Сэйтон с раздражением поклонился ему. Он должен был отказаться от желанного поединка, так как получил требуемое удовлетворение.

– Милорд, – сказал он, тогда как Сэррей кланялся графу, – я с удовлетворением принимаю ваши объяснения, хотя мне и было бы приятнее разрешить недоразумение рыцарским поединком. Но только оскорбление давало мне право назначать гостю свидание за воротами; теперь мы поквитались с вами, и я надеюсь не попадать больше в такое положение, которое удержит меня от напоминания вам о нашей ссоре у собора Нотр-Дам.

– Я тоже надеюсь на это, хотя и понимаю это в другом смысле, чем вы. – С этими словами Сэррей поклонился и, приняв от хозяина прощальный кубок, как того требовал обычай, вышел из замка, чтобы сесть на своего коня.

Графы Дуглас и Линдсей последовали за ним со своими оруженосцами; у них не было никаких оснований выжидать, пока Сэррей отъедет на расстояние часа пути от замка.

III

Всадники вскочили в седла и собирались проехать под воротами замка веселой кавалькадой, словно дело шло о прогулке, а не о дуэли, как вдруг столкнулись с двумя другими всадниками, приближавшимися к сэйтоновскому дворцу. Последние, судя по внешнему виду, совершили длинный переезд, так как их платье было совершенно запылено, а лошади – в пене. По первому взгляду Сэррей узнал друга, приехавшего в сопровождении оруженосца, чтобы отыскать его.

– А, Вальтер Брай! – крикнул Роберт, не замечая, как при этом имени насторожился граф Дуглас, с любопытством посмотревший на новоприбывшего.

Сэррей поспешно пожал руку другу и шепнул ему, что нашел Филли.

Лицо Брая просветлело при этом, и хотя его взор мрачно и подозрительно скользил по всадникам, носившим столь ненавистные ему цвета Дугласа, но он с напряженным вниманием слушал, что рассказывал ему Сэррей. Когда тот окончил свой рассказ замечанием, что Брай

не мог бы приехать в более подходящий момент, чтобы удалить Филли из близости Лейстера, Вальтер с удовлетворением улыбнулся и произнес:

– Я не разделяю ваших опасений относительно Филли, так как женщина, не способная оградить свою честь, заслуживает позора. Но я рад слышать, что вы не доверяете графу Лейстеру. Это фаворит Елизаветы, который прислан сюда погубить шотландскую королеву; еще есть время предупредить ее!

– Она предупреждена! – ответил Сэррей.

В этот момент к ним подъехал граф Дуглас, прозванный Черный Дуглас. Он испытующе впился взором в Вальтера Брая и спросил:

– Сэр, вы родом из Дэнсдорфа?

– Да, граф Дуглас. Меня зовут Вальтер Брай из Дэнсдорфа, и я еще ребенком мерялся оружием с дугласовскими всадниками.

– И вероятно, испытали на себе тяжесть их кулаков. Один из моих друзей, лэрд Бэблей, граф Гертфорд, просил меня повесить вас на первом же дереве, если вы покажетесь в Шотландии.

– Милорд, если лэрд Бэблей – ваш друг, то вы угодили рукой в помойную яму. Но обоим вам место на виселице, если храбрый граф Дуглас научил своих всадников нападать целой дюжиной на одного человека.

– Сэр, вы, очевидно, солгали, когда сказали, что мерялись оружием с дугласовскими всадниками, иначе вы знали бы, что дугласец сам лучше выступит против десятерых, чем набросится с несколькими товарищами на одного. Это вы хитростью заманили всадников моего отца к обрыву в Эдинбург?

– Да, я, и милорд Сэррей подтвердит вам, что дюжина ваших всадников преследовала единственного человека, который хотел защитить женщину от подлости вашего друга.

– Но позвольте! Ведь это была распутница, выпоротая перед тем у позорного столба.

– Это была мать вашего ребенка, милорд Дуглас, а ваш друг виноват в том, что ее признали распутницей.

– Мать моего ребенка? Вы с ума сошли или ваша шея хочет познакомиться с моей секирой?

– Милорд, у меня кулак чешется дать вам такой ответ, какого вы заслуживаете! – произнес Брай. – Лэрд Бэблей, ваш друг, преследовал ухаживаниями мою невесту, бедную девушку, подстерег ее на сеновале, и, когда она стала отбиваться от него, тогда он кликнул ваших всадников и обругал ее при них распутницей. Ее потащили к озеру, окунули в воду и привязали к папистскому столбу. Я вернулся из лагеря графа Аррана, услышал о происшедшем и хотел прежде выслушать эту девушку, а потом уже отомстить. Ваши всадники бросились за мной вдогонку, и я заманил их к обрыву, потому что не хотел им давать убивать себя; лэрд удрал, боясь моей мести. Кэт, как звали девушку, нашла приют у одной ведьмы, и ей удалось, несмотря на преследования Бэклея, который выжег подземелье, добраться до вашего замка. Тогда вы окончательно опозорили ее там. Случаю было угодно, чтобы я воспитал и полюбил вашего ребенка. Но я говорю это совсем не для того, чтобы причинять вам лишние хлопоты; мне кажется, что уже ради вашей дочери я обязан убить единственного человека, который имеет право назвать ее незаконнорожденной.

– Не знаю, чему и верить! – пробормотал Дуглас. – Бэблей – негодяй, а вы были покровителем, а не погубителем его возлюбленной? Вы воспитали моего ребенка и вместо благодарности ищете ссоры со мной?

– Я ручаюсь за слова Брая, – вступился теперь в разговор и Сэррей, – и могу подтвердить все сказанное им; только мне было неизвестно, что дочь Кэт – ваш ребенок. Однако, раз Брай говорит это, значит, так оно и есть. Милорд, хотя вы и настроены против меня очень враждебно, но я считаю вас за слишком честного человека, чтобы не верить, будто вы просто

обмануты негодяем Бэклеем; этот субъект обманул уже многих, а за последнее предательство своих благодетелей ему пришлось жестоко поплатиться; как раз та, которой он хотел предать их, наказала его за них.

– А мне он говорил, что его предала женщина! – произнес Дуглас. – Я не могу требовать от него, чтобы он дал мне доказательства, так как это калека, у которого пыткой сломали все члены. Но я откладываю свой поединок с вами, милорд Сэррей, пока не расследую все это. Если этот человек, – он указал при этом на Брая, – говорит правду, то я обязан ему благодарностью; пусть он узнает, что Дуглас никогда не стыдится исправить совершенную несправедливость! Ребенок, в жилах которого течет моя кровь, не должен краснеть ни перед кем.

– Милорд Дуглас, – заметил Брай, – если вы хотите признать вашу дочь, тогда я беру обратно свои слова и никогда больше не скажу про Дугласа, что он позорит свой герб.

Тем временем кавалькада достигла рожицы у ворот Эдинбурга, и лорд Линдсей нетерпеливо подскакал к ехавшим впереди и спросил, уж не до Лондона ли собираются они скакать, чтобы он мог сломать милорду Сэррею шею на английской почве?

Вместо всякого ответа Сэррей соскочил с лошади и обнажил меч. Линдсей последовал его примеру, тогда как по знаку, данному Дугласом, оруженосцы подхватили лошадей под уздцы.

Поединок продолжался недолго. Линдсей повел ожесточенную атаку, но ему пришлось убедиться, что Сэррей значительно сильнее его. У него уже сочилась кровью легкая рана, когда он сделал резкий выпад, который оставлял его самого без прикрытия, но вместе с тем неминуемо должен был свалить с ног Сэррея. Но уже по параду он заметил, что Сэррей знал этот прием; поэтому он отскочил назад, чтобы избежать удара врага, причем зацепился шпорами за корни дерева и упал на землю в тот самый момент, когда Сэррей сделал выпад. Не ожидая, чтобы так ожесточенно нападавший враг отступил, Сэррей тоже упал, и случаю было угодно, чтобы, падая, Сэррей наткнулся рукой на острие меча Линдсея. Меч выпал из рук Роберта, и кровь потоком хлынула из разрезанной жилы, забив из нее фонтаном.

Сэррей не был побежден, но был ранен; упал в обморок от потери крови, и Вальтеру только с трудом удалось наложить ему повязки и остановить кровотечение. Дуглас кликнул своих людей, приказал взвалить раненого на лошадь, и так как вблизи находился один из его замков, то все, за исключением Линдсея, вернувшегося с оруженосцами в Эдинбург, поскакали туда.

Глава девятая. Мария и Лейстер

I

Граф Лейстер тоже стал готовиться к отъезду, как только Сэррей оставил его. Он упивался блаженством при мысли о том, что теперь зависит только от него одного добиться цели своих честолюбивых надежд, и с того момента, когда увидел возможность, что Мария Стюарт протянет ему руку, не призывая в советники никого другого, кроме своего сердца, он уже чувствовал себя победителем. Тогда ее образ всплыл перед его глазами, и ему показалось, что с его души упало покрывало и его сердце всегда стремилось к ней, так как она – та женщина, на которую намекало пророчество предсказательницы.

Когда он спустился по лестнице, то случайно заглянул в окошко, через которое Сэррей впервые увидел Джен Сэйтон. Зал был полон гостей, в галерее стоял против Сэррея Сэйтон, а Джен с краской стыда на лице поспешно убежала.

– Ага! – улыбнулся Дэдлей Лейстер. – Так вот какова добродетель нашего героя! Младшая вытеснила у него из сердца старшую, а я еще думал, что это просто гордость борется в нем со старой любовью! И ведь он все-таки сумел добратся до нее, несмотря на все запоры, которыми думал оградить ее Сэйтон! Великолепно! Вот и истинная причина его гнева, когда он узнал, что я восстановил против него лэрда.

Для Лейстера было большим торжеством иметь возможность обвинить Сэррея; теперь ему уже нечего стыдиться своего предательства. Так, по крайней мере, он думал, и когда полчаса спустя, вскоре после отъезда Сэррея из замка, он вошел в зал, чтобы проститься с Сэйтоном, то, смеясь, сказал ему:

– Милорд, я ошибся: граф Сэррей совсем не домогается чести надеть на себя шотландскую корону.

– Знаю! – с ледяной холодностью возразил ему Сэйтон. – Он не так глуп. Кроме того, он вообще предупредил меня, что его друзья болтают больше, чем могут отвечать за это. Я вижу, что вы приготовились уезжать, желаю вам счастливого пути.

Насмешливый тон его слов и тихие смешки присутствующих доказывали Лейстеру, что малейшее его слово будет принято за вызов с его стороны. Но он далек был от мысли ставить на карту свою жизнь в тот момент, когда ему улыбалось будущее. Если он добьется руки Марии, то всегда успеет заставить Сэйтона поплатиться за надменность. Поэтому он сделал вид, будто не замечает насмешки в тоне Сэйтона, и простился с ним в самой любезной форме.

В тот же вечер он добрался со своими слугами до Сент-Эндрю.

Его принял граф Мюррей, который и повел его в отведенные для него покои.

– Милорд, – сказал он, – я счастлив, что королева решила повидаться с вами. Теперь от вас будет зависеть добыть себе корону и красивую женщину. Надеюсь, ваше сватовство увенчается успехом, так как в этом заключается порука мира с Англией и ее великой монархиней.

– Милорд, – ответил Лейстер, уже видевший в Мюррее человека, которого ему необходимо будет столкнуть первым долгом после вступления с его помощью на трон, – я являюсь сюда как жених; никакие желания, кроме желания стать счастливейшим из смертных, не смущают моего покоя. Я не государственный деятель и никогда не занимался политикой. Поэтому если бы мне предстояло стать не только супругом, но и первым советником королевы, то я отклонил бы от себя такую ответственную обязанность; но королева Елизавета сказала мне, что в вас я найду покровителя, друга и советника – словом, человека, который один только способен избавить эту несчастную страну от смут и раздоров.

– Я первый слуга королевы, – ответил Мюррей, – и охотно окажу вам помощь, если, – он подчеркнул последующие слова, – вы дадите мне гарантии, что и далее будете пользоваться моими услугами.

– Я готов, не читая, подписаться под вашим предложением! – засмеялся Дэдлей. – Влюбленный человек ненавидит дела.

Мюррей с удовлетворением улыбнулся: теперь ему казалось бесспорным, что он будет вертеть как угодно этим человеком.

II

В это самое время Мария Стюарт и Генри Дарнлей сидели за веселым ужином, причем королева, смеясь, вышучивала пошлого фата, любезности которого ей придется выслушивать, чтобы обмануть Мюррея. Благодаря изысканному воспитанию Дарнлея и его веселому нраву ему удалось уже прогнать заботливые морщины со лба королевы, и она думала только о том, как бы обмануть Мюррея и не выдать себя до тех пор, пока Дарнлей не приобретет достаточного количества приверженцев, чтобы открыто просить ее руки. Хотя она и чувствовала себя во многом обязанной Джеймсу Стюарту Мюррею, но ее уже тяготила необходимость зависеть от него во всех отношениях и смотреть на все его глазами. Что касалось управления Шотландией, то она с удовольствием вполне предоставила бы власть его твердой руке, которая была способна подавить партийные междоусобицы лэрдов; но он требовал ограничения придворной роскоши, совал нос во всякое развлечение, придумываемое королевой, и немедленно докладывал ей, что подозрительные шотландцы видят в этом распушенность нравов и французское легкомыслие. При каждом удобном случае он пугал Марию призраком революции, не умея, однако, избавить ее от оскорблений, наносимых приверженцам ее религии и ей самой религиозными фанатиками. Так, например, школьный учитель в Галдингтоне, желая восстановить своих учеников против католицизма, устроил для них представление с крестинами кошки. Мария не видела иного исхода, как выйти замуж, так как тогда ее муж станет тем человеком, который защитит ее от личных оскорблений. Но она не была бы женщиной, если бы думала только о том, чтобы избрать в мужа того, кого ей рекомендовал ее правитель-моралист вместе с ее соперницей, королевой Елизаветой. Она во что бы то ни стало хотела избавиться от его опеки, и теперь главное дело было в усилении партии, желавшей свергнуть Мюррея, чтобы он уже не имел возможности помешать ее браку с Дарнлеем.

Последний был как раз такой человек, который, по мнению Марии, был способен обеспечить ей радостную будущность. Он был очень симпатичен, имел благородную внешность и обладал всеми чарами юности. Следуя советам своей честолюбивой родни, он выказал незаурядную ловкость и вкрался в доверие к Мюррею, который не видел в нем опасного человека. По утрам Дарнлей слушал проповеди реформатора Нокса, по вечерам – танцевал с королевой и умел одновременно приобрести доверие как придворных лиц, так и двора. И вот, в то время как Мюррей работал над тем, чтобы Елизавета, в случае, если она умрет бездетной, объявила Марию наследницей престола, королева Шотландская все искуснее уклонялась от определенного ответа. Она вернула из ссылки изгнанного графа Босвеля, чтобы в случае необходимости опереться на него; точно так же через Дарнлея она завязала сношения с Гентли, состояние которых было конфисковано Мюрреем. Сам Дарнлей вербовал в свои ряды всех тех лэрдов, которые втайне оставались верными католической религии и клеймили подлостью самую мысль о возможности брака королевы Марии с англичанином.

III

Таково было положение вещей, когда Лейстер прибыл в Сент-Эндрью.

Мария слушала стихи, которые ей читал Дарнлей, и милостиво принимала его ухаживания, тогда как Лейстер плавал в честолюбивых надеждах и надеялся уже на следующий день быть принятым в торжественной аудиенции.

Настало утро, а вместе с ним и приглашение пожаловать к королеве в двенадцать часов. Дэдлей оделся со всем блеском и вкусом разорительных обычаев, бывших в моде при французском дворе; этим он хотел вызвать в памяти королевы веселые времена ее юности. Лейстер был одним из красивейших мужчин своего времени и, увидав теперь свое изображение в зеркале, сам нашел себя неотразимым. Когда он отправился в покои королевы, то два пажа предшествовали ему.

Мария Стюарт тоже принарядилась. Белые розы благоухали в ее волосах, грудь волновалась в облаках газа, а бархатное платье красиво обрисовывало грациозные формы ее тела; но прелестное лицо лучше всякого туалета сияло грацией юности. Ведь дело было в том, чтобы этому человеку, который стоял на коленях перед соперницей, а теперь был прислан ею в качестве жениха, показать во всей красе то, чего именно он добивался, а так как она заранее твердо решила отказать ему, то женское самолюбие требовало полного триумфа, чтобы он не мог равнодушно помириться с мыслью об отказе, да и не стал, чего доброго, по возвращении в Лондон рассказывать, что брак не состоялся из-за политических соображений.

Дарнлей неоднократно поддразнивал Марию, что Лейстер неотразим и что, побеждая сердца дам, он сам остается холодным и спокойным, так как ни одна не сумела задеть его сердце. Сэррей тоже сказал, что Дэдлей не умеет любить иначе, как питая честолюбивые планы. Таким образом, женское достоинство Марии положительно требовало от нее, чтобы она довела жениха до такого состояния, когда ему уже не придется лицемерить, признаваясь ей в любви.

Никогда еще Мария не была так прекрасна, как сегодня, когда насмешка дрожала в уголках ее губ, а из прекрасных глаз так и лучилась жажда торжества, когда она должна была получить новое доказательство неотразимости своего кокетства, чтобы потом похвастаться этим перед возлюбленным.

Вошел Лейстер. Он думал застать королеву во всей царственной пышности, так как ведь он был послом королевы к государыне. Но вместо повелительницы он встретил сиявшую только красотой даму, у которой изящество заменяло пышность, грация – внешние формы этикета; казалось, что он явился свататься к самой обыкновенной женщине, которая даст тот или иной ответ, только подчиняясь велениям своего сердца. Лейстер приготовил вступительную речь, но к этой интимной обстановке она не подходила. Вместо блестящей свиты он видел вокруг Марии ее статс-дам, веселые лица которых говорили о том, что они расположены гораздо больше к забавной шутке, чем к соблюдению строгого этикета. И он стоял, пораженный, ослепленный, очарованный красотой открывшейся ему картины.

– Добро пожаловать, милорд Лейстер! – сказала Мария с ласковой улыбкой, которой словно хотела ободрить его. – Мы очень хорошо помним вас, хотя с последнего нашего свидания и до сегодня прошло много горестных, печальных минут. В то время мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь вы явитесь ко мне в качестве посла моей строгой сестрицы Елизаветы, с мечом в одной руке и обручальным кольцом – в другой. Но я не расположена говорить о политике и, чтобы не слишком обижать посла, принимаю вас, как старого друга.

Дэдлей преклонил колено и воскликнул:

– Ваше величество, ничто не может так ласкать мой слух, как это имя. С дрожью принял я поручение королевы Елизаветы; оно казалось мне каким-то издевательством, и все-таки я не мог отклонить его, так как оно вело меня сюда. Я рисковал показаться пошлым дураком, но решился на все, лишь бы снова увидеть ту, которая чаровала своей красотой всю Францию!

– И которая с того времени сильно постарела и испытала много горя! – подхватила королева. – Признайтесь, граф Лейстер, что вы сильно колеблетесь говорить печальной вдове такие вещи, которые вы, избалованный успехом, привыкли расточать только самым свежим цветам

юности. Правда, моя рука держит в себе венец, но это – терновый венец, и я не могу сердиться, если в тайниках своей души вы уже желаете, чтобы я отослала вас назад и сказала своей сестре Елизавете, что для самого красивого мужчины Англии Мария Стюарт слишком стара и представляет собою слишком незначительную цель честолюбивых стремлений.

– Ваше величество! – пламенно воскликнул Лейстер, очарованный улыбкой, которая ясно показывала, насколько мало сама Мария верит своим словам. – Если бы я встретил вас пастушкой на шотландских лугах и ваш взор приказал мне оставить вас, то и тогда я покорился бы! Правда, мое сердце было бы разбито и я вернулся бы на родину с чарующим образом в душе, образом, который навеки стал бы источником страданий моего сердца. Было время, когда вы недостижимо высоко стояли надо мною; тогда я мечтал о вашем благоволении, как влюбленный пастушок, который стремится к солнцу, но не думает осмелиться когда-нибудь взглянуть на его сияние. Но этому пастушку показали дорогу, ведущую к солнцу, и в его душе с прежней страстностью проснулась жажда стремления. Пусть все называют это безумием, но он уже не в силах думать ни о чем ином, кроме того, чтобы приблизиться к солнцу и сгореть в пламени его лучей!

Мария Стюарт с торжеством улыбнулась, но в этой улыбке была не насмешка, а скорее сомнение и робкое участие, словно она раскаивалась, что вздумала играть с этим сердцем, если поклонение, о котором говорил Лейстер, было на самом деле искренним. Сердечная доброта королевы не позволяла вводить кого-нибудь в обман, если последний был бы только жестоким развлечением, а не наказанием.

– Милорд Лейстер, – сказала она, дав своим статс-дамам знак, чтобы они отступили назад, – будьте откровенны! Ведь вас привлекает сюда одно только честолюбие, и я, право, не стала бы порицать вас за это! Ведь корона заключает в себе так много заманчивого!.. Поэтому говорите со мною без этого льстивого тона, и тогда мы можем договориться с вами до чего-нибудь. Ведь я знаю, что вы заставили поколебаться мою сестру Елизавету в ее решимости не делить английского трона с мужем. Ей принадлежит ваше сердце, она красивее, могущественнее и счастливее, чем я. Так будьте же откровенны!

– Ваше величество, – ответил Дэдлей, и звук его голоса задрожал искренностью и правдивой бурностью чувства, – мое сердце принадлежит только вам одной, и никогда еще я не обоготворял женщины так, как вас. Клянусь своей честью, если когда-нибудь я буду иметь счастье назвать своей эту прекрасную ручку, то не буду знать иной политики, кроме той, которая сделает вас великой, могущественной и счастливой! Я не игрушка в руках вашей соперницы.

– Значит, мои сведения неверны? Значит, не правда, что вы надеялись и пытались подойти поближе к сердцу Елизаветы?

Лейстер даже не подозревал, что этот вопрос был предложен ею только для того, чтобы узнать, следует ли вводить его в заблуждение или нет. Он думал, что Мария высказывает подозрение, не собирается ли он и в качестве ее супруга оставаться вассалом Елизаветы.

– Ваше величество, – ответил он, – язык придворных полон поверхностной любезности, а каждая дама требует, чтобы льстили ее женскому самолюбию. Но кто же может признать королеву Елизавету красивой, если видел вас? Ведь это значило бы предпочитать осенние туманы цветущей, сияющей весне! У королевы Елизаветы нет сердца, это ледяная царица, вы же – цветущий май!

– Граф Лейстер, вы способны были бы вскружить мне голову, – улыбаясь, ответила Мария, хотя незаметная тень недовольства легла на ее черты, – если бы я только что не узнала от вас, как вы считаете необходимым говорить с государыней, чтобы льстить ее женскому самолюбию.

– Ваше величество, неужели вы не способны расслышать голос сердца и приравнять холодные, банальные фразы к пылу искреннего чувства?

– Я думаю о том, сколько женских сердец уже завоевали вы и как Елизавета сумела разглядеть вас...

– Еще ни одна женщина не захватывала одним взглядом всего моего сердца, чтобы я, как теперь, был способен забыть все на свете...

– Значит, я срываю первый цвет вашей любви, граф Лейстер? Ну а если я дам ему завянуть?

– Тогда ему не расцвести вновь...

– Вы опасны, граф! Я оградила себя против вас твердым решением продать свою свободу только тому, кто завоеует мою любовь, а вы ведете себя не как посол, а как пламенный поклонник. Горе мне, если вы обманете меня. Народ притесняет меня, заставляет во что бы то ни стало выбрать супруга, а я могу принести супругу в приданое только заботы, тяжелые обязанности и сердце, которое противится браку. Проверьте себя еще раз, прежде чем потребуете такого объяснения, которое наложит на вас известные обязательства. Если на ваше решение влияет хоть отчасти честолюбие, то лучше бегите прочь, так как лэрд Мюррей не потерпит, чтобы мой супруг вырвал у него из рук бразды правления. Тогда вы избавите и меня от неприятной задачи отказать фавориту Елизаветы.

– Ваше величество, лэрд Мюррей только что получил мои уверения, что я во всем буду следовать его советам.

Лейстер не мог бы более ярко, чем этой фразой, доказать Марии, что в его словах скрывается самое наглое лицемерие, и она должна была употребить усилие, чтобы подавить в себе недовольство и не указать ему с насмешкой и презрением на дверь.

– Я подумаю о вашем предложении, граф, – промолвила она. – До свидания.

Дэдлей глубоко поклонился ей, и как ни неожиданно оборвался вдруг их разговор, но он вышел из комнаты с радостным убеждением, что решение Марии может быть только благоприятным его домогательствам. Ведь она выслушала его признания в любви и дала волю ревности!..

Ах, если бы только он мог слышать слова королевы, сказанные ею после его ухода, и видеть тот взор, которым она проводила его!

– Лицемерный мальчишка! – с горькой усмешкой презрения пробормотала королева ему вслед. – Теперь я насквозь вижу Елизавету, и это ты научил меня понимать ее! Как мало уважает она меня, если думает, что достаточно быть красивой куклой, чтобы завоевать мое сердце! Она посылает человека, у которого на языке одни только сладкие слова да поддакивания, словно дело идет о том, чтобы завлечь девчонку обещаниями! А мне еще жаль его, я еще боюсь причинить ему страдание, разочаровав его в женщине, к которой он подошел с таким обожанием! Лицемер. Раб Елизаветы и холоп Мюррея должен стать моим господином? Вы думаете вскружить мне голову надеждой на любовные забавы, словно мое сердце жаждет одних только наслаждений! Елизавета жертвует своим любовником, чтобы утолить вожделения шотландской королевы, и этот совет исходит от Мюррея. Это высшее издевательство, это переполняет чашу оскорблений! Но это к лучшему: по крайней мере, теперь я хоть знаю своих врагов.

Статс-дамы, давно уже не видевшие своей повелительницы в таком волнении, подбежали и стали сокрушенно спрашивать, не сказал ли ей Лейстер чего-нибудь неприятного.

Лицо Марии судорожно исказилось принужденной улыбкой напускного веселья, и она воскликнула с той грозной веселостью, которая звучит бичующим гневом и иронией:

– Мы стоим на очень плохом счету! Всем известно, что мы охотно танцуем и поем, что при французском дворе мы научились ценить сладкий язык придворной лести и что легкие нравы удобнее нам, чем деревянные формы строгого этикета. Отчаявшись как-нибудь иначе образумить меня, сестра Елизавета, пожимая плечами, вошла в соглашение с моим строгим опекуном и братом Джеймсом, и плодом их мудрого совещания о том, как бы обезвредить меня, явилась мысль пойти навстречу моим вождениям. Елизавета заходит в своем участии

так далеко, что посылает ко мне самого красивого мужчину Лондона, своего фаворита, который в совершенстве изучил искусство заставить женщину замолчать, пользуясь для этого поцелуями и поддакиваниями. Милорд Лейстер готов снизойти до того, чтобы любить меня, тогда как лэрд Мюррей будет приводить в исполнение приказы Елизаветы, касающиеся блага нашей родной страны. Таким образом меня избавляют от всех забот, и на мою долю остаются только те радости, которые способен доставить своей милочке прекрасный граф Лейстер!.. Но, к сожалению, у меня другой вкус, чем у сестры. Пусть меня все предадут, пусть я стану Иезавелью своей родины, но я все-таки не хочу, чтобы моим супругом стал отставной фаворит Елизаветы. Позовите лэрда Дарнлея! Прикажите зажечь свечи и позвать музыкантов! Пусть меня проклинают за то, что мое сердце жаждет радостей жизни, но я, по крайней мере, хоть отведаю этих радостей. Отныне ворчливое лицо Мюррея уже не будет больше пугать меня и никакие угрозы пуритан не заставят смолкнуть нашу веселость, а если они осмелятся восстать – пусть застанут меня танцующей с розами радости в волосах и румянцем удовольствий на лице.

IV

Через несколько часов все залы были залиты потоками света и раздавалась бальная музыка. Лейстер был тоже приглашен принять участие в королевском празднике.

– Теперь вы должны во что бы то ни стало завоевать сердца всех и каждого ловкой фразой, – шепнул ему Мюррей. – Вы искусны во французской обходительности, а грацию вашего танца прославляют решительно все. Королева, кажется, в хорошем расположении духа, а у женщины это обыкновенно означает то, что она уже наполовину побеждена.

Лейстер не заставил два раза напоминать себе об этом; он сгорал от нетерпения приобрести триумф, всю сладость которого он мог оценить только теперь, когда снова увидел Марию.

Он увидел, что королева говорила с лэрдом Дарнлеем и, казалось, шуточно поддразнивала его, и услышал ее слова, обращенные к Дарнлею:

– Сегодня я не буду танцевать; я хочу смотреть и вручить победителю приз. А, – улыбнулась она, когда ее взгляд словно только сейчас заметил Лейстера, – вот и милорд Дэдлей. Граф Леннор, у вас опасный соперник! Милорд Лейстер, представляем вам милорда Дарнлея, графа Леннора, нашего преданного кузена; вы увидите, что в Шотландии тоже имеются грациозные танцоры. Изберите себе даму среди присутствующих и встаньте в пару против нашего кузена; пусть это будет турниром грации, как это было в Версале.

– Я не решусь выйти на турнир с милордом Лейстером, – возразил Дарнлей, – самое большое, если мне удастся не очень отстать от него.

– Милорд Дарнлей, – ответил Дэдлей, – победителем может быть только тот, кого озаряет милость нашей государыни.

– Тем хуже для меня!.. Известное дело, что кузены становятся лишними, когда являются женихи!

Взор Дэдлея засиял радостью; он не мог иначе истолковать слова Дарнлея, как в том смысле, что в присутствии Лейстера каждый другой жених, не исключая и его самого, Дарнлея, должен отказаться от всякой надежды. Он попросил королеву указать ему даму, с которой он должен танцевать, так как единственная, которую он хотел избрать, если бы ему было предоставлено право свободного выбора, отказалась от этого удовольствия. Мария указала ему на леди Сэйтон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.